

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

На правах рукописи

ДИЛОВАРОВ МАНУЧЕХР МАЗАМОВИЧ

ТЕРМИНЫ РОДСТВА ЮГО-ВОСТОЧНЫХ ГОВОРОВ
ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА

(с привлечением материалов английского языка)

Специальность 10.02.19 – Теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Джамшедов Парвонахон

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Касимов Олимджон Хабибович

Душанбе - 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ РОДСТВА	13
1.1. Понятие о термине	13
1.2. Формирование терминологии родства в индоевропейских языках	18
1.2.1. Термины родства в древнеперсидском языке	19
1.2.2. Термины родства в среднеперсидском языке (пехлеви)	21
1.2.3. Термины родства в новотаджикском (новоперсидском) языке	22
1.3. Становление и развитие терминологии родства в английском языке	25
1.4. Становление и развитие терминологии юго-восточных говоров таджикского языка	28
1.5. Формирование терминологии родства в английском языке. Английская система родства	39
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	53
ГЛАВА II. СТРУКТУРНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИИ РОДСТВА ЮГО-ВОСТОЧНЫХ ГОВОРОВ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКОМ	57
2.1. Словообразование терминологии родства юго-восточных говоров таджикского языка и их эквиваленты в английском языке	57
2.2. Способ словосложения терминологий родства юго-восточных говоров таджикского языка в сопоставлении с английским языком	65
2.3. Синтаксический способ образования терминов юго-восточных говоров таджикского языка в сопоставлении с английским языком	72
2.4. Семантический анализ терминологии родства юго-восточных говоров таджикского языка в сопоставлении с английским языком	77
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	94
ГЛАВА III. КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В ЮГО- ВОСТОЧНЫХ ГОВОРАХ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКОМ	98
3.1. Термины кровного родства	118
3.2. Термины неродственных отношений в таджикском и английском языках .	120
3.3. Заимствованная (тюркская, арабская, персидская) лексика в терминологии родства	122
3.4. Отражение терминов родства в творчестве таджикских классиков	133
ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ	139
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	142
БИБЛИОГРАФИЯ	150

ВВЕДЕНИЕ

Терминология родства имеет свои античные эпохи в истории человечества, в них сконцентрированы свойственные различным языкам структурные особенности, которые, вместе с тем, обладают незаурядным историко-этнографическим смыслом.

Родственность - это тот феномен, на вершине которого базировались общественные институты традиционной цивилизации, представляющие юго-восточные говоры таджикского языка. В терминологии юго-восточных говоров таджикского языка существуют термины родства квалификационного и описательного характера, отражающие степень родства и статус любого члена родственной группы в системе родства таджикского народа.

Терминология родства - одна из важнейших групп в лексическом составе языка таджикского народа. В этой терминологии отображены существенные социально-исторические процессы жизни народа как носителя языка.

В последние десятилетия терминология родства в различных языках стала объектом исследования большинства ученых: историков этнографов, демографов, этнологов, социологов, и прежде всего, лингвистов, что не случайно. Представляя собой семантическое поле замкнутого характера, терминология родства является отображением системы родственных отношений, свойственной народу, говорящему на том или ином языке, в определенную эпоху и в определенном ареале.

Терминология родства относится к той части языка, изучение которой немислимо без использования экстралингвистических данных. Кроме того, по структуре и семантике подобной терминологии родства возможно прийти к обобщающим выводам о скрытой за ней экстралингвистической системе. Данные пласты лексического состава языка представляют несомненный интерес для учёных-лингвистов, так как это древнейший и основной фонд лексики любого языка. Вместе с тем, рассматриваемый нами языковой пласт

привлекается в трудах по этнографии и смежным с ней дисциплинам чаще всего для решения целого ряда вопросов лингвистики, отражающих исторические процессы в развитии человеческого общества.

Большинство исследователей придерживаются точки зрения, что терминология родства - это наиболее архаический пласт лексики того или иного языка. В этой лексико-семантической группе названия, отражающие главнейшие родственные отношения, безусловно, представляют собой основной словарный фонд языка любого народа.

Анализ терминологии родства какого-либо языка или даже целой группы языков проблематичен, поскольку, как известно, форма семьи изменяется быстрее, чем система родства, вследствие этого у неродственных народов наблюдаются расхождения между системой архаических родственных отношений и современной формой семьи.

На современном этапе развития лингвистической науки перед исследователями стоит задача по-иному взглянуть на эти вопросы, исходя из современных методов, прежде всего, метода изучения языковых явлений как своеобразной системы. Обусловлено это тем, что язык и его пласты представляют собой целостную систему, в частности, лексику с составляющими её ярусами. Каждый ярус лексического фонда любого языка являет собой систему в связи с тем, что каждое слово и, соответственно, каждое понятие занимает в этой системе определенное место, взаимосвязанное с другими словами и понятиями.

Лексический состав каждого языка и в настоящее время не только малоисследованная область, но и довольно сложная по своей организации и структуре. Лексический состав представляет собой огромное количество элементов, связанных разнообразными отношениями, исходя из чего их системность трудно поддается обобщению, в частности, некоторыми учёными даже ставится под сомнение. Следует отметить, что в лексической системе наблюдаются нерегулярные явления, для описания которых необходимо определённое количество правил, обусловленных внешними,

экстралингвистическими факторами. Анализируемые трудности свойственны и микросистемам терминов родства, что в ещё большей степени возрастает при проведении сопоставительного изучения на материале языков разного грамматического строя. Исходя из этого, вопросы исследования терминологии юго-восточных говорах таджикского языка с применением терминов английского языка к настоящему времени остаются актуальными.

Актуальность исследования заключается в том, что термины родства юго-восточных говоров таджикского языка с использованием терминов английского языка мало изучены. Между тем эта важная часть словарного богатства занимает значительное место в составе диалекта, в том числе и юго-восточных говоров таджикского языка. В своем развитии таджикская диалектология прошла путь от описания отдельных говоров до изучения целых диалектных массивов, представляющих группу системно близких говоров и трудов сравнительно-обобщающего характера. К таким исследованиям относится монография В.С. Расторгуевой «Опыт сравнительного изучения таджикских говоров» [110, 14], с которой, при признании многих лингвистов, начинается новый этап изучения таджикской диалектологии [110, 14]. Впервые терминология родства и свойства горных таджиков была представлена известным исследователем-этнографом Н.А. Кисляковым [58, 87]. Терминам родства таджикского и некоторых памирских языков посвящена статья А.К.Писарчик, где содержатся сравнительные данные по терминам родства разных районов Таджикистана [101, 177].

Коллективная работа «Фарҳанги гуишҳои ҷанубии забони тоҷикӣ» (Словарь южные говоров таджикского языка) состоит из пяти томов и посвящена системному анализу южных говоров таджикского языка [154,249]. Проблемы, анализируемые в исследовании, имеют большое значение для настоящей темы, так как в нем рассматриваются развитие фонетической системы и лексические особенности юго-восточных говоров таджикского языка. В нем собраны лексические единицы южных говоров таджикского

языка, в том числе говора Дарваза и Ванджа. Этот словарь широко использован нами, в чем выражаем признательность авторам словаря.

Другой работой, которая имеет большое значение для нашего исследования, является работа Г. Джураева «Система диалектной лексики таджикского языка» [39,30]. В этой работе в исследование таджикской диалектологии заложено новое направление - региональная лексикология, и на материале южного говора таджикского языка проанализирован словарный состав говора как системы. Также в данном исследовании рассматриваются проблемы общей характеристики словарного состава говора, основные источники формирования и развития словарного состава говора, а также тематическая система словарного состава говора. Работа Г. Джураева как фундаментальная научная работа имеет важное теоретическое значение.

В этом ряду заслуживает внимания известная нам работа С. Хоркашева «Суффиксальное словообразование существительных в юго-восточных говорах таджикского языка», где отмечается, что «на основе слов в различных моделях образуются новые термины, использующиеся носителями южных говоров для выражения различных понятий и слов» [140,89]. В другой работе С.Хоркашева «Словообразовательные функции суффиксальной морфемы – чй? в южных и юго-восточных говорах таджикского языка» рассматривается использование таджикского суффикса-**чй** и анализируются его словообразовательные возможности в южных и юго-восточных диалектах, имеющих существенные отличия от таджикского литературного языка [143,125]. Определенный интерес представляет также диссертационная работа Х.Х.Эгамназарова «Термины родства и их функционально-семантические микросистемы в узбекском и английском языках», в которой рассматриваются принципы и способы формирования родственной терминологии, ее структурно-семантические особенности, специфика идентификации.

Следует также отметить диссертационную работу З.М. Мухамадиевой «Сопоставительный анализ терминов брачного родства в таджикском и

английском языках». Автор в своей работе рассматривает лексико-семантические особенности терминов брачного родства в таджикском и английском языках.

Знакомство с вышеуказанными научными трудами способствовало научному, методологическому и терминоведческому осмыслению необходимости изучения значения терминов родства юго-восточных говоров таджикского языка. Вместе с тем, при всей безусловной значимости указанных исследований данная проблема ещё ждёт своего исследователя. Большинство терминов, проникших в таджикский язык и заполнивших понятийные лакуны в терминосистеме родства юго-восточных говоров таджикского языка, ранее не исследовались.

Однако диссертаций и монографических трудов, анализирующих семантические и словообразовательные процессы терминосистемы родства юго-восточных говоров таджикского языка в сопоставлении с английским языком, в настоящее время не имеется, что и обуславливает актуальность исследования, в частности, необходимость комплексного и многоаспектного изучения этих процессов.

Степень разработанности темы исследования. В диссертации рассматриваются лингвистические особенности терминов юго-восточных говоров таджикского языка в сопоставлении с английским языком. Исходя из этого, следует подчеркнуть, что в многочисленных трудах и произведениях проявляются особые потенциальные возможности в выработке терминологии по разным дисциплинам. Это позволяет утверждать, что изучение научных трудов разных лет, а также форм и методов научного подхода учёных разных школ к процессам терминообразования соответствуют задачам, которые имеют первостепенное значение.

В данной работе использовались методы, хорошо зарекомендовавшие себя при изучении как лексики вообще, так и терминологии в частности. Исследование по терминологии в различных направлениях проводили такие учёные как А.А.Реформатский, Г.О.Винокур, В.В.Виноградов,

С.Г.Бархударов, Б.Н.Головин, К.А.Левковская, В.П.Даниленко, В.М.Лейчик, А.В.Суперанская, Н.В.Подольская, Н.В.Васильева, М.Шукуров, Ш.Рустамов, Д.Саймиддинов, С. Назарзода, М.Султон, Н.А.Шаропов, Г.Джураев, Т.С.Шокиров, Ш.Хаитовой, С.С. Джаматов и др.

Среди научных трудов таджикских ученых-терминоведов и лингвистов можно назвать М.Х.Султон, Д.Саймиддинова, С.Сулаймонова, П.Джамшедова, А.Хасанова, О.Х. Касимова, М.Н.Касымовой, Х.Мирзоева, А.Мамадназарова, Х.Шанбезода, П.Нурова, А.Байзоева, Ш.Хаитовой и др.

В этом ряду заслуживают внимания книги Д.Саймиддинова «Фарҳангномаҳои форсии миёна» и М.Х.Султонова «Становление и развитие персидско-таджикской научной терминологии», содержащие конкретные суждения о происхождении терминологии. Изучение названных работ способствовало методологическому, научному и терминоведческому осмыслению необходимости исследования значений терминов таджикского языка. Однако, при всей несомненной значимости рассмотренных исследований, очевидно, что данная проблема остается открытой для научного поиска. это повтор.

Предметом исследования является лексико-семантический и словообразовательный анализ терминов родства юго-восточных говоров таджикского языка в сопоставлении с английским языком, что даёт возможность определить основные сходства и различия терминов родства юго-восточных говоров таджикского языка в сопоставлении с английским языком и их выражения.

Объектом исследования нашей диссертации является система терминологии родства юго-восточных говоров таджикского языка с применением аналогов в английском языке.

Цель и задачи исследования. Главной целью данного исследования является изучение структурно-семантических параметров терминов родства юго-восточных говоров таджикского языка с использованием терминов

английского языка. Исходя из этого, с этим в работе ставятся и решаются следующие задачи:

- изучить процесс становления и развития терминологии родства в таджикском языке с кратким обзором тематической литературы;

-определить основные словообразовательные способы и модели терминов родства в юго-восточных говорах таджикского языка и средства их выражения в системе терминологии родства английского языка;

- провести классификацию терминов родства в юго-восточных говорах таджикского языка с точки зрения родственных отношений и определить их аналогов в английской системе терминов родства;

- определить основные способы передачи терминов родства юго-восточных говоров таджикского языка в английской системе терминов родства;

- исследовать термины родства в юго-восточных говорах таджикского языка с точки зрения этимологии (с привлечением английской системы терминов родства);

- показать основные черты сходства и расхождения терминов родства в юго-восточных говорах таджикского языка (с привлечением терминов английского языка).

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые исследованы термины родства юго-восточных говоров таджикского языка в синхронно-сопоставительном аспекте с терминами английского языка как один из важнейших пластов лексики таджикского и английского языков. В работе также впервые проводится словообразовательный анализ терминов родства в юго-восточных говорах таджикского языка в сравнительном плане с английским языком и выявляются семантические особенности формирования и организации терминов родства в юго-восточных говорах таджикского языка с использованием терминов английского языка как особой категории лексики.

Материалом исследования явились лексикографические источники, в числе которых «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» [2008], «Словарь южных

говоров таджикского языка» М. Махмудова и Г. Джураева [1997], [2012], «Лингвистический энциклопедический словарь» [2002], «Англо-русский словарь» В.К. Мюллера [1997].

Методологические и теоретические основы исследования.

Теоретико-методологическую основу настоящей работы составляют труды лингвистов Б.Н.Головина, Е.И.Головановой, С.В.Гринева, В.М.Лейчика, Р.Ю.Кобрина, А.А.Реформатского, В.В.Петрова, Е.А.Земской, В.В.Лопатина, О.Д.Мешкова, В.Н.Немченко, Н.А.Янко-Триницкой, Ш.Рустамова, М.Шукурова, Н.Шаропова, М.Касымовой, Д.Саймиддинова, С.Назарзода, М.Султон, П.Джамшедова, О.Х.Касимова, Т.Шокирова, АХасанова, Х.Мирзоева, Ш.Исматуллозода и др.

Методы исследования. В настоящем исследовании используются такие лингвистические методы и подходы как описательный метод, метод компонентного анализа, метод статистического анализа, сравнительно-сопоставительный метод и т.д.

Теоретическая значимость исследования заключается в применении комплексного подхода к описанию терминологии родства в юго-восточных говорах таджикского языка с использованием терминов английского языка. В работе выделены и описаны лексико-семантические явления в образовании лексики родства юго-восточных говоров таджикского языка с использованием терминов английского языка, проанализированы способы словообразования лексики родства юго-восточных говоров таджикского языка.

Практическая значимость исследования. Положения и выводы диссертации могут быть применены в соответствующих отраслях, в процессе преподавания языка, при разработке учебных курсов по общему и сравнительно-историческому языкознанию, лексики как таджикского, так и английского языков, терминоведению, при создании словарей, учебников и учебных пособий по терминоведению, общему языкознанию.

Выводы и положения диссертации могут быть использованы в работах по изучению теории языка, терминологии и говоров, в учебных пособиях и учебниках по преподаванию английского языка.

Личный вклад соискателя состоит в участии в обсуждении цели и задач данного исследования, в получении и обсуждении результатов, приведенных в диссертации, в формулировке её основных положений и выводов, в опубликовании полученных результатов. Материал данной работы неоднократно докладывался автором на международных и отечественных конференциях в виде докладов.

На защиту выносятся следующие положения:

- лексико-семантический анализ терминов родства в юго-восточных говорах таджикского языка с использованием терминов английского языка по своей широте и охвату проблем может служить объектом специального исследования;

- на примере системы терминов родства в юго-восточных говорах таджикского языка и их аналогов в терминосистеме английского языка наиболее полно представлены и обобщены научные наблюдения;

- словообразовательные способы и модели терминов родства в юго-восточных говорах таджикского языка с использованием терминов английского языка соответствуют основным словообразовательным моделям в исследуемых языках;

- классификация терминов родства в юго-восточных говорах таджикского языка с точки зрения родственных отношений позволяют рассуждать о развитии и совершенном статусе данного терминологического корпуса в терминосистеме таджикского языка;

- наблюдения над этимологией терминов родства в исследовании свидетельствуют о том, что подавляющее большинство терминов родства в таджикском языке имеют исконно таджикское происхождение, около 15 процентов терминов составляют заимствованные лексические единицы, появившиеся в основном за последнее столетие.

-в юго-восточных говорах таджикского языка отражен основной сегмент терминологии родства таджикского литературного языка, который широко освещен в таджикской классической и современной поэтической и прозаической литературе, в том числе, в знаменитых произведениях основоположника современной таджикской литературы С. Айни.

- система терминов родства в юго-восточных говорах таджикского языка охватывает основные типы данной категории лексики в таджикском литературном языке, и их аналогии в английском соответствуют основным словообразовательным моделям исследуемых языков.

Апробация и внедрение результатов исследования. Диссертация обсуждена на заседании кафедры иностранных языков Национальной академии наук Таджикистана (15 ноября 201 г., протокол заседания № 8). Материалы диссертационного исследования обсуждались на международных, республиканских и вузовских научно-практических конференциях (Таджикский государственный финансово-экономический университет, Таджикский национальный университет, кафедра иностранных языков НАНТ, Университет английского и иностранных языков, Хайдарабад, Индия).

Основные положения диссертационного исследования отражены в 11 научных публикациях, опубликованных в сборниках научных трудов и в сборниках материалов научно-практических конференций, а также в научных журналах вузов, 4 из которых опубликованы в изданиях, включенных в Перечень, определенный ВАК для публикации результатов научных исследований, что составляет более 2,2 п.л.

Структура исследования соответствует поставленным в работе целям и задачам. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав и выводов к ним, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ РОДСТВА

1.1. Понятие о термине

Термин – это слово или словосочетание специальной области применения, являющееся названием научного или производственно-технологического понятия. Термин берется в самом широком смысле слова как лексический компонент языка и охватывает специфическую лексику, используемую в сфере профессиональной деятельности людей.

Терминология конкретной области знаний определяется как система терминов определенной области науки, связанная с системой понятий соответствующей области знаний.

Анализ терминов на основе того, что обычно используется для литературной лексики, выявляет интересную картину. С одной стороны, это усилия исследователей найти больше признаков, четко отличающих слово от термина, словари литературного языка от термина. Для этого есть объективная основа, которая в основном выражается в том, что названия терминов более искусственны, чем слова общелитературного языка, существует обязательное соответствие терминов в каждой области знаний и различия между терминами, что способствует условиям значения общелитературного слова и понятия термина.

Терминология родства - одна из важнейших групп в лексическом составе языка таджикского народа. В этой терминологии отображены существенные социально-исторические процессы жизни народа как носителя языка.

Родственность - это тот феномен, на вершине которого базировались общественные институты традиционной цивилизации, семьи и брака.

Исследователь А.М. Кузнецов пишет, что «слова, обозначающие родственные отношения между людьми..., широко использовались в литературе, уже начиная с работ основоположников сравнительно-

исторического метода, для доказательства родства индоевропейских языков, поскольку из всего языкового наследства праиндоевропейской эпохи эти термины... претерпели наименьшие изменения» [68, 270].

Термины родства были рассмотрены в работах А. Керимова, К. Таирова, а также работы таджикских ученых, таких как Б. Ниязмухаммедова, Р. Гаффарова, М. Рахматуллозаде, Л. Бузургзода, О. Джалоловой и др.

Следует также отметить работу А.З. Розенфельда «Материалы по языку и этнографии припамирских таджиков», в которой рассматриваются некоторые аспекты терминологии южного и юго-восточного родства диалектов таджикского языка [117, 210].

Если для содержания терминов необходимо произвести строгий логический выбор необходимых и достаточных признаков для выражения сущности данного понятия и на основании этих признаков классифицировать понятия (соответственно термины), то для содержания понятия от нетерминологических названий эти термины необязательны, так как нет необходимости указывать необходимые и достаточные признаки для значения общелитературного слова (это делается посредством понятия), для образования терминологического слова. Значение конкретного общелитературного языка, попадающее в рамки употребления разных функциональных стилей и охватываемое многими стилистическими особенностями, семантическими нюансами, которое в терминологии не может быть использовано в его основном объеме, на специальной научной основе или языковой индустрии.

Кроме того, создатели терминов стараются сознательно освободить их от явлений природы, таких как полисемия, синонимия и др., чтобы они стали наиболее уместными и рациональными показателями конкретных понятий. С другой стороны, термины, входящие в состав общелитературного словаря и производные от общелитературного словаря, не могут быть отделены от закономерностей и процессов его развития и деятельности. Поэтому термины включают в себя почти все лексико-семантические процессы, описывающие

общую лексику, но со специфическими особенностями реализации этих процессов.

Известно несоответствие между сознательными, даже искусственными, так называемыми внешними воздействиями (через формулировку, стандартизацию и т. п.) и его естественным развитием в составе национального языка. Работа по регламентации системы терминов начинается с попытки преодолеть это противоречие, освободить термин от всего того, что свойственно простому художественному слову.

В связи с этим следует отметить работы таких зарубежных ученых, как В.Р. Арсеньев, Н.А. Бутинов, Л.Я. Штернберг, Г. Доул, Р. Лоуи, П. Ирхгоф, Крёбер, М.В. Крюков Дж. Мёрдок, А.М. У. Риверс, Золотарёв, Д.А. Ольдерогге, В.А. Попов, и др., русских ученых-востоковедов, работавших в Таджикистане - А.А. Семенова, И.И. Зарубина, М.С. Андреева, Н.А. Кислякова, А.З. Розенфельд, Р.Л. Неменову, Л.В. Успенскую, А.Л. Хромова, а также таджикских ученых - академика АН Таджикистана Б. Ниязмухаммедова, членов-корр. АН Таджикистана Ш. Рустамова и М. Рахматуллозаде, видных исследователей Р. Гафорова, Л. Бузургзода, Г. Жураева, О. Джалолова, Н. Бегбуди, М. Эшниязова, Дж. Мурватова, М. Махмудова, Б. Саъдулаева и др., которые внесли весомый вклад в разработку данной темы.

В науке используются терминологические слова, которые не попали в поле зрения лингвистов и не стали объектом сопоставления с другими языками, в частности, не изучены в достаточной степени их структурно-образовательная характеристика, особенности их семантики, их отличительные свойства и сходства в сопоставительном аспекте с таджикским языком.

К категории такой терминологии следует отнести и терминологические единицы родства таджикского и английского языков.

Термины родства являются наиболее древним пластом лексики языка. Они возникли в глубокой древности наряду с тем как человек заговорил, начал

произносить некоторые слова при обращении к другому человеку – соплеменнику. Термины родства составляют лексический фонд любого языка, они являются основным богатством языка, не заимствованы из других языков. Термины родства таджикского языка и их употребление имеют древнее происхождение. Вначале термины родства встречаются в праязыке, т.е. в языке, существовавшем во времена арийской общности, когда племена, называющие себя ариями, жили - в XVIII - XV веках до н.э.

Слово *papa, отец* - в таджикском - *надар*; в праязыке - *petēr*; в санскрите - *pitār, pitr*; *мать, мама* - в таджикском - *модар*; в праязыке - *matter*; в санскрите - *mātar, mātā*; Слово *tamma*, встречающееся в индоевропейском праязыке, обозначает *мать, маму* в русском языке, а в английском языке оно имеет форму *tamary, muther, mamalian, tamal*. Оно созвучно со словами *мама, ума* в таджикских говорах при обращении к матери. Это слово употребляется детьми при обращении к матери.

Брат - в таджикском - *бародар*; в праязыке - *bher, bhater*; в санскрите - *behrātar, bhrātā*; *сестра* - в таджикском - *хоҳар*; в праязыке - *swesor*; в санскрите - *svāsar*; *муж, мужчина* - в таджикском - *мард*; в праязыке - *ter-, mere-, morto*; в санскрите - *marta, martya, tami*; *жена, женщина* - в таджикском - *зан*; в праязыке - *gwhen-, gwhènmī*; в санскрите - *janis*; *сын, мальчик* - в таджикском - *нисар, нур*; в праязыке - *rou-, ru:-, putlom, rau*; в санскрите: *putràs, pusrà*; *дочь* - в таджикском - *духтар, духт*; в праязыке - *daug(h)ter, dhugāter;n* в санскрите - *duhitār, duhitā, duhitāram*; *внук* - в таджикском - *набера, нава*; в праязыке - *nèrōts, nèrōt*; в санскрите - *nàpāt*;

Слова - термины родства, встречающиеся в праязыке, можно увидеть в индоевропейских языках - английском, староанглийском, норвежском, русском, греческом, латинском, французском, испанском, итальянском, румынском, португальском, ирландском, албанском, чешском, словацком, болгарском, шведском, латышском, литовском и др. языках. В названных языках они имеют несколько видоизмененную форму, но в некоторых индоевропейских языках они очень близки по форме к оригиналу. Например

слово «*падар*» – «*papa*», «*отец*» в итальянском, испанском языках – имеет форму *padre*; в немецком языке – *Vater* и т. д. Об этом свидетельствует книга иранского исследователя Манучехра Ориёнпура «Словарь индоевропейских корней персидского языка» [166, 320].

1.2. Формирование терминологии родства в индоевропейских языках

В индоевропейском языке, которого считают в лингвистике точкой отсчета, восстанавливается, как известно, «односторонняя» система родства, содержащая термины для обозначения родства:

№	Характеристика свойства	Термины свойства
1.	Муж	*poti -
2.	Жена	*guenāi -
3.	отец мужа	*suekuro -
4.	мать мужа	*suekrū -
5.	брат мужа	*daiuer -
6.	сестра мужа	*ĝalou -
7.	жена брата мужа	*ien ter -
8.	жена сына	*snuso -

Данная классификация терминов родства характеризует патрилокальность «большой семьи», существовавшей у индоевропейцев в эпоху их языкового единства.

Таджикская терминология родства и свойства до сих пор не нашла отражения ни в специальных исследованиях, ни в этимологических словарях по индоевропейским языкам, хотя она достаточно широко представлена в работах по таджикской диалектологии, в таджикско-русских, русско-таджикских словарях и в этнографических исследованиях. Следует отметить, что терминология родства и свойства представляет особый интерес.

По происхождению терминологию родства и свойства в таджикском языке и его говорах можно разделить на три группы:

1. собственно, иранские термины, где различаются описательные и сложные термины;
2. тюркские;
3. арабские.

К иранским терминам принадлежат: *padar* –отец, *modar* –мать, *barodar* –брат, диалектные слова *biyor*, *biyorak* –младший брат, *dodar* –брат, этот термин служит также обращением к младшему по возрасту мужчине, *dodarzan* –брат жены, *dodarshu* –брат мужа, *dodarhond*, *dohunda* –названный брат, побратим, приятель, друг, *hohar* –сестра, диалектные слова - *huar*, *huvar* – сестра, *horak*, *horhonda* –сестра, подруга, возлюбленная, *pisar* –сын, *duhtar* – дочь. Рассмотренные слова-термины являются общеиндоевропейскими и относятся к типу на -er.

К тюркским по происхождению терминам относятся: *оса*- мать, бабка, *тауо*, *тауоји*- дядя, *ара*- старшая сестра, *ака*- старший брат, последние два термина служат и как вежливое почтительное обращение к посторонним мужчине и женщине, старшим по возрасту, *qaysingul*, *qaysingil*, *qaysingal* - свояченица, сестра жены, *уанча*, *уана* - сестра брата, жена брата, *kelin* - невеста, невестка, жена сына, жена брата, жены близких родственников, термин *уанча* в говорах и разговорной речи служит и как почтительное обращение к жене близкого приятеля, друга, *qaunapo*, *qauno* - свекровь, теща, *qaunota* - тесть, свекор, *qaunini*, *qauni* - деверь, шурин.

К арабским терминам, распространенным в таджикском языке относятся: *атак*, *атик*, *атек*, *атаки* - дядя по отцу, *атта*, *хамта* - тетка по отцу, *hola* - тетка по матери, в бадахшанских говорах – *holak*, *modar holak*, дядя по матери, - *arus*, *arusak* - невеста, новобрачная, встречается в юго-восточных говорах.

1.2.1. Термины родства в древнеперсидском языке

Источником для выявления терминов родства в древнеперсидском языке являются тексты на клинописи, появившиеся 2500 лет назад во времена правления династии Ахеменидов. Клинописи составлены от имени представителей этой династии и высечены на скалах, на золотых пластинах и других материалах. Язык этих надписей в языкознании получил название

древнеперсидский. На этом языке и ещё на эламском и арамейском языке создана Бехистунская надпись от имени царя Ахеменидской династии Дария (Дарайавауша). В этой надписи встречаются термины родства – сын, внук, отец *pita*, *piša*, *para*. Транскрипция предложения из Бехистунской надписи: «*Adam Dārayavauš xšayađiya vazraka xšayađiya xšayađiyānām xšayađiya Pārsaiy xšaya-điya dahumān Vištāspahya piša Aršamahyā parā Naḫāmanišya; datiy Dārayavauš xšayađiya: mana pitā Vištāspa, Vištāspahya pitā Aršāma Aršāmahya pitā Ariyāramna Ariyāramnahya pitā Čišpiš Čišpāiš pitā Naḫāmaniš*». Перевод на таджикский язык: «*Ман, Дориюш – шоҳи бузург, шоҳи шоҳон, шоҳ дар Порс, шоҳи кишварҳо, писари Виштосп, набераи Аршама, ҳахоманишӣ. Шоҳ Дориюш гӯяд: «Падари ман – Виштосп, падари Виштосп – Аршама, падари Аршама – Ариярамна, падари Ариярамна – Чишпиш, падари Чишпиш – Ҳахоманиш»* [123, 22]. Перевод на русский язык: «*Я, Дарий, царь великий, царь царей, царь в Персии, царь стран, сын Виштаспы, внук Аршамы, Ахеменид. Провозглашает Дарий царь: «Мой отец – Виштаспа, отец Виштаспы – Аршама, отец Аршамы – Ариярамна, отец Ариярамны - Чишпиш, отец Чишпиша – Ахеменид»* [123, 22].

Перевод на английский язык: (в исполнении автора диссертации): «*I am Dariush, the Great king, the king of kings, the king of Persia, the king of countries, the son of Vishtasp, grandson of Arshama Axemenian. Say the king Dariush: My father is Vishtasp, Vishtasp`s father is Arsham, Arsham`s father is Ariyaramna, Ariyaramna`s father is Chishpish, the father of Chishpish is Achemenian*». Другим примером из древнеперсидского языка является использование оборота *hamātā hamarita* «аз як модару падар» – «единоутробные братья» (от одной матери и одного отца). Этот оборот встречается в Бехистунской надписи следующим образом: «*...avahyā Kabujiā bratā Vardya nāma āha hamātā hamarita Kabujiāhyā...*».

Перевод на таджикский язык: «*Он Камбучияро бародаре буд Бардия ном, ҳаммодару ҳампадар бо Камбучия*» [123, 22].

Перевод на русский язык: «У Камбиза был брат, по имени Бардия, от одной матери, от одного отца с Камбизом» « [123, 22].

(Английский перевод: «*Kambis had a full-blood brother whose name was Bardiya, from one mother and from one father*» (Перевод на английский язык наш – М. Д.).

В древнеперсидском языке также встречаются термины родства *модар* – мать – *mātā*; *писар* – сын – *piša-* › *pus* + префикс – *ar*: *pusar*, который встречается в словах *pid* = *pidar* (*надар* – отец,); а также *мард*, – мужчина, муж – *martiya*; *тухма* – род, племя – *tauma*; *мардум* – люди – **martiya* – *tauhman* › *martohm* › *martōm*, *mardōm* и др.

1.2.2. Термины родства в среднеперсидском языке (пехлеви)

Наряду со множеством других лексических единиц в среднеперсидском языке существуют также слова, обозначающие родственные отношения, особенно термины кровного родства: отец – *pid(ar)*, в таджикском «*надар*», в персидском – в Иране «*pidar*», в английском – «*father*»; мать – *mād(ar)*, в таджикском «*модар*», в английском – «*mother*»; брат – *bradār*, в таджикском «*бародар*», в английском – «*brother*».

В среднеперсидском языке встречаются также слова *сестра* *xwāh(ar)* – *хоҳар* (*sister*), сын – *pus(ar)* – *писар* (*son*), дочь – *dux(ar)* = *duxtag* – *духтар*; внук – *nab* – *набера* (*grandson, granddaughter*), потомки – *niyāg* – *ниё* – *grandfather, ancestor, forebear*; бабушка – *niyāgī* – *модаркалон* (*grand mother*) и т.д.

В среднеперсидском языке также встречаются термины: *radwand* – таджикский *пайванд*, *наждод*, *насл*, русский *род*, *племя*, *происхождение*; пахлави- *tōxtag* – «*тухма*» – *род*, *племя*, *происхождение*; пахлави-*xwēsh*, *xwēsha:wand* – «*хеиш*», «*хешованд*» – *родственник*; *āwa:d*, *āwādag* – «*насл*», – *поколение*, *род*; *nbānazdisht* – «*наздиктарин* (*хешованд*)» – *близкий* (*родственник*). Этот термин встречается также в манихейских текстах на

среднеперсидском языке в форме *nazdik radwantar* – «наздиктарин пайванд» – близкий (родственник).

1.2.3. Термины родства в новотаджикском (новоперсидском) языке

Следующий этап развития таджикского (персидского) языка в языковедении именуется новотаджикским (новоперсидским) этапом развития, который начинается с IX века, а расцвета он достиг в X веке и продолжается до нынешнего времени, т.е. до XXI века. По утверждению известного таджикского языковеда, член-корреспондента АН РТ М.Н. Касымовой в книге (на таджикском языке) – «История таджикского литературного языка (IX–X веков. Часть 1.)» [54, 156] в этот период наиболее употребительной активной лексикой языка были термины родства, слова, обозначающие родственные отношения. К подобным словам относятся: *padar* –отец, *modar* –мать, *barodar* –брат, диалектные слова *biyor*, *biyorak* –младший брат, *dodar* –брат, этот термин служит также обращением к младшему по возрасту мужчине, *dodarzan* –брат жены, *dodarshu* –брат мужа, *dodarhond*, *dohunda* –названный брат, побратим, приятель, друг, *hohar* –сестра, диалектные слова - *huar*, *huvar* –сестра, *horak*, *horhonda* –сестра, подруга, возлюбленная, *pisar* –сын, *duhtar* –дочь и т.д.

Имеются и другие слова, которые в современном таджикском языке малоупотребительны. Например, в литературном языке IX – X веков в значении сын – *писар* употреблялось слово *пур*, а в значении дочь – *духтар* употреблялось слово *духт*. Слово *ам* (в настоящее время употребляется в форме *амак*) обозначало – «дядя по отцу», *боб* – дед, *мом* – бабушка (эти два последних слова были употребительны и в значении *отца* и *матери*). В настоящее время формы употребления этих слов вообще не встречаются.

Очень употребительно слово *hola* - *тётя по матери*, этим термином не только называется родственница по матери, но это слово очень употребительно в разговорной речи таджиков. Не употребляется слово *hol*,

которое обозначает *дядю по матери*. Слово *набера* - «внук» в IX–X веках употреблялось в форме *навда/навада*, которое в современном таджикском языке встречается в диалектах таджикского языка. Из множества источников X века – творчества современников Рудаки, ученых, литераторов, историков и др. мы выбрали несколько примеров из творчества главы поэтов этого века Абу Абдуллоха Рудаки.

Гайр аз модар, ин дунё пур аз гурба аст.

Вай аз духтар хашигин аст! [121, 10].

Жестокий этот мир лишь *мачехе* подобен,

Он с *пасынком* свиреп и к *падчерице* злобен [3, 145].

Чӣ некӯ сухан гуфт *ёрӣ* ба *ёрӣ*,

Ки то кай кашем аз *хусур* зиллу хорӣ?! [121, 10].

Как хорошо *второй жене* сказала *первая жена*:

«Унизил *свекор* нас с тобой. Доколе я терпеть должна?» [3,11].

Он *харпадарат* ба дашт хошок задӣ,

Момот дафи дурӯя чолок задӣ.

Он бар сари гӯрҳо «Таборак» хондӣ

В-ин бар дари хонаҳо табурок задӣ [121,15].

На поле таскал навоз твоего отца осёл,

Мать плясала у ворот – всюду слух о ней прошёл,

На кладбище твой отец над усопшими бубнил,

В бубен ударяла мать, был в пыли её подол [3, 128].

Здесь уместно отметить, что русский перевод не соответствует таджикскому оригиналу. В этом сатирическом стихотворении Рудаки отца кого-то называет ослом. Буквальный перевод таджикского оригинала:

Осёл -твой *отец* собирал на поле хворост (солому),

А твоя *мать* играла искусно (быстро) на двухстороннем барабане.

Он (твой отец) читал на кладбищах суру «Таборак» (сура Корана, которую читают на кладбище),

А эта (мать твоя) у ворот играла на барабане *табурок* (табурок – маленький барабан, играя на котором изгоняют птиц с полей). Здесь явно можно заметить игру слов *Таборак* и *табурок*.

По поводу смерти Абулхасана Муроди:

Мурд Муродӣ, на ҳамоно ки мурд,

Марги чунон хоҷа на корест хурд!

Ҷони гиромӣ ба *надар* боздод,

Колбади тира ба *модар* супурд... [121, 254].

Русский перевод: Элегия на смерть Абулхасана Муроди:

Скончался Муроди. Ты скажешь ли о нём,

«Он умер», – если он сиял для нас умом?

Но *мать-земля* взяла угаснувшую плоть,

А душу – небосвод: он был ему *отцом* [3, 21].

В этих строках отражено древнее мифологическое представление иранских народов о том, что они представляли небо в качестве отца, а землю – как мать. С неба шёл дождь, земля давала урожай....

Но в русском переводе допущена неточность. Переводчик передаёт неточно слова Рудаки, говоря, что как будто небо было отцом Муроди. А в оригинале подразумевается другое, т.е. отец – небосвод, не в том смысле, как будто небосвод является отцом Муроди. Интересны и ценны суждения о терминах родства в статье таджикского лингвиста Бобо-Назара Гафора [19, 84].

1.3. Становление и развитие терминологии родства в английском языке

В исследовании терминов родства из круга теоретических проблем огромное внимание уделяется аспектам, связанным с теорией систем родства. При этом следует уделить внимание проблемам, разработанным в зарубежной науке, а также принципам и методам описания, способствующего формированию таких понятий, как дифференциальные признаки системы родства, категории родства и т.п. В этом отношении вполне можно согласиться с мнением Э.Г. Соселия [130, 64], который утверждал о существовании своего, отличного от всех метода.

Для применения предложенной методики необходимо было бы решить ряд предварительных задач описательного характера [130, 9-21].

Л.Г.Морган в своём труде «Системы родства и свойства человеческой семьи» подчеркивает, что англичанин будет называть брата матери и брата отца «дядей», а отца будет считать только его непосредственным родителем [88, 15].

Л.Г. Морган полагал, что «хотя именно условия взаимоотношений индейцев и имеют сложность и своеобразие, но были основаны на четких представлениях, которые взаимосвязаны в такой разумной и определенной системе отношений» [88, 52].

Известно, что Л.Г.Морган придерживался того, что делил всю номенклатуру на две группы, одна из которых сосредоточивала или объединяла, так называемую «родственную кровь», а другая группа, наоборот, эту самую «родственную кровь» рассеивала, то есть разъединяла, причем он утверждал, что обе группы происходят от родственных народов.

Таким образом, исследование показало, что Л.Х. Морган вышел за рамки традиционных для своего времени представлений и начал идентифицировать «органические формы» [89, 5].

«Поразительные результаты сравнительной филологии и эффективность методов, с помощью которых она была научной дисциплиной, привели к

надежде, что она в конечном итоге сможет распределить все народы Земли по семьям с такими же четкими границами, как арийская и семитская» [29, 15].

Как показывает исследование, понимание Морганом родства выявляет хитрое переплетение понятия, воплощенного в слове правового кодекса, и религиозного в происхождении идеи животворящего божественного вещества, общего для человека и животных.

Это объясняет сходство «таблиц родства» Моргана и схем, которые он нарисовал в своем малоизвестном исследовании. Л.Г. Морган считал, что люди и животные наделены равной мерой способности к осмысленному общению (в том числе и между поколениями) [88, 76].

При этом следует отметить, что вышеприведенный научный метод Л.Г. Моргана сформировал исследовательскую парадигму, на протяжении почти 150 лет являвшейся сутью этносоциологической программы по изучению феномена родства.

В конце 1920 - начале 1930-х годов руководители Пражской школы языкознания, в частности, Н.С. Трубецкой [138, 87], опираясь на более ранние работы по фонетике И.А. Бодуэна де Куртене, различали фонетический и фонемический уровни звуковых выражений и разрабатывали для последнего уровня дифференциальные (симиларсоциальные) оппозиции. В дальнейшем Р. Якобсон и А. Мартин переместили этот метод в область изучения морфологии [151, 66].

С. Тэкс выдвинул 6 правил взаимоотношений между категориями ПП (правила успеха), сочетание которых приводит к созданию эмпирических структур группировки родственников [199, 102].

Теория родственных систем, анализ родственных термосистем в настоящее время достигли очень высокого уровня развития.

В 1909 г. А. Кребер выделяет семантический дифференциальный знак, который, как полагал исследователь, может быть применен для описания семантического содержания терминов родства [64, 77]:

Знак поколения;

Пол родственника,

Гендерная корреляция /эго/;

Пол человека, который может одновременно быть родственником эго и другого человека;

Знак крови лица;

Характеристика линейности отношений;

Возраст;

Выраженные черты лица;

Особые приметы.

Как показывает анализ, понятие родства состоит из терминов, насчитывающих более сотни элементов, но для описания такой системы, достаточно около семи знаков.

Описанию терминов родства посвящено огромное количество отечественных и зарубежных работ, в которых рассматриваются как общие вопросы, так и системы конкретных языков [44, 157].

В некоторых работах выделяется обособленная группа (имена родства – «описательная лексика, включающая устойчивые словосочетания с ... узнаваемой мотивировкой») [43, 197-199].

Существует два основных подхода к изучению терминов родства – этнографический и лингвистический [110, 35].

Таким образом, объектом изучения этнографов является план содержания система родства, а лингвистов – план выражения (терминов родства).

1.4. Становление и развитие терминологии юго-восточных говоров таджикского языка

В языкознании большое место принадлежит проблеме образования и развития национальных языков, их отношению к местным территориальным диалектам и роли последних в истории формирования национальных языков. Разработка этих вопросов применительно к языку придает изучению местных таджикских говоров и диалектов особенно живой научный интерес и большое практическое значение.

Первые систематические сведения о языке горных таджиков содержатся в работе А.А. Семенова «Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии».

Работа А.А. Семенова представляет собой краткий грамматический очерк языка таджиков Каратегина и Дарваза, в нём приведено значительное количество сказок. Очерк содержит раздел фонетики, представляющий перечень знаков, принятых автором для обозначения звуков в записываемых им текстах, и краткую характеристику частей речи. Долгое время эти материалы были единственным источником по говорам Каратегина и Дарваза. Научное и глубокое исследование таджикского языка и его диалектов начинается в 20-30-х годах [126, 181].

В 1930 г. была опубликована работа М.С. Андреева «Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров», в основу которой были положены материалы, собранные путем опроса у представителей 20 населенных пунктов Таджикистана и Узбекистана, учащихся Таджикского института просвещения [6, 30-31].

Картина распространения отдельных фонетических и морфологических особенностей таджикских говоров позволила выявить две основные группы, два массива таджикских говоров: юго-восточную и северо-западную группы таджикских говоров.

Было выявлено общее деление таджикских говоров на две основные группы, однако система классификационных признаков их была лишь предварительна и в некоторых своих пунктах неотчётливо. Это объяснялось тем, что если состав фонем и грамматическая система говоров северо-западной группы к тому времени представлялись на основании ряда специальных работ, хотя и сжато, но вполне отчетливо, то по юго-восточной группе ни одной работы, дающей полное грамматическое описание хотя бы одного какого-либо говора, не было.

Далее, если к тому времени в северо-западном массиве говоров более или менее уже выделялись группы говоров внутри этого массива, то в юго-восточном языковом массиве соотношение отдельных групп (из которых складывается этот массив) было неизвестно.

С целью сбора материалов, характеризующих язык, а также богатый фольклор жителей Южного Таджикистана, организовывались экспедиции и поездки в Каратегин, Дарваз, Бадахшан и Кулябскую область. Описываемый говор автор относит к группе Дарвазских говоров, тем самым выделяя группу Дарвазских говоров в отличие от соседних. Впервые отмечено употребление глагольной приставки **-ме-** в конце глагольной формы в настояще-будущем времени, более развернуто представлено употребление местоименных суффиксов, предлогов и послелогов. После краткой грамматической характеристики автор, устанавливая место описываемого им говора среди других, соседствующих с ним, делает попытку классификации каратегинских и дарвазских говоров.

К описанию приложены записи разговорной диалектальной речи и связных текстов, а также небольшой, но очень ценный словарь диалектизмов.

Исследование В.С. Расторгуевой показало общую исходную для всех таджикских говоров систему, основные тенденции и закономерности их развития, позволяющие определить и уточнить критерии диалектного членения таджикского языка.

В сравнительном обзоре основных языковых явлений, определяющих систему говора в целом на фоне их исторического развития от исходной системы к современному периоду, автором представлена более уточненная и обоснованная классификация таджикских диалектов [111, 154-156].

М.С.Андреев таджикские диалекты разделяет на две группы: северо-западную и юго-восточную. Эта классификация диалектов была принята иранцами на протяжении многих лет. В дальнейшем при накоплении диалектных материалов в эту классификацию вносились индивидуальные поправки [6, 30].

На основе общего сравнительного исследования таджикских диалектов Расторгуева делит все таджикские диалекты на четыре основные группы: северную, центральную, южную и юго-восточную. Каждая из этих групп делится на диалекты, которые в свою очередь распадаются на мелкие группы диалектов [121, 14].

В предложенной В.С.Расторгуевой классификации особое место занимает вопрос о более точном членении ранее принятой в таджикской диалектологии большой юго-восточной группы таджикских говоров на две группы, четко очерчивающиеся по ряду признаков системного характера, - южную и юго-восточную. Постановка этого нового в таджикской диалектологии вопроса обуславливала дальнейшее, более углубленное, его изучение. Надлежало уточнить ареалы каждой из указанных групп, определить их состав, дать сравнительно-обобщающую характеристику говоров и установить изоглоссы языковых явлений, характерные для данных групп. [111, 14]

Особый интерес представляет изучение группы юго-восточных говоров таджикского языка, поскольку они распространены на территории древних таджикоязычных земель, население которых в первой половине VII в. пользовалось таджикским (фарси) языком. Ряд архаических черт грамматического строя южных говоров, восходящих к раннему периоду становления таджикского языка, а также явления субстрата - следы древних

восточноиранских языков свидетельствовали о своеобразии путей развития и формирования этих говоров. Все эти обстоятельства и выдвинули как первоочередную задачу сравнительно-обобщающее изучение юго-восточной группы говоров таджикского языка в Средней Азии.

Некоторые сведения по фонетике говоров Каратегина, Бальджуана (Кулябский регион) и Гиссара содержатся в книге Л. Бузургзода по фонетике таджикского языка [22, 38].

О некоторых фонетических и грамматических особенностях говоров Куляба и Гиссара упоминается в фольклорной работе Л. Бузургзода и Р. Джалилова [22, 38].

Существенные замечания по фонетике южных, и именно кулябских говоров содержатся в заключительной части работы В.С. Соколовой «Фонетика таджикского языка». Базируясь на опубликованных до 1949 г. материалах по этим говорам, а также на непосредственных наблюдениях над языком кулябцев («кулоби»), издавна населявших Варзоб, автор приходит к заключению о наличии особой системы вокализма в этих говорах.

В.С.Соколова определяет основное направление исследования фонетической системы южных говоров [129, 122]. Начиная с тридцатых годов и особенно в сороковые и последующие годы прошедшего столетия, ведется изучение таджикских говоров южного типа всех основных районов их распространения.

Так, А.З.Розенфельдом в работе «Говоры Каратегина» впервые были введены в научный обиход сведения и материалы, характеризующие каратегинские говоры, в частности их грамматическую структуру, в сравнении с литературным таджикским языком, пределы распространения говоров, их внутреннее деление. Большую ценность представляют разговорные тексты, засвидетельствовавшие повседневную диалектную речь каратегинцев, и словарь [116, 140].

В своей статье «К вопросу о сравнительном изучении синтаксиса таджикских говоров» Р.Гафаров подчёркивает заслуги предшественников,

проделанные в области исследования юго-восточных говоров таджикского языка, и даёт грамматическое описание исследований данных говоров. [30, 35-40].

Терминология родства в юго-восточных говорах таджикского языка по сравнению с другими терминами родства, принятыми в таджикском литературном языке, лексически характеризуется существенными отличиями. Семантически при определенном единстве содержания эта лексика также имеет некоторые особенности, связанные с пережитками родового строя таджиков, населяющих древние историко-культурные регионы Таджикистана: Вахио, Каратегин, Ванч.

Впервые терминология родства и свойства горных таджиков была представлена известным исследователем-этнографом Н.А. Кисляковым в его работе, посвященной изучению патриархальной семейной общины и семьи таджиков, населяющих Вахиои Боло - горную местность, расположенную в верховьях р. Хингоу.

В разделе «Семья» его книги приводится таблица наименований родства, которой предшествует анализ терминологии кровного родства и родства по браку [57, 15-56]. Данная терминология, представляя собой сводку записей автора в кишлаках Вахиои Боло, проверена им за пределами Вахиои Боло.

Одной из работ, посвященных терминам родства таджикского и некоторых памирских языков, является статья А.К. Писарчик, где содержатся сравнительные данные по терминам родства различных районов Таджикистана. Интересны наблюдения и выводы автора в отношении дифференцированных терминов, обозначающих дядей и теток по отцу и по матери. В разделах лексики и в диалектных словарях приведены некоторые термины родства по отдельным говорам [103, 177-185].

Терминология родства, в отличие от других тематических групп диалектной лексики, не столь обширна по своему объему, однако именно эти термины позволяют наиболее наглядно выявить черты сходства и

расхождений между основными группами таджикских говоров, а также внутри этих групп. Наименования кровных родственников, а также родственников по браку образуют определенную систему, отражающую строй и формы семьи на длительном пути ее исторического развития.

В силу этого основное направление будущих исследований терминологии родства таджикского языка и его диалектов должно носить этнолингвистический характер.

Лексика юго-восточных говоров до последнего времени была изучена слабо, «разнообразный и обширный лексический материал, содержащийся в опубликованных диалектологических записях текстов, ещё ждет своей систематизации» [40, 14].

Огромная работа, проделанная учёными в последние годы по сбору, систематизации и дальнейшему исследованию, дала возможность впервые полно характеризовать лексику юго-восточных говоров таджикского языка. Все материалы отдела, а также содержащиеся в публикациях, как диалектологического, так и этнографического характера, послужили основой для исследования лексики юго-восточных говоров как некой системы в различных ее аспектах: территориально-географическом, семантическом и структурном.

Юго-восточные говоры составляют, как известно, особую диалектную группу таджикского языка. Основной фонд лексики составляют здесь как слова общетаджикские, или общенародные, так и диалектизмы, свойственные в основной массе всем южным говорам, но неупотребительные в других группах говоров, особенно северных, и в литературном таджикском языке, например, *hevar/эвар-brother-in-law-деверь*.

Однако общность лексики на территории распространения юго-восточных говоров не означает сплошной однородности ее состава. В основе выделения внутри данной группы отдельных говоров наряду с различительными фонетическими и грамматическими чертами имеют место и различительные признаки лексического порядка. Например, слово «мать» в

каратегинских говорах фиксируется как *оча/ача*, в южнокулябских - **ача**, в вахинско-каратегинских - *wu/ави, оча/ача*.

Другие однозначные слова имеют параллельное распространение в одном и том же говоре. Например, женщину-родственницу жениха (невесты) - сопровождающую жениха (невесту) в дом невесты (жениха), каратегинцы называют *мурова* (село Джафр), *мурова* или *йанга* (село Каланак и ряд др. селений). Чем дальше отстоят друг от друга различные юго-восточные говоры на территории их бытования, тем заметнее в них различия в лексике.

Состав лексики южных говоров подразделяется на две основные группы: слова диалектные, или диалектизмы, характерные для южных говоров и общетаджикского языка. Первая группа ограничена в отношении географического распространения; диалектизмы в основном употребляются на территории бытования южных говоров (и неупотребительны в литературном таджикском языке). Вторая группа территориально не ограничена; общетаджикская лексика генетически объединяет южные говоры с остальными таджикскими говорами и общенародным литературным языком и представляет собой слова повсеместного употребления.

Большая часть словарного состава южных говоров представлена общенародной лексикой, единой с литературным языком. Как известно, основной частью общенародной лексики диалектов любого языка являются корневые, или первообразные слова, составляющие наиважнейший источник обогащения словарного фонда всякого диалекта. Пути образования слов в диалектах, в том числе и в южных говорах, те же, что и в литературном языке, однако здесь имеют место диалектные особенности, характерные для данных говоров. Это подтверждается различной степенью употребительности и продуктивности разного рода словообразующих суффиксов, компонентов и формантов, свойственных как диалектам, так и литературному языку.

По мнению В.С.Расторгуевой, «основу словарного состава всех говоров составляет общий лексический фонд, включающий в основном слова исконно

иранские по происхождению, а также общепринятые заимствования из арабского и русского языков» [111, 149].

В юго-восточных говорах активно используются заимствованные слова. Лексика южных говоров по соотношению с литературным языком подразделяется на две основные группы:

1. Слова общеупотребительные, в равной степени свойственные и литературному языку, в том числе общеразговорному, и южным таджикским говорам. Слова этой группы составляют большую часть лексического фонда говоров.

2. Слова, свойственные книжному литературному языку и засвидетельствованные в незначительном количестве в южных говорах. Степень распространения и употребительности слов этой группы в разных южных говорах неодинакова, что связано, во-первых, с индивидуальным характером их использования отдельными носителями говоров, обычно людьми старшего поколения, особенно прежними воспитанниками духовных школ, во-вторых - с эпизодическим характером их употребления.

Слова в юго-восточных говорах подвергаются фонетическим и семантическим изменениям и подразделяются с этой точки зрения на несколько групп:

Слова, подвергающиеся в южных говорах существенным фонетическим изменениям. Эта значительная в количественном отношении группа слов с точки зрения территориального распространения делится на подгруппы:

а) слова с единым фонетическим обликом для большинства южных говоров, например, *дѣхтарвара*//*дѣхтаварара дѣхтар-духтар-daughter-дочь*;

б) слова с измененным фонетическим обликом в одних говорах и с сохранившимся в других, либо имеющие параллельные произносительные варианты в юго-восточных говорах: *думод-домод-son-in-law - зять* [69, 14].

Слова, производные от общетаджикских слов посредством диалектных суффиксов, например: *хомак, бачек // бачѣк, гудак//гулак, гудакак, кудак, лулак, мисқолак, нинї, сагерачаҳак//сѣге-рачаҳак-baby-ребѣнок, младенец*.

Некоторые слова приобретают новое значение не во всех, а лишь в отдельных говорах.

Изучение таджикских говоров представляет также большой интерес с точки зрения синтаксического образования. В своей работе «Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров» М.С. Андреев выделяет следующие признаки для юго-восточных говоров: в разделе «Существительное» отмечены диалектные особенности в морфологии имени, а также предлоги и послелогии, служащие средствами выражения падежных отношений.

В разделе «Глагол» даны парадигма личных окончаний по временам и таблицы спряжения глаголов, подвергающихся в говорах изменениям и сокращениям. Последнее представляется одним из положительных моментов грамматического описания, поскольку типы стяжения глагольных форм варьируют по говорам и могут быть классификационным признаком таджикских говоров.

В таджикском языке понятие грамматического рода, связанное с делением слов на классы со специальными морфологическими показателями, вообще отсутствует. Некоторое соответствие можно обнаружить лишь на семантическом признаке выделения рода - пола для существительных одушевленных. В таджикском языке существительные, обозначающие живые существа, чисто лексически делятся на имена, обозначающие лиц женского и мужского пола:

мард — *мужчина*

зан — *женщина*

падар — *отец*

модар — *мать*

бародар, ака — *брат*

хоҳар, апа — *сестра*

ҷавон — *юноша*

духтар — *девушка*

Общие для всех говоров юго-восточной группы черты следующие: в *фонетике*, в говорах Дарваза, имеются, кроме шести фонем *а, е, и, о, у, ь*, еще гласные фонемы, определение которых должно явиться предметом исследования.

Характерные черты, общие для всех юго-восточных говоров в области морфологии, следующие:

1. В системе **предлогов и послелогов:**

а) Во всех юго-восточных говорах имеется послелог *-да*, употребляющийся для выражения направления и места действия и *-анда, -нда* (каратегинские и дарвазские говоры);

б) В юго-восточных говорах, наряду с послелогом *-а*, широко употребляется послелог *-ра, -ро*, который выступает не только как показатель прямого дополнения, но и в функции показателя косвенного дополнения - адресата и объекта разговора: *Дъхтаръма нундодъм. I gave a bread to my daughter. Я дала дочке хлеба.* [40, 18]

В юго-восточных говорах таджикского языка повсеместно этот послелог употребляется в сочетании с предлогами для выражения различных пространственных и объектных отношений.

в) Литературному предлогу **аз** во всех функциях соответствует предлог *ай*.

2. В местоимениях:

В юго-восточных говорах таджикского языка широко употребляются местоименные суффиксы при глаголах в функции прямого и косвенного дополнения. Местоименные суффиксы очень подвижны и присоединяются как непосредственно к глаголу, так и к именной части сложного глагола и к пояснительному слову, связанному с глаголом (сказуемым).

Современные таджикские говоры на протяжении уже долгого периода являются разновидностями единого общенародного таджикского языка.

Основной словарный фонд, являющийся общим достоянием всех таджикских диалектов, сохранился на протяжении веков, не претерпев больших изменений.

Что касается изменений в словарном составе юго-восточных говоров, то они происходят теми же путями, что и во всех таджикских говорах, и в литературном языке.

В юго-восточные говоры вошли в качестве неотъемлемой части их лексики слова, связанные с поднятием политического, экономического и культурного уровня населения. Специфические отличия лексики юго-восточных говоров литературного языка проявляются в названиях родства, а также в нетерминологической лексике.

1.5. Формирование терминологии родства в английском языке.

Английская система родства

Семейные отношения между людьми основаны на общем биологическом происхождении. Не будет преувеличением сказать, что осознание родства является одной из отличительных черт биологического вида *Homo sapiens*, отделяющей его от животного царства. Понятие родства является важной частью любого человеческого общества.

Как известно, родственники – это люди, имеющие одного предка или родителей, а дети – их собственные потомки. Сбор родственников называется семьей. Понятие родства играет важную роль в любом обществе. В то время, когда другие формы общественных отношений (профессиональные, имущественные, конфессиональные и др.) еще не были развиты, родство стало основой общества и полностью определило человеческую жизнь.

Племенное, племенное, племенное сообщество построено на идее, что люди, входящие в эти группы, являющиеся кровными родственниками и происходящие от одного и того же предка, часто являются мифическими. Единственной и потому самой важной характеристикой человека была его принадлежность к племени, клану, роду. На этой основе формировались этнические и этнические группы. Напомним, что одним из важнейших этнических факторов является формирование представления об общности происхождения.

Семья, в отличие от рода, племени или клана, представляет собой объединение людей, основанное на брачном или кровном (биологическом) происхождении, которому могут следовать члены семьи. Различайте нуклеарную семью и большую семью.

Система родства, как было сказано выше, основана на биологическом родстве. Законы биологии являются общими для каждой человеческой популяции. Однако системы родства варьируются от сообщества к сообществу. Сегодня этнология накопила богатый материал,

свидетельствующий о большом разнообразии этих систем. Значение каждого термина родства зависит от конкретной системы, к которой он принадлежит.

Американский антрополог и культуролог Альфред Кробер собрал термины родства и определил, что следующие параметры могут учитываться в разных системах родства или наоборот не учитывать, какая группа родственников отличается друг от друга [180, 61–62].

Потомки. Они разные: дед и отец, отец и эго, эго и его сын, в побочных отношениях - его дядя и двоюродный брат.

Прямой и боковой подход. Различия: братья и отцы, братья и сестры, двоюродные братья и сестры, а также их потомки. Если в этой системе брат и двоюродный брат обозначаются одним и тем же термином, то нет никакой разницы между прямым и косвенным родством.

Относительный возраст в поколении. Они разные: старший брат и младший брат, сестра и младшая сестра, старший брат (старший дядя) и младший брат (младший дядя). Этот параметр не характерен для большинства европейских языков, но распространен в системах родства многих азиатских и африканских народов.

Пол родственников. Различия: брат и сестра, дядя и тетя, двоюродный брат, двоюродный брат, сын и дочь.

Пол эго. В системах родства, где учитывается этот параметр, родственницы женского пола имеют разные отношения, чем к родственники-мужчины.

В английском языке нет относительного термина, который зависит от пола, говорящего (wife 'жена' и husband 'муж'). В отличие от английского языка в юго-восточных диалектах, эта норма учитывается в системе свойств, а именно. отношения, основанные на браке.

Некоторые системы родства различаются между родственниками по отцовской и материнской линии, например, «дядя (дядя по отцовской линии)» и «дядя (дядя по материнской линии)».

Таким образом, критерии, установленные Крёбером для различных систем родства, показывают, что современная английская система родства использует только четыре параметра: 1) поколение; 2) прямые и косвенные отношения; 3) пол родственников; 4) кровные родственники и чужие (родственники).

В нашем исследовании мы пришли к определению родства на основе общих оснований или брака. С биологической точки зрения у пары нет родственников, но с социальной они близкие родственники. Семейные отношения укрепляются совместным рождением детей. На самом деле, для многих людей брак в конечном итоге является незаконным, если в нем не участвуют дети. В результате брака возникают имущественные отношения: те, у кого есть родственники, считаются тестями.

Особенно родственники или супруги его: жена двоюродного брата, муж тети, жена мужа и дети, а также сестры.

В дополнение к системе относительных терминов многие сообщества также используют систему терминов собственности.

Английская система терминологии собственности представляет собой полную версию системы родства. Добавлен только суффикс *-in-law*, который употребляется в английском языке как самостоятельное существительное. Например, *my in-laws* можно назвать «родственники, моя жена (муж)». Различаются только три поколения, терминов для боковых ветвей нет, т.е. нет слов *grandfather-in-law*, *cousin-in-law*, *niece-in-law*, нет и *aunt-in-law*.

Жену моего дяди и мужа моей тети называют *aunt* и *uncle*. С другой стороны, есть термины *sister-in-law* и *brother-in-law* - правильное их определение было бы: «родство поколения с ЭГО». Это супруги сестер и братьев, а также братья и сестры супругов.

Термины жених и невеста (будущие муж и жена) также добавляются в систему собственности. В обществах, где практикуется полигамия, существуют специальные названия его-супругов. В английском языке такие отношения представлены сочетанием термина общего родства с элементом

step-: *stepmother* 'бабушка', *stepdaughter* 'мачеха' и так далее. Обратите внимание, что *step-brother* означает «сводный брат», а *сводный брат или сестра* называются *half-brother* или *half-sister*; есть еще *uterine brother (sister)* 'брат (сестра).

Жена дяди и муж тети называются *aunt* и *uncle*. Зато есть термины *sister-in-law* и *brother-in-law* - их правильное определение будет таким: 'свойственник одного поколения с ego'. Это супруги родных братьев и сестер, а также братья и сестры супругов.

Относительные термины часто употребляются по отношению к совершенно чужим, часто незнакомым людям, людям. Существуют и другие подсистемы родства, например, родственники по контракту. К ним относятся приемный ребенок и приемный брат (сестра), знаменитые близнецы.

В прошлом крестные отцы также играли важную роль в Англии. Сюда входят богоданные и богоданные родители – «богоданные матери» и «дедушки и бабушки», часто именуемые общим термином «родители». При этом по отношению друг к другу, а также к биологическим родителям ребенка они являются крестными. Здесь следует отметить важный момент. Родственники, однополые братья, отцы, приемные дети и другие родственники не являются кровными родственниками (биологическими).

В то же время они относятся к социальным институтам того или иного общества, которые существуют в отношении кровных родственников и, прежде всего, к запрету брака.

Основоположником научного изучения терминов родства является Льюис Генри Морган. Л. Морган начал изучать системы относительных терминов, полагая, что эти системы могут отражать социальные отношения. Однако, поскольку отношения постоянно меняются, термин «родство» отражает некоторые из более ранних стадий развития этого общества.

Таким образом, изучение систем родства позволяет проследить прошлое народов, не имевших письменной истории.

Как известно, вначале система родства представляла собой систему категорий людей, которые имели определенные обязанности перед другими категориями людей. Например, если родители ego и их братья и сестры упоминаются одним и тем же термином, это означает, что они занимают ту же позицию, что и ego. Поэтому ego обязано их уважать, не имеет права называть их, не может жениться на них. В таких обществах запрещены смешанные браки между потомками родителей и потомками детей.

В дальнейшем будет происходить постепенная «индивидуализация» членов семьи, и если вначале «условия родства служат для выражения типа отношений между группами родственников, то индивидуализация терминологии будет происходить постепенно - в сложной структуре с терминами родства указывает на другое родство, в свою очередь, в третьем и так далее.

Относительные термины часто употребляются по отношению к совершенно чужим, часто совсем незнакомым, людям. Такое употребление называется вторичным.

Вторичное использование терминов родства намного уже, чем у терминов родства в английском языке. Нет обращений типа uncle или aunt, mother или grandfather к незнакомым людям.

В английском литературном языке употребление термина родства при обращении к родственникам возможно только в церковной практике, при этом употребляются только brother, sister, son и daughter (отец - в католической церкви).

Выбор терминологии зависит от определенных правил, принятых в том или ином обществе. Например, человека старше ego можно назвать «старшим братом» или «отцом-дядей».

Речь «старшего брата» подчеркивает равенство с говорящим, тогда как речь «дяди» носит более уважительный характер.

Неправильный выбор термина «плохой» при обращении к человеку может быть воспринят как оскорбление и привести к негодованию.

В.Е. Гольдин отмечает, что почти во всех языках используются «образные» фразы, относящиеся к речи, не относящиеся к родственникам. «При таком использовании, - пишет он, - ссылки почти на все элементы концептуального содержания теряются и становятся единицами чисто регулирующего характера. Как настоящие регуляторы, они не могут использоваться в этих новых качествах для именованя людей в их референтной функции. Они не разделяют адресатов, а лишь становятся их общей чертой, подчеркивая инверсию текста и регулируя тональность общения.

Многие термины родства носят международный характер. Исследователи терминологии отмечают, что некоторые термины появились в то время, когда языки мира еще не относились к определенным семьям языков. Например, *aita*, *tata*, *alle* означает «отец», *мать*, *ама*, но значение «мать» используется в некоторых индоевропейских языках. Кроме того, следует отметить, что большинство терминов родства многофункциональны и полисимметричны, что характерно для английских терминов родства.

Проблемы, связанные с изучением и описанием систем родства, представляют интерес для историков, социологов, этнографов, демографов и лингвистов.

Под структурой родства понимается совокупность терминов, с помощью которых в обществе возникают родственные отношения.

В лексическом составе языка эти термины выражают явление языка, являются объектом лингвистического исследования, а их особенности определяются внутренними законами развития языка.

Однако классификация терминов (т.е. система родства) определяется не принадлежностью языка к какой-либо языковой группе, а особенностями социальной организации, социальной структуры общества и ее изменений. Несомненно, термин родство есть социально детерминированная система.

Группы родственников, объединенных одним именем, имеют одинаковые права и обязанности.

В понятие родства входит собственность, статус, право наследования, род занятий, точнее ранг, титул, честь и так далее. Этому вопросу посвящено много специальных исследований, поэтому детали этой темы в данной работе не актуальны.

В английском языке исконно английская лексика делится на три группы. К первой группе относятся слова, восходящие к индоевропейской семье, которые имеют сходство с лексикой германской группы языков.

В составе оригинальных английских слов индоевропейского происхождения есть смысловые группы. Эти слои терминов родства включают названия частей тела человека и животных, а также числа и атрибуты, описывающие определенные качества и атрибуты.

Английский термин «*father*» имеет соответствия в готском языке «*fadar*», в современном немецком «*Vater*», в шведском «*fader*», а также за пределами германской группы (лат. *pater*, греч. *pater*, перс. *pedar*). Отсюда можно сделать вывод, что слово возвращается к общему лексическому пласту, общему для различных ветвей более поздних языков. В санскрите мы находим корень *pitr* с тем же значением ближайшего родства по мужской линии. Происхождение этого слова подтверждается наблюдением регулярных фонологических изменений и фонетических параллелей, описанных историками разных языков. Аналогичный пример – слово *daughter*, которое имеет соответствия в других языках (д.-а. *dohtor*, готск. *dauhtar*, исл. *dottir*, датск. *datter*, шв. *dotter*, нем. *Tochter*, лит. *dukte*, русск. *дочь*, греч. *thygater*, перс. *dokhtar*). Санскритское слово, к которому восходят все перечисленные выше, – *duhitr*.

Следует отметить, что изучение систем родства с научной точки зрения началось во второй половине XIX века с работы американского этнолога Льюиса Генри Моргана «Системы родства и характеристики человеческой семьи» [95, 94]. В этом фундаментальном исследовании Морган впервые обратил внимание на то, что в развитии систем родства существует определенная закономерность. Ученый смог показать, что дравидийская

система родства Южной Индии и ирландская система родства структурно схожи, хотя эти народы живут на разных континентах и говорят на языках разных языковых семей.

Следует отметить, что один и тот же факт свидетельствует о существовании определенных закономерных процессов, которые привели к тому, что эти совершенно разные системы стали терминологически идентичными. Последующие исследования в области этнографии подтвердили наличие определенных закономерностей в системе терминов родства.

Таким образом, система родства Омаха, известная в этнографической литературе, впервые была упомянута Морганом на примере племени Омаха североамериканских индейцев, а теперь открыта исследователями у многих народов мира.

Сходство нескольких типов систем родства между народами разных частей света, вызвавшее интерес ученых, позволило Моргану восстановить системы родства на основе реконструкции некоторых аспектов истории развития человечества и основных этапов истории семьи.

Этот новый подход к системам родства как первоисточнику восстановления примитивных форм семьи, брака и отношений поколений, основанный на динамике социально-экономического развития общества в целом, описан в другой фундаментальной работе Моргана, озаглавленной «Античное общество» [94, 69].

Первые сведения о взаимной терминологии родства (ВТР) содержатся в «Системах родства и свойства человеческой семьи» Л.Г. Моргана. Л.Г. Морган выдвигает номенклатуру споканов - этноса Северо-Запада США, являющегося носителем языка селишской семьи. Она заключалась в том, что в отношении родственников +2 и -2 поколений они употребляли «один и тот же термин во взаимном смысле вместо терминов коррелятивных» [95, 140].

Другой известный исследователь - В. Шерцль основывался на изучении слов с противоположными значениями [160, 54]. Это явление было названо им энантиосемией, так оно называется и поныне [160, 35].

В. Шерцль обнаружил данный феномен, в том числе и в терминологии родства ТР. Он привел ВТР из японского, персидского, средневерхненемецкого и других языков, пользуясь таблицами Л.Г. Моргана: «Исходной точкой антитезиса оказывается в этом случае отношение родства, в котором участвуют два лица, из которых одно без другого немислимо» [95, 55].

В 1909 году Г.Н. Крёбер определил две формы существования ВТР: закрытую и открытую. Закрытая форма взаимности подразумевает использование термина взаимности определенными родственниками по отношению друг к другу, и только по отношению друг к другу. Например, ВТР будет закрытым, соединяя мужской родной брат матери и детей сестры мужчин или мужчин своего брата матери женщины и дочери сестры мужчины. Английский термин *brother* будет иметь открытую форму, так как может использоваться не только двумя мужчинами (братьями) по отношению друг к другу, но и женщиной (сестрой) в одностороннем порядке по отношению к мужчине (брату) [178, 64].

Концептуальная взаимность «имеет место только тогда, когда все лица, именуемые одним термином, называют всех тех, кто их так именует, и только их, соответствующим термином. Не существенно при этом, идентичен ли второй термин первому, сходен ли с ним или не имеет с первым ничего общего» [178, 79].

«Когда существует строгая концептуальная взаимность, один термин в паре (или одно значение одного двустороннего термина) должен выражать одну из двух категорий, а другой термин или второй означает другую категорию» [178, 79].

В этой связи следует особо отметить, что широкая распространенность ВТР на североамериканском континенте была отмечена А. Крёбером [178, 80].

Минимальную типологизацию ВТР предложил на материале ТР индейцев-тюбатулабал и кавайису Э. Гиффорд, который выделил два типа "идентично-взаимных" терминов, различающихся в смысловом отношении. ВТР может обозначать любую из идентичных категорий (например, *тюб. pawasi, кавай. teeni* «родитель супруга ребенка; кум»), либо антитетичные категории (например, *тюб. aka* «отец отца», но также «дети сына мужчины»; *кавай. atamwoni* «брат жены», но также «муж сестры мужчины») [176, 240-241].

Дж. Мёрдок в своей фундаментальной работе «Социальная структура», опубликованной в 1949 году, стремился синтезировать идеи организации первобытного общества, которые до сих пор развивались в западной науке. Центральное место в нем традиционно было отдано ВТР. Г-н Мердок обозначил шесть принципов для создания ВТР: «а) пол; б) поколение; в) свойства; г) прямые и поперечные, и полярные» [193, 101].

По словам Мердока, отсутствие дискриминации одной из этих норм, включая полярность, превращает термин в классификацию. «Когда нет полярности, - писал он, - отношения считаются одним делом, и оба субъекта используют один и тот же классификационный термин по отношению друг к другу» [193, 101].

Таким образом, термин «родство», согласно Мердоку, возникает в результате игнорирования полярной нормы. Д. Эберли предложил разделить видеоманитофоны на две формы: открытую и закрытую, закрытую и открытую.

1. «Каждое эго вызывает изменение тем же термином, что и альтер называет «эго», и никакое другое эго не использует этот термин для обозначения изменений вне системы».

2. «Если есть термин для брата матери (мужчина говорит, женщина говорит) и сына сестры (мужчина говорит), система открывается, потому что мужчина отличает дочь своей сестры от дочери своей сестры» [193, 263].

Д. Эберли строит типологию «внешних» взаимодействий, выделяя последние три уровня: сильный, средний и слабый. В последнем случае смена поколения +2 определяется сменой 2-го поколения. Промежуточный уровень также предполагает объединение одной части родственников в 1-м поколении и одной части родственников в 1-м поколении в одну категорию. Сильная степень, наряду с вышеперечисленными характеристиками, характеризуется объединением 0 поколений со сменой ± 2 поколений [: 267].

Л. Берт видел задачу ВТР в Юго-Восточной Азии в том, чтобы объединить широкие массы населения в единую группу и не включать в нее корпоративные различия [174, 728].

Аналогичное мнение высказывал М. Фортес: «...Слияние чередующихся поколений... сжимает все “линейные” отношения в пучки категорий... В руках говорящего, таким образом, оказывается замкнутое кольцо отношений, экономичный набор категорий, позволяющий свести все социальные связи к минимуму аксиоматичных правил отождествления и классификации» [175, 110].

В.А. Попов предлагает объяснять феномен терминологического взаимодействия «... через социально-возрастной дуализм поколений разных возрастных систем, цикличность которых основана на смене поколений социальных возрастов (классов) ...» [118, 85].

К. Леви-Стросс подвел итоги исследования ВТР и феномена слияния альтернативных поколений, отметив, что «причина их существования остается совершенно неясной» [184, 1663].

В то же время, общая разница в том, что ВТР между поколениями исторически предшествовала формированию поколений межпоколенческих различий и связана не с растительными / индивидуальными корпоративными институтами, а с возрастной и гендерной организацией сообщества.

Морган, с другой стороны, сыграл важную роль в создании первой модели распределения двух основных видов, классифицированных системам, которые имели все группы родственников с говорящим. Их обозначают общим

термином, а именно характеристики отношений не соответствуют реальным отношениям; и описательный, в котором конкретный термин или набор терминов выражает отношение каждого человека.

В начале 30-х гг. XX в. Ученые У. Риверс и Р. Лоу [4:98] разработали новую четырехчленную типологию систему родства, так называемую «бифуркационно-залоговую» (или «бифуркационно-закладную»), при которой в линию отца и матери ставились как прямые, так и боковые родственники (отображалась специальная информация, например, брат отца и брат матери).

Целесообразность выделения номенклатуры ипотеки как самостоятельного вида систем родства подтверждается и дальнейшими исследованиями. Многие зарубежные и отечественные исследователи сейчас следуют этой, уже ставшей традиционной, четырехчленной типологии, хотя терминологические названия видов у разных авторов различаются.

Общий фактический материал по системам родства в области научных систем в мире позволил ученым отклонить эту точку зрения. Поскольку все типы систем родства делятся на две структурные особенности, именно эти две особенности имеют наибольшее таксономическое значение, которые, по мнению большинства ученых, должны быть названиями типов систем родства.

Так, в английском языке в пределах семи поколений можно насчитать достаточно большое количество терминов для обозначения родственников и свойственников мужского пола: *forefathers* - прадед, *grandfather* - дед, *father* - отец, *uncle* - дядя, *brother* - брат, *cousin* - двоюродный брат, *second cousin* - троюродный брат, *son* - сын - писар, *nephew* - племянник, *grandchild* - внук, *grand-nephew* - внучатый племянник, *great grandson* - правнук, *husband* - муж, *father-in-law* - свёкор, *тесть*, *son-in-law* - зять, *brother-in-law* - шури́н, *деверь* *бача* и т.д., из которых лишь четыре (*farther* - отец - падар, *husband* - муж, *father-in-law* - свёкор, *father-in-law* - *тесть*) являются индивидуальными, а остальные обозначают целые группы лиц [128: 912].

История систем развития родства разделена на два этапа: основные системы родства, которые типичны для первичного (класса) и системы вторичного родства, характерную для общества среднего (классового) образования и являются результатом эволюции примитивных систем. Кроме того, развитие вторичных систем родства проходит две стадии, первая из которых соответствует первичным (докапиталистическим) формам вторичного образования.

В современной лингвистике при изучении изменений в исторических типах систем родства почти все ученые используют термин «родство», который относится к родству в первом восходящем и нулевом поколениях, в качестве основы для исследования.

Следует отметить, что система родства как феномен языка, имеет социальное явление. Исследования показывают, что система родства меняется в процессе изменения общего социально-экономической структуры общества, чем в реальных отношениях производства и родства. Инерция системы родства объясняется тем, что каждое новое свойство возникает в рамках уже установленных традиционных норм, а вновь сформированное качество по своей сути покидает предыдущее.

В каждом назначенном моменте фактические условия родственников отражают фактические условия, связанные с социальными категориями, а также через социальные категории, которые находятся на ранних стадиях общества.

Новые условия формируются из-за использования старых или недостаточных терминов. Это допускает наличие таких групп терминов в системе относительных терминов, которые относятся к разным этапам формирования системы в целом, а также существование терминов, не аналогичных предыдущей системе терминов.

Наблюдения за терминологией типов систем родства показывают, что особый интерес представляет историческая типология М.В. Крюкова. Следует

отметить, что арабский тип у Крюкова изначально назывался китайским [66, 371].

Описывая трансформацию китайских систем родства, М.В. Крюков, по-видимому, изменил название из опасения создать путаницу, поскольку китайская система отношений прошла от австралийского типа (арабский) [66, 371].

Учитывая, что четыре типа систем родства, описанные выше, являются искусственными моделями, которые были построены исследователем с целью использования их в качестве инструмента для научного анализа, или, другими словами, «научная абстракция, основанная на определенных принципах». от совокупности важных свойств» [66, 222], отдельный тип системы можно считать стандартной.

Учитывая четыре типа систем, описанных искусственными моделями, созданными исследователем, они являются одним анализом инструментов или другие слова «на основе определенных принципов». Из набора важных свойств отдельный тип системы может считаться стандартом [66, 222]. С другой стороны, многие системы являются типом интерпретации перехода от одного типа. По словам М.В. Крюкова, самые распространенные системы родства являются формами, которые часто трудно отнести к конкретным видам. Объясняется это тем, что в процессе трансформации отдельные элементы системы претерпевают изменения в той или иной степени: чем больше они оснащены, тем консервативнее сохраняются характеристики предыдущего типа [66, 165].

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Терминология родства - одна из важнейших групп в лексическом составе языка таджикского народа. В этой терминологии отображены существенные социально-исторические процессы жизни народа как носителя языка.

Термины родства являются наиболее древним пластом лексики языка. Они возникли в глубокой древности наряду с тем как человек заговорил, начал произносить некоторые слова при обращении к другому человеку – соплеменнику. Термины родства составляют лексический фонд любого языка, они являются основным богатством языка, не заимствованы из других языков. Термины родства таджикского языка и их употребление имеют древнее происхождение. Вначале термины родства встречаются в праязыке, т.е. в языке, существовавшем во времена арийской общности, когда племена, называющие себя ариями, жили - в XVIII - XV веках до н.э.

Данная классификация терминов родства характеризует патрилокальность «большой семьи», существовавшей у индоевропейцев в эпоху их праязыкового единства.

Таджикская терминология родства и свойства до сих пор не нашла отражения ни в специальных исследованиях, ни в этимологических словарях по индоевропейским языкам, хотя она достаточно широко представлена в работах по таджикской диалектологии, в таджикско-русских, русско-таджикских словарях и в этнографических исследованиях. Следует отметить, что терминология родства и свойства представляет особый интерес.

По происхождению терминологию родства и свойства в таджикском языке и его говорах можно разделить на три группы:

1. собственно, иранские термины, где различаются описательные и сложные термины;
2. тюркские;
3. арабские.

Источником для выявления терминов родства в древнеперсидском языке являются тексты на клинописи, появившиеся 2500 лет назад во времена правления династии Ахеменидов. Клинописи составлены от имени представителей этой династии и высечены на скалах, на золотых пластинах и других материалах. Язык этих надписей в языкознании получил название древнеперсидский. На этом языке и ещё на эламитском и арамейском языке создана Бехистунская надпись от имени царя Ахеменидской династии Дария (Дарайавауша). В этой надписи встречаются термины родства – сын, внук, отец *pīta*, *pīsa*, *para*.

Наряду со множеством других лексических единиц в среднеперсидском языке существуют также слова, обозначающие родственные отношения, особенно термины кровного родства: *отец* – *pid(ar)*, в таджикском «*падар*», в персидском – в Иране «*pidar*», в английском – «*father*»; *мать* – *mād(ar)*, в таджикском «*модар*», в английском – «*mother*»; *брат* – *bradār*, в таджикском «*бародар*», в английском – «*brother*».

Следующий этап развития таджикского (персидского) языка в языковедении именуется новотаджикским (новоперсидским) этапом развития, который начинается с IX века, а расцвета он достиг в X веке и продолжается до нынешнего времени, т.е. до XXI века.

В исследовании терминов родства из круга теоретических проблем огромное внимание уделяется аспектам, связанным с теорией систем родства. При этом следует уделить внимание проблемам, разработанным в зарубежной науке, а также принципам и методам описания, способствующего формированию таких понятий, как дифференциальные признаки системы родства, категории родства и т.п.

Л.Г.Морган в своём труде «Системы родства и свойства человеческого рода» подчеркивает, что англичанин будет называть брата матери и брата отца «дядей», а отца будет считать только его непосредственным родителем.

Объектом изучения этнографов является план содержания система родства, а лингвистов – план выражения (терминов родства).

Терминология родства в юго-восточных говорах таджикского языка по сравнению с другими терминами родства, принятыми в таджикском литературном языке, лексически характеризуется существенными отличиями. Семантически при определенном единстве содержания эта лексика также имеет некоторые особенности, связанные с пережитками родового строя таджиков, населяющих древние историко-культурные регионы Таджикистана: Вахио, Каратегин, Ванч.

Впервые терминология родства и свойства горных таджиков была представлена известным исследователем-этнографом Н.А. Кисляковым в его работе, посвященной изучению патриархальной семейной общины и семьи таджиков, населяющих Вахиои Боло - горную местность, расположенную в верховьях р. Хингоу.

Терминология родства, в отличие от других тематических групп диалектной лексики, не столь обширна по своему объему, однако именно эти термины позволяют наиболее наглядно выявить черты сходства и расхождений между основными группами таджикских говоров, а также внутри этих групп. Наименования кровных родственников, а также родственников по браку образуют определенную систему, отражающую строй и формы семьи на длительном пути ее исторического развития.

В силу этого основное направление будущих исследований терминологии родства таджикского языка и его диалектов должно носить этнолингвистический характер.

Родственные слова являются семантической группировкой полнозначных лексических единиц. Классификация лексем проводится по двум основным признакам: 1) категориально-семантическому и соответственной парадигматической оформленности в системе языка, 2) по функциональной значимости в речи. В таджикском языке понятие грамматического рода, связанное с делением слов на классы со специальными морфологическими показателями, вообще отсутствует. Некоторое соответствие можно обнаружить лишь на семантическом признаке выделения

рода - пола для существительных одушевленных. Этот двойственный принцип классификации нашел свое отражение в признании частей речи лексико-грамматическими разрядами слов. Эти смешанные по характеру своей семантики языковые категории составляют зачастую то специфичное, что отличает один язык от другого.

Следует отметить, что Система родства как язык языка, относящейся к системе родства, имеет социальное явление. Кроме того, исследования показывают, что система родства меняется в процессе изменения общего социально-экономической структуры общества, чем в реальных отношениях производства и родства. Инерция системы родства объясняется тем, что каждое новое свойство возникает в рамках уже установленных традиционных норм, а вновь сформированное качество по своей сути покидает предыдущее.

В каждом назначенном моменте фактические условия родственников отражают фактические условия, связанные с социальными категориями, а также через социальные категории, которые находятся на ранних стадиях общества.

Новые условия формируются из-за использования старых или недостаточных терминов. Это допускает наличие таких групп терминов в системе относительных терминов, которые относятся к разным этапам формирования системы в целом, а также существование терминов, не аналогичных предыдущей системе терминов.

ГЛАВА II. СТРУКТУРНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИИ РОДСТВА ЮГО-ВОСТОЧНЫХ ГОВОРОВ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКОМ

2.1. Словообразование терминологии родства юго-восточных говоров таджикского языка и их эквиваленты в английском языке

Словообразование - это создание новых слов с использованием префиксов, суффиксов, идейных дополнений и других методов. Существует несколько способов словообразования, наиболее эффективным из которых является построение слов с помощью суффиксов и префиксов.

При изучении словообразования в области грамматики (в рамках морфологии) особое внимание уделяется особенностям формальных средств словообразования и словообразованию, и содержанию этих процессов, а также функциональным аспектам словообразования. Словообразование и сложные слова, часто не привлекающие внимания исследователя. Это можно объяснить тем, что грамматический подход к словообразованию ориентирован прежде всего на формирование отдельных частей речи и морфологический подход к словообразованию. При рассмотрении словообразования в области лексикологии, наоборот, эти вопросы не находят должного отражения, так как основное внимание уделяется выделению и описанию лексико-семантических группировок, а также некоторым вопросам создания новой единицы.

Основной единицей морфологического уровня является морфема, структурная единица двустороннего характера. Морфема представляет собой единство формы и содержания.

Следовательно, к исследуемой нами терминологии родства большинство терминов, которые являются производными, образованы аффиксальным способом, который имеет три вида: суффиксация, префиксация и префиксально - суффиксальный способ, например: *бачавара, бачадор, беньсъл, бийорзода, бийоршир, бародаршир, бийорък.*

Одним из наиболее продуктивных путей словообразования в современном таджикском и английском языках является аффиксация.

Есть два типа аффиксов: а) суффиксы и частицы, которые связаны с концом производной основы; б) префиксы или частицы, прикрепленные к началу генератора.

Однако не все аффиксы в настоящее время используются как словообразовательные элементы. Слова часто состоят из приставки и суффикса (вместе они называются аффиксами).

Приставки меняют значение слов, но само слово не переходит в другую часть речи.

Суффиксы являются индикаторами частей речи в английском языке и могут быть разделены соответственно на три группы: суффиксы существительных, прилагательные и глаголы. Что касается наречий, следует отметить, что в большинстве случаев они образованы только одним суффиксом *-ly* (*quick – quickly*).

а) Суффиксальный способ образования имен существительных (терминов родства) в юго-восточных говорах

Словообразующие суффиксы в говорах составляют две основные группы: а) суффиксы общетаджикские, представляющие собой основную часть именных словообразующих суффиксов; б) суффиксы диалектного характера, по количеству значительно уступающие общетаджикским. По участию в образовании рассматриваемых субстантивных частей речи словообразующие суффиксы в южных говорах характеризуются следующим образом:

Суффиксы имен существительных: *-андар-вара-*, *бону-шир*; *дъхтарвара// дъхтавара*, *мойндар// мойъндар* (Ванч), *моиндар//мохиндар* *кайбону//кайвону//кайвони//кайбуну*, *кайвона*, *хунавара// хонавара*, *бародаршир// бъродаршир*. В английском языке субстантивные суффиксы *-er*, *-ist*, *-ness*, *ship*, *-al*; *father*, *brother*, *childness*. *Guardianship* - *ворисӣ-*

нига//нъга//ниго, нига//нъга//ниго (кардан) - опека, Governess - дойамома//мума, момадойа- гувернанта, Fosterage – ширдаҳан, ширдаҳан кардан, ворисӣ, вонӣ (кардан), мазек, нига//нъга//ниго (кардан) - вскармливание (чужого) ребёнка.

Суффикс – **вара** является суффиксом диалектного характера. Впервые в юго-восточных говорах он был отмечен А.З. Розенфельд [128, 20] в качестве непродуктивного суффикса, сохранившегося в топонимах. Исходя из фонетического облика, а также основного значения южного суффикса - **вара** -, можно предположить, что восходит он к суффиксу **-ар /-овар**, засвидетельствованному в языке среднеиранского периода [128, 154] и весьма продуктивному в языке классической литературы.

Суффикс **-ак** функционирует как оморфема, что определяется присущим ему двойным значением: во-первых, при именах это показатель эмоционально-уменьшительной оценки предмета, признака; данное явление некоторыми исследователями характеризуется как находящееся на стыке форм словоизменения и словопроизводства; во-вторых, от существительных и прилагательных он образует новые слова различного предметного значения. [91, 68].

Суффикс **-ак** в эмоционально-уменьшительном значении употребляется как с именами существительными, так и с именами прилагательными, причем в этом значении ему синонимичен менее употребительный в юго-восточных говорах суффикс **-ча**. Именам существительным **-ак** придает значения уменьшительности и ласкательности: *хуварак, ховарак-littlesister - сестренка, биёрак-littlebrother - братишка, дъхтарак-littlegirl - девочка. хомак, бачек // бачък, гудак//гулак, гудакак, кудак, лулак, мисқолак - baby, kid-ребёнок, младенец, сагерачаҳак//сӱгерачаҳак - Adolescent - юноша; тирмизак//тӱрмизак, тиранча, чурпа, пирбумак// пирмомак// пирмумак-итр-чертёнок.*

При выражении ласкательно-уменьшительного значения для юго-восточных говоров таджикского языка специфичным является использование

суффиксов **-ча** и **-ак** одновременно: *йа хохарчахак доштъм, касал шидай* (кр. Гофилобод) – *I had a little sister, she became ill* - *у меня одна (младшая) сестричка была, заболела;*

Суффикс – **вача-** в южных таджикских говорах распространен повсеместно и образует от имен существительных другие существительные, например, *тъгойивача, холавача – cousin* - кузен.

По сведениям М.Махмудова, суффикс **-она** в говорах таджиков Китабского района Кашкадарьинской области Республики Узбекистан имеет более широкий диапазон распространения и является самым продуктивным суффиксом. Подробно характеризуя роль данного суффикса в словообразовании, исследователь отмечает, что суффикс – **она** образует не только обрядовые термины, но и названия птиц и насекомых [85, 28-29].

Суффикс **-ча/ -ича** малопродуктивный; выполняет две функции, а) от именных основ образует слова предметного значения, причем в ряде случаев исходные основы самостоятельно не употребляются, поскольку в современном языке они утратили лексическое значение и суффикс при них становится неотъемлемой частью слова или придает слову уменьшительно-ласкательное значение, например, *духтарча - girl child* - *девочка*.

Суффикс **-он /-йо (н) /-йун** в южных говорах, как и в современном литературном таджикском языке [85, 49-56], представлен широко. Он и его диалектные варианты используются в качестве словообразующего суффикса в топонимах. Словообразовательные модели с суффиксом **-он, –гарй** в юго - восточных говорах, возможно, в большей степени, чем в литературном языке, продолжают традицию, свойственную языку классических памятников письменности, о чем свидетельствует большое количество топонимов и микропонимов во всех южных говорах, образованных при помощи суффикса **-он/-гарй**: *бийоригарй – brotherhood* - *братство*.

Особенно широко представлен этот суффикс в наименованиях семейно-родовых групп (*Авчаборийун* (в-кр. Нушор) - *семейно родовая группа, родоначальник которой Абдужабор*; *Бовигийо(н)* (кр. Яхч) - *родовая группа,*

родоначальник которой *Бови*), а также территориальных групп (*Говдиён - квартал «говдцев», т.е. выходцев из сел. Говд, которые являлись основными типами расселения таджиков Каратегина, Дарваза*) [120, 73-97].

Весьма продуктивен суффикс **-он** в образовании собирательных существительных, обозначающих названия обрядов, этапов семейных событий -свадьбы, похорон, рождения ребенка и т.п.: *саршуйён - обрядовое мытье головы невесты перед свадьбой, гаворабандон - обряд первого укладывания новорожденного в колыбель*. Этот суффикс в данном значении исследователями раньше был зафиксирован и в других говорах таджикского языка. Например, Г.Джураев в говорах таджикоязычных арабов отнёс его к числу непродуктивных суффиксов, отмечая при этом только одно слово, например, *ноншиканон - обряд сватовства* [39, 53].

Группу суффиксов **-ака и-ина, -дон, -шир/-стон, чун, -го(х)/ -га(х)** объединяет общее категориальное локальное значение. Однако и по значению, и по употреблению в говорах, как и в литературном языке, они далеко не однозначны, например: *мардак-кирмчуҷаҳак, гудак//гулак, гудакӣ//гулакӣ; майдаҳакӣ // майдакакӣ //майдакҷкӣ // майдъкакӣ //майдъкҷкӣ, мейдъкҷкӣ, бачагарӣ; гудакӣ//гулакӣ, майдакӣ, мейтъкакӣ// мейтъкакӣ, майкҷкӣ; бохчон//бохчун, богчон//богчун, бохчондорӣ // бохчундорӣ // богчундорӣ, ака, бародаршир // бъродаршир, бийоршир, бийорък, биродар*.

Суффиксы образуют имена существительные со значением свойства, признака, видов: *хъсързода, //хъсърбърда (Вк.К) //хъсурвурда (Кх.) // хъсърбурда, хъсърбурда*.

Суффикс **-андар** непродуктивен, засвидетельствован при терминах родства, означающих неродных, т.е. не кровных близких: *мойиндар/моъиндар-stepmother - мачеха, дъхтандар -stepdaughter - падчерица; пийандар -stepfather - отчим, писандар - stepfather - пасынок*. Слова с этим суффиксом широко распространены во всех южных говорах, за исключением гиссарско-кулябских, где они встречаются главным образом в местностях, непосредственно смыкающихся с Нижним Каратегином и

Кулябом. Суффикс - **андар** в данной функции употребителен в языке дари (фарси кобули).

Сопоставительное исследование корневых лексем для обозначения родственников позволяет сделать следующие выводы. Указанные суффиксы отмечены, главным образом, в местах смешанного таджикско-узбекского населения. В кишлаках сплошного таджикоязычного населения эти суффиксы узбекского происхождения малоупотребительны. В основных же селениях Куляба и Каратегина они и вовсе не употребляются.

В словообразовании юго-восточных терминов родства таджикского языка в основном участвуют суффиксы, **а, -ак//ък, -акй, -й//-ги, -вара, -зо//зода, -гари, -ина, -вор -чй, -ча, -чак** и являются продуктивными суффиксами.

В английском языке термины родства формируются в качестве основы формирования слов, которые как правило, создаются на основе моделей сложных слов. Необходимо установить природу неравенства при переходе на другие части слов. Эффективная модель - это переход терминов родства к прилагательным, согласно структурным моделям. Эти основы составляют семантическую модель: англ. 1. с помощью структурной модели с суффиксом *-ly*: *fatherly-отечески, motherly-материнский, brotherly-братский, sisterly-сестринский, sonly-сыновий, daughterly-дочерний и т.п.*; 2. по модели с суффиксом *like*: *fatherlike-как отец, motherlike-как мать*; 3. с суффиксом *-less* со значением отрицания: *fatherless-безотцовство, motherless-без матери*.

Английские аффиксы выражают значение родства. Например, *childhood*, *bastardslip* - *побочный ребёнок*, *boyishness* - *ребячество*, *brotherhood* - *братство*; *babyhood* - *гудаки//гулаки, гудакона//гулакона* – *младенчество*; *bachelorhood* - *безанй, (зиндагии) лаванди//лавънди, сулама* - *холостая жизнь*, *Bastardize* - *bastardslip* - *bastardy* – *безотцовщина, незаконнорождённый* - *синд//сънд, санд, съндъкй*; *Adoptive* - *бачахун-усыновлённый, приемыш*; *усыновлять*; *adulterate* – *ҳаромй-санд//сънд, съндъкй* - *внебрачный, незаконнорождённый*; *Affinity* *хеш, хешъ акрабо, хешъ тавор, хешигари, хешикъни, хешовандранг, хешранг* - *родственность, близость, родовое*

сходство; Agnate - Agnation дорандаи ҷадди умумӣ аз ҷониби падар; ақрабо; хеш ақрабо, хешъ ақрабо, аҳлу авлод, хешъ тавор, хешигарӣ (аз ҷониби падар) родственник по мужской линии; родственный по отцу; имеющий общих предков по мужской линии; близкий, родственный.

В словообразовании имен существительных самыми продуктивными являются суффиксальный и префиксальный способы. Но в терминах родства в таджикском языке префиксального способа образования слов не наблюдалось.

б) Префиксально-суффиксальный способ

Префиксально-суффиксальный способ - это способ одновременного добавления суффикса и префикса к исходной единице. По структуре самого термина в этом случае возможен следующий морфологический анализ родства. Родственные термины делятся на односложные и подробные.

Следует отметить, что морфологический анализ предполагает определение морфологической сущности каждого члена композиции - элемента, то есть соответствия этого элемента той или иной части речи.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что термины родства в английском и юго-восточных диалектах таджикского языка состоят в основном из терминов, которые являются существительными или прилагательными. Хотя нельзя с уверенностью сказать, что другие части речи не рассматриваются в этих терминах. Доказано, что они существуют, но встречаются реже.

Сопоставительное изучение лексических единиц и их отношений имеет большое значение для сравнительного и педагогического изучения языков других структур, а также открытия новых языков.

В современном языкознании большое внимание уделяется пониманию и изучению языка как системы. Одним из основных принципов систематической лингвистики является изучение языка и его уровня. Различные подходы к

пониманию языковой системы, прежде всего показывающие сложность, многообразие, противоречивость и единицы ее системы, ее уровень и ее единицы.

2.2. Способ словосложения терминологий родства юго-восточных говоров таджикского языка в сопоставлении с английским языком

Словосложение играет важную роль во всестороннем обеспечении жизни человека новыми именами. Большинство новых слов создается с помощью производных инструментов. Новое понимание лексики как неизвестного источника, но правил их изучения по определенным моделям и планам позволило действовать различным принципам, на основе которых строятся эти правила (действие). аналогия, ассоциативные процессы и т.д.).

В языковых исследованиях эти проблемы или другие слова разрабатываются на русском, английском, английском, а также таджикском языках. Это работы известных русских лексикологов А.Н.Тихонова, П.А.Соболевой, Е.Г.Гинзбурга и многих других.

Проблемы словообразования в таджикском языке развивались в 20 веке, особенно во второй половине. Это были первые исследования, посвященные конкретным вопросам словообразования в таджикской лингвистике. В 60-х годах М. Мухаммадиев опубликовал статью, в которой показал основные принципы образования слов в таджикском языке [99, 137-145]. Соответствующие словообразовательные элементы рассматриваются также в английской лексикологии, в книге О.Д.Мешкова и других работах. В последние годы возникло понятие «частотного компонента», отличающегося от полуаффикса отсутствием переосмысления по сравнению с опорным словом, что нашло отражение в «Словаре словообразовательных элементов английского языка».

Как справедливо отмечает И.П.Иванова, отличие основы от слова является чисто функциональным. «Слово -- минимальная единица языка, способная к синтаксическому функционированию, основа - единица структурного и словообразовательного плана».

Деривационные парадигмы имеют некоторое сходство с парадигмами словоизменения, но словообразование в отличие от морфологии, которая

также имеет дело с формально выраженными структурами, характеризуется определенной свободой выбора основной аффиксальной морфемы при образовании деривационных рядов, свободой, которая в словоизменительной парадигме отсутствует.

Кроме того, обязательной и полной предсказуемости заполнения позиций в морфологической парадигме противостоит необязательность и неполная предсказуемость заполнения пустых позиций в деривационной парадигме. Последнее объясняется тем, что производная парадигма не объединяет словоформы, а слова, для которых была построена общая основа. Потребность в словоформах определяется лингвистическими факторами, а потребность в новых словах определяется нелингвистическими факторами.

Соответственно, слова основной активности, то есть их участие или не участие в слове, определяют требования языкового общения в словах над словами, которые могут быть от них образованы.

В словоизменительной парадигме варьирование основ носит очень ограниченный характер и не выходит за пределы тех изменений, которые как реликтовые унаследованы от предшествующих этапов развития морфологического строя английского языка. Сюда входят чередования в системе форм неправильных глаголов, пережиточные формы множественного числа типа *foot - feet, mouse -- mice, wife - wives, house - houses*, а в системе формообразования - супплетивные степени сравнения прилагательных *good, bad, much, little*.

В целом следует признать, что теория словообразования таджикского и английского языков в языкознании находится в состоянии поступательного развития и совершенствования. Актуальными проблемами в настоящее время являются семантика и функция словообразовательных средств и роль словообразовательных структур (моделей) в языке и речи. Функционирование моделей и их заполнение происходит в соответствии с системными правилами и создает так называемое «давление системы», которое сказывается на дальнейшем развитии словарного состава. Однако в системе

словообразования в ряде случаев появляются новые моменты, которые со временем могут перейти в норму. Иллюстрацией этого положения могут служить появляющиеся в языке «новые слова» - системные неологизмы, получающие более или менее широкое распространение, или возникновение системных окказионализмов и окказионализмов, образованных с нарушением тех или иных системных правил.

Следует оговорить, однако, что основные словообразовательные модели, как правило, стабильны. Изменения в закономерностях заполнения моделей часто исчезают в дальнейшем бесследно, но могут, повторяясь, стать системными, и после проверки временем перейти в норму. Такие случаи известны в истории языка. Составные слова позволяют более полно выразить новые концепции и являются важной частью лексики современных языков. В терминологии широко используются особо сложные слова. Необходимость более точного и полного наименования новых явлений и отражения их важнейших характеристик в технике, производстве, науке и социальной деятельности человека приводит к появлению большого количества сложных слов.

Значительное внимание учёные уделяют проблеме словосложения в связи с той особенной ролью, которую словосложение играет в юго-восточных говорах таджикского языка. Оно подвергается более детальному изучению по сравнению с другими разделами словообразования во все периоды развития его теории в языкознании.

Словосложение анализируется в переплетении его двух функций - лексической номинации и выражения синтаксических отношений, в связи с чем вводятся понятия и термины «цельнонаправленные» и «раздельно направленные» сложные слова; отмечаются также промежуточные явления, не позволяющие безоговорочно разграничивать указанные функции сложных слов.

Варьирование основ в словообразовании представлено достаточно широко. У одноосновных производных *actor*, *active*, *action* выделяются

свободная основа *act* и связанная основа [ækf-], являющаяся результатом ассимиляции согласной фонемы исхода основы в сочетании с суффиксом **-ion**. У существительного *criticism* и глагола *criticize* выделяется связанная основа ['kritis-], являющаяся вариантом свободной основы *critic*; чередование /k/ - /s/ обусловлено начальным гласным суффикса. У существительного *fertility* выделяется связанная основа [fə: til], являющаяся вариантом свободной основы *fertile*; чередование гласных фонем и мена ударения возникают за счет того, что суффикс *-ity* является акцентообуславливающим.

Массовый наплыв в английский язык латинских и в меньшей степени французских заимствований нарушил исторически развивавшуюся в английском языке структурную четкость словообразовательной структуры суффиксальных дериватов. В составе заимствованной лексики выделились регулярные ряды слов, у которых конечная морфема относилась к слову по формальному признаку к определенной части речи, выполняя словореализующую функцию и оформляя отрезок, не равный слову. Ассимиляция очень большого количества заимствований в значительной степени была обусловлена тем, что в язык, как правило, входили не одиночные слова, а целые гнезда слов, связанные словообразовательными отношениями языка-источника заимствований.

Для заимствований из латинского языка, поскольку они повлияли на английское словопроизводство, наиболее важной представляется именно эта черта. Частично она была подготовлена французскими заимствованиями, но только той их прослойкой, которая включала французские латинизмы («ученые слова»). Ассимиляция латинских словообразовательных аффиксов осуществлялась с помощью адаптационных моделей (моделей, основанных на неолатинской словообразовательной базе), а их могли формировать основы, равные слову, и основы, не совпадающие со словом. Соответственно, на базе адаптационных в английском языке сформировались такие модели, в которых ядром парадигмы выступает

связанная основа, но ее звуковая оболочка задана заранее жесткой схемой деривационных рядов.

Словосложение - это способ словообразования, основанный на морфологическом сочетании двух и более корней. В результате образуется составное или составное слово (лат. *Compositum*). Композиция занимает особое положение между морфологическим и синтаксическим способами соединения языковых единиц, которое имеет характеристики обоих. Некоторые типы составных слов по структуре близки к словосочетаниям и состоят из целых слов. Сложные слова, как и простые слова, имеют уникальный грамматический индекс перегиба.

Поскольку структура слова часто имеет синтаксическую основу в виде начальных слов, существует два основных типа составных слов, которые различаются по характеру синтаксических отношений между их компонентами:

- 1) компонент - совокупность равных компонентов, команд;
- 2) подчинение - набор компонентов, среди которых есть идентификаторы с точки зрения основного синтаксиса и зависимости (такая частичная связь может иметь характер определения или дополнения).

В английском языке модель сложного слова часто оказывается аналогом модели словосочетания: *Planted-father* - *отай угай* – *отец прибеседный, отец посаженный, отец*; *Foster-mother* - *очашир/очаи ширхора* – *мать молочная – мамка, кормилица*; *Plantedmother* - *очашир–мать, посаженная – женщина, заменяющая на свадьбе родную мать жениха*; *Step-mother* - *очаи угай/пийяндар* – *мачеха – другая жена отца, неродная мать*; *Adoptedson* - *бачаи қиёматӣ* – *сын названный – приемный, воспитанник*.

Ю.Д.Апресян определяет сложное слово (a compound word) как «объединение двух или, реже, трех основ, функционирующее как одно целое и выделяющееся в составе предложения как особая лексическая единица, благодаря цельнооформленности».

Самым продуктивным типом в английском языке является словосложение, то есть сложение двух или более основ: *Bedfellow, Birthright, Bridesman, Brothergerman, Gentleman, Godchild, Godchild, Goddaughter, Godfather.*

Godbrother - акаи қиёматӣ—брат крёстный – сын крёстного отца;
Godgrandfather - бобии қиёматӣ—дед крёстный – отец крёстного отца;

Godparents—волидаи қиёматӣ – крёстный, крёстная (см. отец крёстный, мать крёстная); *Godmother* - очаи қиёматӣ—мать крёстная;
Godfather - отаи угай—отец крёстный; *Stepbrother and stepsister* - акаи угай ва хоҳари угай—Сводные братья и сестры – дети лиц, живущих в повторных браках от предшествующих браков; *Godson* - бачаи қиёматӣ – сын крёстный (крестник) – лицо мужского пола по отношению к приемнику.

Лингвисты определяют, что словосложение является чистым сложением основ: амакдъхтар, амабача, тагойибача//тъгойивача, тагойизода//тъгойизода, холабача//холавача холадъхтар, холазо, холъкбача, холъкдъхтар, хусурбача, хунавода, бобикалун//бовикалун [153, 59].

В английском языке этот метод формирования слов также включает в себя дефисное написание: *sister-in-law, mother-in law, daughter-in-law, half-sister* –единокровная или единоутробная сестра по одному из родителей – *hedge-marriage* – тайный брак, *helpmate* – товарищ, подруга; муж, супруг; жена, супруга [107, 54].

По морфологическому составу сложные термины в обоих языках делятся на:

- а) двухлексемные;
- б) многолексемные.

Семантико-синтаксическая связь между компонентами основана на атрибутивных отношениях. Основная часть таджикских и английских терминов - это те же сложные слова. Сложные двусторонние слова добавляют два основных слова динамиком слов и сформировать различные части речи, существительные и прилагательные: например, *катбону, кампир – date* -

дама; курпачашин//кърпачашин нозукбадан – effeminasu - женственность, хунавода, саҷаранума – family tree – семейство и др. (родословное дерево)

Таким образом, в качестве языковых единиц, изучаемых в структуре слова, следует рассматривать не только отдельные производные слова, но и отдельные категории, ассоциации производных слов, имеющие формальный и семантический характер.

Поэтому примеры сложных слов в терминах родства, в первую очередь, показывают, что пополнение словаря в основном связано со словами, которые выражают имя, процесс и очень немного прилагательных. Во-вторых, все эти сложные словесные модели, задействованные в обновлении словаря, занимают разные уровни единой системы словообразования. Некоторые из них особенно продуктивны с точки зрения количества, другие - с точки зрения содержания. Их объединяет одно - функционирование терминологии [7, 24].

Кроме того, существительные широко участвуют в образовании сложных слов.

Следует сказать, что в словообразовании юго-восточных терминов родства таджикского языка активно участвует образование слов при помощи лексем и послелогов, т.е. сложные слова являются продуктивными, не все известные модели словосложения участвуют в терминологии родства юго-восточных говоров таджикского языка. Но мы надеемся, что с развитием и расширением данной области появятся и другие модели.

2.3. Синтаксический способ образования терминов юго-восточных говоров таджикского языка в сопоставлении с английским языком

Выделение производящей основы как части слова, выделяющейся в деривационной парадигме, будет неполным, если к нему не добавить признак активности основы в формировании парадигмы и системности самих рядов по набору входящих в них словообразовательных морфем. Такое уточнение имеет особое значение для английского языка, состав которого этимологически очень неоднороден и включает большое количество слов генетически производной структуры, но модели, по которым они были образованы в языке-источнике, не вошли в словообразовательную систему английского языка.

Показательными в этом отношении могут быть слова *ambitious* и *ambition*. Оба они являются неполночленимыми, их объединяет связанная основа *ambit* [æm'bif], но суффиксы *-ous* и *-ton* не связаны деривационной парадигмой. Морфема *-ous* в производных английского языка, а также в тех заимствованных производных, на базе которых формировалась английская словообразовательная модель, избирается только субстантивными основами, а морфема **-ion** - глагольными.

Неполночленимые слова такой структуры по нормам современного языка являются непроеводными. Приведенная выше пара иллюстрирует пограничный случай между неполночленимым и нечленимым словом.

Граница может также проходить между неполночленимым и членимым словом. Так, например, в цепочке *captor* -- *capture* - *captive* выделяется корневая основа *capt-*. Набор оформляющих ее суффиксов позволяет установить глагольный характер основы *capt-*, но парадигму с *-or*, *-ure*, *-ive* она не формировала, а выделялась в ней из состава однокорневых заимствований. Внешне более самостоятельный характер связанной основы *capt-* объясняется тем, что суффиксы **-or**, **-ure**, **-ive** в английском языке вошли в отглагольную парадигму, а суффиксы *-ous* и *-ive* (*ambitious*, *ambition*) в одной парадигме

несовместимы. Основа *capt-* выделима как элемент словообразовательной структуры слова, но она не является производящей.

Как уже отмечалось выше, основа и слово в английском языке совпали, поэтому производящей может быть либо свободная основа, либо такая связанная основа, которая репрезентирована в языке словом, но в словообразовательном акте подверглась фонологическому или акцентологическому варьированию, усечению или наращению.

По этому типу образованы следующие слова в таджикском языке: *бачайи батуй; бачаи сарнъхсин; бачайи ака; бачайи додар; бачайи йана; бачайи моҳиндар; бачайи тага; бачайи тирамоҳи (кн.) - писарандар бачайи хола; бачайи хорхунд - бачаи хохархонд; бачайи хъсърбурда; бачайи кайсърнгъл; бачайи ҳевар; бачайу реза* [106, 30].

Также образуются следующие модели слов со словом *бача*: *мабача// амабача; бачахола// холабача// холавача; тагойибача//тъгойивача, хъсърбърда хъсурвурда, тарсобача мълобача, бачамард бачахуни* и т.д.

В то же время следует отметить, что в последних работах по словообразованию английского языка намечается определенный сдвиг в сторону более детализированного анализа семантики и структуры производящих основ с целью выявления закономерностей комбинаторики компонентов, образующих аффиксальные модели словопроизводства.

Подход к словообразованию с этих позиций представляет особый интерес, если он сопровождается диахронным описанием становления словообразовательных норм. Вопрос становления норм – это область диахронии, и именно в ней выявляется не только функциональная нагрузка основы, но и связь словообразования с другими аспектами языка.

В этом отношении прав В.Г.Адмони, говоря о том, что наряду с такими четко очерченными «ярусами языка, как фонетика (фонология), морфология и синтаксис, имеется и ряд других планов языка, которые соотносятся с системой «фонетика – морфология - синтаксис» (и друг с другом) не по принципу «выше - ниже», а значительно сложнее и многообразнее.

Такими пластами являются, например, лексика и словообразование». Изучение состава моделей производных слов, т.е. определение того, как сделано производное слово, неизбежно ставит вопрос о том, почему оно сделано именно так, а не иначе. Этот вопрос имеет принципиальный характер и стоит особенно остро в тех случаях, когда в языке имеются модели одинакового словообразовательного значения с разными суффиксами или префиксами, как, например, английские суффиксы имен действия *-ing*, *-ment*, *-al*, *-ion*, *-ation*, *-ance* или реверсивно-привативные префиксы *un-*, *de-*, *dis-*. Пути к его разрешению вряд ли можно искать в производных словах, так как они являются результатом словообразовательного акта, который мог иметь место в очень отдаленном прошлом. Не дают на него ответа и аффиксы, так как в отрыве от основы далеко не каждый аффикс этой способностью обладает: ср. *fishery* «рыболовный промысел, тоня», *pottery* «гончарные изделия», *bravery* «храбрость», *delivery* «доставка» или *bedding* «постельные принадлежности», *drawing* «рисунок», *sacking* «мешковина» или *marriage* «женильба», *acreage* «площадь земли в акрах», *beaconage* «денежный сбор или налог за содержание бакенов и маяков». Суффикс, как показано выше, в словах представляет значение, которое фокусируется на основании интересов.

Имея дело с производными словами, оно, с одной стороны, соприкасается с морфологией, так как суффикс определяет принадлежность слова к определенной части речи, а с другой, - с лексикологией, предметом изучения которой является не только структурная, но и семасиологическая сторона словообразовательных процессов.

В лексикологии под влиянием унаследованных от грамматики традиций за исходную единицу описания принимается аффикс. Этот принцип фактически не нарушается в тех случаях, когда суффиксальные производные объединяются в лексико-грамматические разряды (по частям речи), к которым относит их суффикс, а префиксальные производные распределяются по семантическим группам в пределах отдельных частей речи, либо даются по префиксу алфавитным порядком.

Модель *N + Adj* включает сочетание существительного и прилагательного. В русском и таджикском языках эта модель самая продуктивная, например: *дъхтариката, дъхтари гарма gal-девушка, ашголи хона, аҷзол балаву //балайу чақа;*

Модель *N+of+N*в состоит из существительного и существительного с предлогом и соответственно, она менее продуктивная: – *next-of-kin – ближайший (-ие) родственник(и) – қавм, мансубият ба оилаи хуб; хешовандон; the lady of the house – хозяйка дома– кадбону; the sons of men – человеческий род – писар; писари калонӣ и др.* [106].

Анализ материалов показал, что в образовании терминов родства юго-восточных говоров таджикского языка словосочетание считается продуктивным, например, *бачайи батуй, бачаи сарнъхсин, бачайи ака, бачайи йана, бачайи мохиндар, бачайи тага, бачайи кайсънғъл, бачайи хевар* [106].

Следует отметить, что такие именные словосочетания, как модель *N+Adj* (имя существительное + имя прилагательное) включает такие примеры, когда прилагательное в таджикском языке оканчивается на суффикс *-ӣ*: *писари калонӣ-the elder son-старший сын, хохари хурдӯ-little sister-младшая сестра, бачаи миёнагӯ-the middle son-средний ребёнок, писари хурдӯ-the little son-младший сын* и т.д. и суффикс *-гӣ*:

Модель ***N+Num*** (имя существительное + числительное) состоит из имени существительного и числительного в качестве основного слова. Эта модель также считается именной и числительное здесь, как и прилагательное в предыдущей модели оканчивается на суффикс *-ӣ*: *писари дуюмӣ-the second son-второй ребёнок, хохари сеюмӣ-the third sister-третий ребёнок, бачаи дуюмӣ-the second child-второй ребёнок, писари панҷумӣ-the fifth son-пятый ребёнок* и т.д.

Таким образом, следует сказать, что синтаксический способ образования терминов родства юго-восточных говоров таджикского языка обладает равной высокой степенью продуктивности. Среди терминов родства преобладают словосочетания, из которых представляют собой простые субстантивные

словосочетания в английском языке около 29%, в юго-восточных говорах таджикского языка - около 22%.

2.4. Семантический анализ терминологии родства юго-восточных говоров таджикского языка в сопоставлении с английским языком

Письменным памятником, содержащим термины родства и близким по времени индоарийскому обществу, является «Авеста».

«Авеста» состоит из частей, которые имеют названия – «Ясна» (состоит из 72 глав, называются хот, хаити, подразделяются на строфы); «Яшты» (сохранился 21 яшт, каждый яшт имеет названия, такие как «Обон-яшт», «Фарвардин-яшт», «Зомиед-яшт», «Бахрам-яшт» и т. д., яшты подразделяются на строфы); «Вендидад» (состоит из 21 главы, которые называются фрагард, подразделяются на строфы); «Хурд-Авеста» («Малая Авеста» или «Поздняя Авеста», главы называются карда, подразделяются на строфы), «Висперед» (24 главы, которые называются карда, подразделяются на строфы) [40, 376].

Здесь представляет интерес вовсе не статистика встречаемых в Авесте терминов родства, а их происхождение и упоминание в источнике, появившемся в глубокой древности (примерно 3000 лет назад). Некоторые части Авесты, например, «Гаты», приписываемые самому Зороастру и входящие в «Ясну», датируются более древним периодом (X – VIII века до нашей эры). Авеста - это «книга-энциклопедия», где отражены история, этнография, язык, литература, экономика, социальная жизнь, культура, религия наших предков – народов, населявших Древний Иран (от Персидского Залива до Гиндукуша) [165, 432].

В Авесте встречаются слова – термины родства: *падар* – отец, *папа* – «*pitara*» («Ясна», хаити 11, строфа 4, хаити 58 строфы 4, 9, - хаити 44, строфы 3, 7, хаити 45, строфы 1, 4, хаити 47, строфы 2, 3; «Хурдод-яшт», карда 29, строфы 116, 117, «Бахрам-яшт», 83 строфа и др.; «Вендидад», фрагард 12 строфы 1, 3, 9, 11, фрагард 15, строфа 12, фрагард 19, строфа 43 и т. д.);

модар – мать – *mādar, matar* («Фарвардин-яшт», карда 1, строфа 11, карда 2, строфа 22, карда 3, строфа 28, «Арт-яшт», карда 2, строфа 16;

«Вендидад», фрагард 7, строфы 1, 16, фрагард 12, строфы 1, 3, 9, фрагард 18, строфа 38, фрагард 19, строфа 6 и т. д.);

писар– сын – *puθra-*, *puθuça* («Ясна» 1 хаити, 12 строфа, 2 хаити 4 строфа, 3 хаити, строфы 2, 14, 20, хаити 4, строфа 17, хаити 6, строфа 3, хаити 7, строфы 2, 4, хаити 9 строфы 4, 5, 7, 10, 22, хаити 10, строфы 13, 15, хаити 16, строфа 4, хаити 23, строфа 2; слово *писар* много раз встречается в «Яштах»); *бародар* – *брат* – «*brātar*» («Ясна» хаити 45, строфа 11; «Хурдод-яшт», строфа 9, «Михр-яшт», 29 карда, 116 строфа, «Бахром-яшт», 16 карда, 46 строфа, «Ром-яшт», 7 карда, строфа 28, карда 9, строфа 35, «Арт-яшт» 2 карда, строфа 16, «Зомиёд-яшт», карда 11, строфа 77; «Вендидад», фрагард 2, строфа 44, фрагард 12, строфа 5 и другие места в Авесте);

духтар – дочь – «*duxtār*» («Ясна», хаити 45, строфа 4, хаити 53, строфа 3; «Вендидад», фрагард 12, фрагард 15, строфа 9 и другие места в Авесте) [3, 400].

В Авесте встречаются также термины: *мард*– мужчина – *mareta*, *masha*; *зан*–женщина, *жена* – *jani-*, *genā*, *jaini*; *наздиктарин* (*хешованд*) – близкий (родственник) – *nana*: *zdishta*, *набера* – внук – «*napāt*», а также слова для обозначения бобо – дед, *бибй* – бабушка, хол (таго, дядя по матери), аму (амак, дядя по отцу), хола (тётя по матери), амма (тётя по отцу), духтари амак, духтари хола (дочь дяди по отцу, дочь тёти по матери – кузены) и других родственников. Все они перечислены в 12 фрагарде «Вендидада», где речь идёт о сроках оплакивания родственников - отца, матери, сына, дочери, по отцу, по матери, тёти по отцу, по матери, их сыновей, дочерей (кузен, кузина), их внуков, внуков кузена, кузины, отца жены (тесть) и матери жены (тёща), сестры, брата мужа, жены и т.д.) после их смерти по канонам зороастрийской религии.

Пример употребления слов *надар*, *писар*, *бародар* (в падежах) в «Авесте»:

*Zarathushtra aētəm mantrəm / mā frada xshayō anyāt /pithro vāpithrāi
brāthre vāhathō.zātāi / atravanāi vā thrāyaōne / haosrao.thaono.huzathəo / shō
hudathəō.ashava.aurvō / vīspa.karəshō.zāthayeiti /*

Персидский перевод от Пури Довуда: «Эй Заратуштра, ты набояд ин мантраро [сухани мукаддас] биёмӯзонӣ чуз ба падар ё писар ё ба бародари танӣ ё ба атурвони [нигахдорандаи оташ дар шабонарӯз] мутааллиқ ба дараҷаи сегона, касе, ки ба некӣ машхур ва пайрави оини неку бехдину порсост. Касе, ки далерона дар ҳама чо оин мегустуронад» [123, 230-233].

Русский перевод: «О Заратуштра, ты не должен обучать мантре (святому слову) никого, кроме отца, или брата, или кровного брата или атурбана (хранителя огня в ночное время), которые относятся к тройной степени, и которые знамениты своей добротой и являются последователями обычаев добра, благочестия. Того, кто везде храбро распространяет наши обычаи».

В книге Д.Саймиддинова «Древнеперсидский язык» (на таджикском языке) излагаются взгляды автора на фонетический, лексический и морфологический строй древнеперсидского языка. Следует отметить, что в данной книге приводятся взгляды ученых на брак, семью, роли женщины и мужчины в семье.

Брак в среднеперсидском обозначается термином *раутан* «паймоннома», который имеет значение «паймудан, андоза кардан», а словосочетания *ба занӣ назируфтан*, *ба никох даромадан* также употребляются для обозначения этих понятий: *rad zanih madan - rad zanih andar sudan* «ба никох даромадан», *rad zanih radigrifan* «ба зану назируфтан», *tan rad zanih dadan* «тани худ бахшидан», *rad soy be dadan* «ба шавхар додан», *soy kardan* «шуй кардан, шуй гирифтан», *zan kardan* «зан кардан, зан гирифтан».

Слово *zanih* обозначает «никох». В книге «Мадиган» упоминается два вида брака: законный брак *radixsay zanih* и брак со слугами - *никох бо чокарон*

- *cakarih*. Женщину, состоящую в этих двух браках, называли *zan i padixsayiha* и *zan i cakariha*.

Детей, родившихся в таких браках, называли следующими терминами: *frazand ipadixsayiha - pusi padixsayiha, frazand i cakariha (=cakardad) - pus i cakariha(=cakardad)*.

Другой вид брака в Авесте выражается следующими терминами: *xwedodah* «*никох бо наздикон*», ав. *Vaetvadava*.

Слово развод - «*талок*» обозначается следующими терминами: *hilisn* (*histan* «*рахо ёфтан, гузоштан, тарк кардан*»). На основе этого глагола образовался термин *hist-namag- шаходатномаи талок*, который означает сертификат или свидетельство о разводе [123, 242-243].

Родственные имена относятся к индоевропейскому языку. В связи с этим при сопоставлении языков употребляется эта группа слов. В персидском языке употребляются следующие слова: «*пайванд*», «*нажод*», «*хешованд*», «*насл*»; *radwand* «*пайванд, нажод*», *tohmag* «*тухма, нажод*», *xwes, xwesawand* «*хеш, хешованд*», *awad, awadag* «*насл*». Для обозначения родственных отношений употребляется общий термин *hangosidag*.

Следует отметить, что родственные имена делятся на две части: а) имена, обозначающие кровное родство; б) имена, обозначающие некровное родство. Термины кровного родства обозначается словом *zahagig*, которое имеет значение «*нутфа*», «*плод, зародыш, эмбрион или «лянин*». К терминам родства относятся: *pid(ar)* «*падар*», *mad(ar)* «*модар*», *frazand* «*фарзанд*», *bradar* «*бародар*», *xwah(ar)* «*хохар*», *pus(ar) = pusag* «*пусар*», *duxt(ar) = duxtag* «*духтар*», *nab* «*набера*», *niyag* «*ниё*», *niyagi* «*модаркалон*».

В языке пехлави близкие родственники обозначались словом *nabanaazdist* и имеет значение «*близкий*», и синонимом к этому слову является *nazdik radwandtar* - «*наздиктарин пайванд, пайванди наздиктар*». В качестве префикса для обозначения родственных отношений употребляется *ham-*: *ham-pid ham-mad-* «*аз як падару модар*». Этот термин в среднеперсидском языке обозначается как *hamata hamarita*.

Законных детей называли, используя слова *dadestan* «қонунӣ» ва *padixsaylha* «һаққонӣ, қомилһуқуқ» в начале слова. Если слово писар будет *pus*, то добавляя слово *dadestan*, получалось *dadestan pus* - *писари шарӣ*, *писариконунӣ*. Следовательно, *dadestan duxt* - *духтари шарӣ*, *dadestan brad* - *бародари шарӣ*, *dadestan xwah* - *хоҳари шарӣ*; *pus i padixsayiha* - *писари хунӣ*; *duxt i padixsayiha* - *духтари хунӣ*; *frazand i padixsayiha* - *фарзанди хунӣ*.

Неродственные термины в среднеперсидском языке обозначаются словами, образованными двумя способами: 1. На основании брачного договора - *soy* «шуй, шавхар», *zan* «зан, завча», *damad* «домод», ав. *Zamatar*; 2. На основании установлении отцовства или усыновления. Они образуются следующими способами: а) при помощи суффиксов; б) при помощи глагола *padigriftan* «пазируфтан», *dadan* «додан»: 1. *duxtanganiha* «духтархондагӣ», *pusanganiha* «писархондагӣ»; 2. *pad duxtanganiha padigriftan* «ба духтарӣ пазируфтан», *pad pusanganiha padigriftan* «ба писарӣ пазируфтан», *pad duxtanganiha dadan* «ба духтарӣ додан», *pad pusanganiha dadan* «ба писарӣ додан»; 3. *pus i padigriftag* «писархонд», *frazandi padigriftag* «фарзандхонд», *pid i padigriftag* «падархонд».

Также употребляется «зан» ва «шавхар» - *menag* «марди чавон, шавхар» ва *parig* «зан, хонум, завча» которые вошли в состав лексики при переводе текстов «Авесты» [122, 84-87].

Терминология, как широкий пласт лексического состава языка, неразрывно связана с единицами общенационального языка, и, в соответствии с этим, исследование термина и терминологии надлежит реализоваться в рамках совместного абстрактного и прикладного языкознания.

Термин состоит из единицы лексической системы языка, владеющей особенными чертами, которые и дают возможность различать термин от нетермина и, в целях анализа внутренних качеств термина, исследовать его в рамках, возможно имеющих место, состоящих из общих единиц, терминологических систем, обслуживающих отдельные разделы знания.

Исследование термина родства ведётся уровнем структуры и семантики. На данной базе можно обозначить глубинное и поверхностное единство избранной категории.

Адаптационные модели, по которым образовывались отглагольные дериваты с латинскими корневыми морфемами, строились с нарушением отмеченных выше признаков, Оно было максимальным в тех случаях, когда мотивирующие глаголы восходили к инфекту латинских глаголов, а соотносительные с ними имена строились на базе супина.

Так, для семантического статуса слова *отец* релевантным является его отношение к словам *мать, дочь, сын* и т.д., а не связи этого слова с его стилистическими синонимами *ома, падар – farther - nana*, контекстуальным синонимом *глава семьи* и идеографическими синонимами *сарнасл - родоначальник, основоположник - grandfather, founder*.

Термин родства относится ко всем уровням языковой иерархии. Терминология - это дисциплина, связанная с пониманием и управлением терминологиями. На протяжении многих лет терминология разработала теории и методы, которые отличаются от наиболее связанных с ней дисциплин, лексикологии.

Терминология касается понятий и их обозначений, а лексикология - слов и их значений. Терминология создает концептуально-ориентированные ресурсы, обычно в форме базы данных, в то время как лексикология создает словари. Эти две диаметрально противоположные точки зрения требуют одинаково различных методологий.

Слово «терминология» по своей сути неоднозначно, оно может относиться к дисциплине (связанной с лексикологией и лингвистикой), набору теорий и методологий (например, общей теории терминологии).

Европейские языки, в том числе и английский, ассимилировали латинские модели. Как полагает Г. Марчанд, его источником могли послужить производные имена неличного значения типа *wolfing* «волчонок», *duckling*

(*deore* «дорогой»; «любимец»). Эмотивное значение *-ling* основ: *eorthling* (*eorth* «земля») «крестьянин», *deorling* языке с помощью *-ling* образовывались имена лица от имен признаком небольшого размера или молодого возраста, червяк для наживки; молодой лосось», объединяемые корослые ползучие растения», *brandling* небольшой «утенок», *groundling* «маленькие донные рыбы; пескарь.

Эти признаки переосмыслились как отрицательные и стали основными для производных слов, появлявшихся в языке после XVII в. Отглагольные производные на *-ling* очень немногочисленны. Единичными словами представлена также модель с эмотивным суффиксом *-ard* французского происхождения (*stinkard*, *blinkard*).

«Термин», как правило, понимается как «лексическая единица», относящаяся к «языку для специальных целей». Термины являются языком, используемым в конкретных предметных областях.

Таким образом, термины и терминология обычно считаются предметно-полевыми лексическими единицами, например, в различных областях науки, техники, гуманитарных наук, торговли и так далее.

Изучение таджикского языка и его диалектов началось еще в прошлом столетии, и уже тогда исследователями были отмечены различия в языке равнинных и горных таджиков.

Как показывало этнографическое изучение таджиков, существенные отличия между жителями равнин и гор наблюдались не только в языке, но и в быту, в материальной и духовной культуре.

К терминам родства таджикского языка относится «*модар*», и является наиболее популярным в обращении сыновей и дочерей к матери в семье. Еще одной ценностью в данном обращении является то, что «*модар*» или «*мать*» относится к пожилым женщинам.

Существуют также формы обращения в диалектах различных регионов Таджикистана и т. д.

На юго-восточных диалектах Таджикистана мать называют «умма». В Дарвазе и Ванче говорят «ума, оча» [107, 106]. В английском языке обращение к матери выражается в виде «*mother, mum, mummy*».

Слово «*падар*»- *отец* в таджикском языке помимо обозначения «*падар*» имеет несколько других значений. При обращении к отцу дети говорят «*боба*», «*бво*», «*во*» - «*дорогой папа*», а к брату - *бийор//бъйор//бийар*—*brother*—*брат* и т.д. [109, 106]. Обращение к отцу, когда говорят «*падар*»— редкость. Это обращение встречается в книжной речи, в художественной литературе, в театральных постановках (спектаклях).

В устной литературной речи говорящие используют слово «*падар*», но в диалектах таджикского языка жители разных регионов Таджикистана обращаются к отцу по-разному. Общим словом является «*ота*» (есть также форма «*ата*»). В Дарвазском и Ванчском районах говорят «*боба*» или «*бво*».

В первую группу активной терминологии X века входят слова, обозначающие родство. В литературном языке всех веков, в памятниках литературы, в произведениях поэтов и писателей, в исторических книгах и других источниках встречаются древние термины родства, которые сохранились до наших дней. Такие слова включают в себя: *падар* - *father* - *отец*, *модар* - *mother* - *мать*, *писар* - *son* - *сын*, *духтар*—*daughter* - *дочь*, *бародар* - *brother* - *брат*, *додар* - *brother* - *младший брат*, *набера* - *grandson* - *внук*, *падарандар*—*stepfather* - *отчим*, *модарандар* - *stepmother* - *мачеха* и т.д.

Некоторые слова в современном таджикском языке встречаются нечасто. Например, в литературном языке первой половины X в. в значении *писар* - *son*-*сын* слово *пур* было использовано, а в смысле *духтар*- *daughter*-*дочь* было использовано слово *духт* (от слова *духтар*).

Слово *ам* (в настоящее время используется в виде *амак*) имело значение *uncle* - *дядя* как *отец*. В современном таджикском языке эта форма не используется. Слово *хола* используется, что означает *aunt*—*тетя* (*сестра матери*).

Слово *набера–grandson* - *внук* в первом веке было использовано в виде *навда – навада*, и оно встречается только в говорах современного таджикского языка [133, 17].

Термины родства являются наиболее древним пластом лексики языка. Они возникли в глубокой древности наряду с тем как человек заговорил, начал произносить некоторые слова при обращении к другому человеку – соплеменнику. Термины родства составляют лексический фонд любого языка, они являются основным богатством языка, не заимствованы из других языков. Термины родства таджикского языка и их употребление имеют древнее происхождение. Вначале термины родства встречаются в праязыке, т.е. в языке, существовавшем во времена арийской общности, когда племена, называющие себя ариями, жили - в XVIII - XV веках до н.э.

Было бы неправильно говорить, что значения корней оставались неизменными на протяжении тысячелетий. Значения корней действительно меняются. Все корни слов означают родство и соответствие их ряду языков по фонетической близости к корням. Но часто бывает, что слово бесконечно ближе, фонетически дальше.

При сопоставительном изыскании группы близкородственных языков, с одной стороны, прежде всего, встаёт проблема хранения или возникновения изначально совместных компонентов словарных статей в разнородных языках.

Процесс замены слова должен, по-видимому, протекать своеобразно в родственных языках, развивавшихся в особых исторических условиях, а также в зависимости от характера предметно-понятийной отнесенности слова.

Следовательно, термин рассматривается как один из видов лексических единиц языка. Терминология -это не язык в языке, а особый, очень сильный лексико-синтаксический слой языка.

Также следует отметить выводы, сделанные С.М. Бурдиновым, о независимости термина от контекста. Он заявляет, что в научном языке слова-термины вне контекста обладают однозначностью, в отличие от обычных слов, которые реализуют одно из присущих им значений в контексте.

Терминология родства в юго-восточных говорах таджикского языка по сравнению с другими терминами родства, принятыми в таджикском литературном языке, лексически характеризуется существенными отличиями. Семантически при определенном единстве содержания эта лексика также имеет некоторые особенности, связанные с пережитками родового строя таджиков.

В юго-восточные говоры вошли в качестве неотъемлемой части их лексики слова, связанные с поднятием политического, экономического и культурного уровня населения. Специфические отличия лексики юго-восточных говоров литературного языка проявляются в названиях родства, а также в нетерминологической лексике.

Лексические изоглоссы в пределах группы близких говоров, как правило, либо обрываются на определенной территории их бытования, либо выходят за ее пределы, вторгаясь в другую группу. В связи с этим четкое определение изоглоссы того или иного лексического диалектизма при нынешнем состоянии изученности вопроса представляется затруднительным.

Терминология родства и свойства в юго-восточных говорах таджикского языка по сравнению с терминами родства, принятыми в таджикском литературном языке, лексически характеризуется существенными отличиями. Семантически при определенном единстве содержания эта лексика также имеет некоторые особенности, связанные с пережитками родового строя таджиков. Терминология родства в юго-восточных говорах по типу своему едина с другими таджикскими говорами и литературным языком. В ней четко выделяются линии разграничения старших братьев и сестер от младших. Разграничиваются также обозначения дядей и теток - братьев и сестер отца и матери, для которых существуют, как и в литературном языке, соответствующие термины: *биёр*–*brother* - *родной брат*; *хувар* –*sister* – *сестра*; *хувар*–*cousin* – *двоюродная сестра, дочь сестры матери или отца*; *хуварак*–*sister, cousin* - *сестрёнка, сестрина, сестричка* – *двоюродная сестра*,

ҳамак –uncle – прямой наследник по деду; ама/ҳама, хола –aunt – тетка по дяде [22, 57-64].

Термины родства в юго-восточных говорах таджикского языка по признаку обозначения родственных связей подразделяются на две основные группы: термины кровного родства и термины свойства, или родства по браку.

К терминам кровного родства относятся слова со значениями: «отец» - *боба, аво*; «мать» - *оча, ави, ма*; «дед» - *боби-бови, бово*; «бабка» - *мума, бъби-бъви*; «младшая сестра» - *хувар-хувар*, «старшая сестра» - *ана*; «брат» - *бъйор, бийор* «старший брат» - *ака*, «младший брат» - *додар*: *ака* («старший брат»), *ана* («старшая сестра»), *хола* («тётя по линии матери»), *амаки* («дядя по линии отца»), *тагой* («дядя по линии матери») и др. [22, 57-64].

В современном английском языке слова *grandfather, granddad, grandpapa* употребляются в значении «дедушка», «дедушка». В то же время в языке «дед по отцу» и «дед по матери» неразделимы и выражаются одной лексемой - *бобо*.

Среди них широко используется лексема *дед*, что соответствует нормам литературного языка. Так же, как и в английском, в юго-восточном диалекте таджикского языка значения «дед по отцовской линии» и «дед по материнской линии» официально не различаются, они выражаются одной и той же лексемой.

Как было сказано выше, в значении "*бобо*" - *бобо ката* выражается большими лексемами *бобо* - дед по отцовской линии "большой дед". Когда лексема *ата* становится относительным термином, в ее семантической структуре появляется семантический признак «взрослый», который становится актуальным при употреблении слова «*бобӣ*». Значение слова «дедушка» в английском языке выражается лексемами «*grandfather, grandpapa, granddad*».

В разговорной литературной речи говорящие употребляют слово «падар», но в диалектах таджикского языка жители различных регионов Таджикистана обращаются к своему отцу по-разному. Общеупотребительным

словом является «ота» (имеется и форма «ата»). В Дарвазском районе говорят боба/бво/во - «дед» по линии отца, «дед по линии матери».

К терминам свойства, т. е. родства по браку, относятся слова:

зан-жсена: шу-муж: домод/дъмод—*Son-in-law* - Зять – муж дочери, сестры, золовки.

шу—*Husband* - муж – женатый мужчина по отношению к жене.

келин—*Daughter-in-law, sister-in-law* - Невестка – жена сына, жена брата.

қъда—*Parent-in-law* - сват, сватья – родители молодых и их родственники по отношению друг к другу.

хусур/хъсър—*Father-in-law* свекор – отец мужа.

хушдоман/хъшдуман—свекровь – мать мужа.

хусурбача/хъсърбача—*Brother-in-law* - свойственник – лицо, состоящее в родственных отношениях по мужу, жене.

боца—*Brothers-in-law* - свояки – лица, женатые на двух сестрах.

боца—*Brothers-in-law* - свояки двоюродные – лица, женатые на двоюродных сестрах.

Келин – *Daughter-in-law* - сноха, сыноха – жена сына.

ҳеварзан/ зани ҳевар—*Sister-in-law* - сношенница – жена деверя, жены двух братьев по отношению друг к другу, невестки.

шу/ шӯ—*Husband* - супруг – муж.

зан—*Wife* - супруга – жена.

хусур/хъсър—*Father-in-law* - тещь – отец жены.

хушдоман/хъшдуман—*Mother-in-law* - тёща – мать жены.

ҳевар—*Brother-in-law* - шурин – родной брат жены.

янга—*Sister-in-law* – жена двоюродного брата.

янга—*Sister-in-law* – жена брата и др. [106].

Термины родства по браку, отличаясь от терминов кровного родства, все же составляют с последними единую систему, обозначая членов семей, которые в дальнейшем, как правило, путем браков по прямой линии

фактически становятся кровными родственниками. В современном английском языке значения слов «бабушка по линии отца» и *бабушка по линии матери* выражаются одной и той же лексемой *grandmother*.

Широко распространенные в этом языке слова *connation, relative* имеют значение *родственник*.

В английском языке употребляются некоторые слова, например, *old woman, crone* со значением «старуха», в большинстве случаев оно совпадает со значением «бабушка». В этом отношении семантическая структура перечисленных слов намного сложнее семантической структуры термина *grandmother* «бабушка по линии матери». Сложность семантических структур слов *old woman, crone* объясняется тем, что в них нейтрализованы признаки по линии отца и матери. Поэтому при употреблении этих слов не имеет значения, к кому относится «бабушка». Эти лексемы ближе к словам, а не к терминам.

В значениях «бабушка по линии отца» и «бабушка по линии матери» употребляются словосочетания, где в качестве одного из компонентов выступают слова-термины *ума – Mother – мать – лицо женского пола по отношению к своим детям*.

Бибӣ/биви–Grandmother – модари падарам «мать моего отца – бабушка по линии отца»; мать (моего) отца – бабушка по линии отца»; «мать моей матери – бабушка по линии матери». В таких случаях наблюдаются гиперо-гипонимические отношения между лексемами (терминами) и словосочетаниями (терминами).

В английском языке обращение к женщине старшей по возрасту выражается в форме «*mom*», «*mother*».

Семантическая характеристика английского названия родства «*mother*» показывает, что тема кровного родства господствует тогда, когда *очаишир/очаиширхора–Foster-mother – мать молочная – мамка, кормилица, употребляется в значении «родная мать»*. В остальных его употреблениях тема «кровного родства» снимается, нейтрализуется, что характерно и для таджикского названия *Очаи угай/моиндар–Step-mother – мачеха – другая жена отца*,

неродная мать, со значением «мачеха», «жена старшего брата или дяди», «жена близких соседей».

Как известно, одной из особенностей терминов родства при гетеронимических отношениях является их способность образовывать словосочетание, например, *ана "старшая сестра", "младшая сестра" sisters-сёстры: elder sister- little sister «старшая и младшая сестра»: бийёр "старший брат", бийёрак "младший брат", «brothers» «братья»: elder brother - little brother «старший и младший брат», son-daughter, дитя, дети - мальчик-девочка* и т.п.

В английском литературном языке значение «мать» передаётся словом «*mother*», а в его диалектах - посредством «*татту, татта, та*» [134, 97].

Лексическая форма «*мама//оча*» носит общенациональный, интернациональный характер и имеет непосредственную генетическую связь с понятием «кормилица». Вследствие этого лексема имеет непосредственное отношение к детскому языку, например: *ма-ма, ба-ба, па-па* и т.д. Для обоих этих названий - «*оча*» в таджикском и «*mother*» в английском языках характерна многозначность.

Термины, обозначающие неродных членов семей, в юго-восточных говорах, в отличие от северных и литературного языка, представлены исконно иранскими словами:

Очаи угай/моиндар–Step-mother - мачеха – другая жена отца, *неродная мать*;

отаи угай–Godfather - отец крестный – восприемник у купели;

отаи угай–Stepfather - отец названный – отец приемному, воспитаннику;

отаи угай–Planted-father - отец прибеседный, отец посаженный, отец ряженный – лицо, выступающее вместо родного отца на свадьбе;

отаи угай–Step-father - отчим – другой муж матери, *неродной отец*;

духтари угай–Step-daughter - падчерица – дочь от другого брака по отношению к *неродному родителю*;

бачаи угай–Stepson - пасынок – сын, *неродной одному из супругов*;

акаи угай, хоҳари угай–*Stepbrother and stepsister* - сводные братья и сестры – дети лиц, живущих в повторных браках от предшествующих браков.

Употребительные в юго-восточных говорах слова для обозначения неродных родственников широко были распространены в языке названия старших братьев и сестер от младших.

С точки зрения территориального распространения термины родства юго-восточных говоров подразделяются на три группы: повсеместно распространенные; термины, известные в одном или нескольких определенных южных диалектах; термины, известные в одном или нескольких определенных южных диалектах; термины узколокального характера, отмеченные лишь в некоторых селениях.

Терминами, распространенными в южных говорах повсеместно, могут быть как общетаджикские слова, так и диалектные, свойственные всем южным говорам: *зан-жена, хевар-деверь, хъсър-тесть; свекор; хышдоман-свекровь; теща, моиндар/моиндар-мачеха, амак-дядя (брат отца), таго-дядя (брат матери) и др.* Состав терминов родства в юго-восточных говорах имеет тенденцию к расширению за счет появления синонимичных рядов.

Таким образом, в этих говорах обрастают синонимами термины *зан-жена, духтар - дочь, бобо - дед и др.* Так, наряду со словом *зан* в повседневной диалектной речи употребительны и слова арабского происхождения *айол, аврат*, которые в южных таджикских говорах приобрели значения «женщина», «жена», не свойственные им в арабском языке. Основой для развития у арабизма *аврат* названных значений в таджикском языке послужила, по-видимому, семантика самого арабского слова - «слабость», «незащищенное место», «недостаток» [Баранов 1957, 703]. Представление со «слабым полом» извечно вызывало ассоциации с чем-либо слабым, незащищенным.

Известно, что в таджикском языке классического периода одним из значений слова *аврат* было «женщина; жена» [155, 634].

В юго-восточных говорах слова *аврат//ажрат* распространены повсеместно в значениях «женщина», «замужняя женщина», «вдова».

В значении «жена» - это слово, по сравнению с более официальным зан, звучит несколько фамильярно. Примеры употребления *аврат//аиграт*: *аврат ни мегуйан-у зан ни* (кр. Кахдара) - говорят и «аврат», и «зан»: *сад офарин ба аврат ки*; *аврат вахти кампанийа шав-ъ-руз йакзайл медърава* (з-к. Дехбуль) – «браво женщине, потому как женщина в период кампании (по сбору урожая) жнет без устали и день и ночь». Засвидетельствованный в южных говорах вариант с суффиксом -ина (авратина), образовался, надо полагать, по аналогии со словом мардина – «мужчина; муж, супруг».

В юго-восточных говорах для обозначения жены, супруги используется ряд слов, например, общеразговорные *ойла/ойла/ойила*- реже *хамсар*: *бай хъди ойилаи мън тенг ай* (в-кр. Кушагба) - она ростом с мою жену: *кдйсьнгъл акъ ойлайи ма-ра апаш йо хоар-ъи* (г-к. Сари Мазор) – «так вот, свояченица (кайсьнгъл) - это старшая или младшая сестра жены» [11, 9].

Пожилые мужчины, обращаясь к жене, обычно называют ее *камтир* - *старуха*, что характерно и для общеразговорного таджикского языка.

В юго-восточных говорах имеется ряд слов со значением «женщина; жена», ассоциативно связанных с положением женщины в условиях старого быта: *пойшикаста* (букв. со сломанной ногой), *паршикаста* (букв. с перебитым крылом) и слово арабского происхождения *заиф* (букв. слабый, немощный) *гоие заифо дарзабанди мекънан* (кр. Яхч) - иногда женщины вяжут снопы. Слова *пошикаста*, *паршикаста* в указанном значении весьма употребительны в литературных памятниках прошлого, в настоящее же время в южных говорах, как и в современном общеразговорном языке, они постепенно выходят из употребления.

Как и в общеразговорном таджикском языке, в юго-восточных говорах встречаются слова *хонагӣ* /*хонангӣ*-домашняя, находящаяся дома, или *бачо*, *гулако* – *детики* - так иносказательно мужчины называют своих жен, упоминая о них в разговоре с кем-либо.

Интерес представляют диалектные слова, которыми называют родственников и друзей жениха и невесты, сопровождающих их во время свадебных обрядов, при бракосочетании (*туйи никоҳӣ*), во время приезда жениха за невесткой, чтоб увезти её из родительского дома в дом жениха).

В соответствии с толкованием представителей старшего поколения слово *мурова/мърова* - это стяжённая форма от «*муродовар*» - «приводящий к исполнению желания, приносящий исполнение желаний». Родственницу, сопровождающую жениха в дом невесты для совершения обряда бракосочетания, называют *шахмъро- ва/шамърров* «*младший брат*» (кр.).

В английском языке в значении употребляется *younger brother*, который в некоторых случаях выступает для обозначения и «племянника». Поскольку *younger brother* является согипонимическим эквивалентом другого английского термина «*первый*» «племянник», «*younger brother*» со значением «племянник» и «*первый*» отличаются друг от друга в стилистическом отношении, т.е. «*younger brother*» имеет значение «племянник по брату», «*первый*» - «племянник по сестре».

Между членами синонимического ряда *ако-додар; ако-уко «братья»* и *elder and younger brothers «братья»* существуют некоторые различия. Это объясняется тем, что в семантическом строении *брат-бъйор, бийор «старший брат» -ака, «младший брат» -додар: «дядя (брат матери)» -тағой* и др. имеют место признаки естественного рода - «мужской пол» и «женский пол», что не характерно для семантического строения *elder and younger (younger and elder brothers)*. Это значит, что термин *брат-бъйор, бийор «старший брат» -ака, «младший брат» -додар* имеет право на употребление в значении «*брат-сестра*», что невозможно для термина «*elder and younger brothers*».

Помимо этого, следует отметить, что второй компонент (*уко*) парного слова *ака-додар; ака -додар* в качестве гетеронима входит в состав другого парного слова *ана -додар «старшая сестра и младший брат»*. Такой возможности не имеется у второго компонента парного слова *elder brother - younger brother*.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Основное образование слова представляет собой слово, которое образовано в соответствии с определенной моделью, которые являются элементами основы и аффиксов. В специальных работах по словообразованию, а также в учебных пособиях модели и аффиксы описаны достаточно полно. Что же касается основ, то им, как правило, отводится второстепенное место, что оставляет в тени важный участок действия словообразовательной системы в целом. Если принять за основу исходную единицу, то сама система может быть представлена в виде парадигм объектов, построенных на основе слов разных речевых слов.

Описание словообразовательной системы в виде деривационных парадигм, формируемых основами тех частей речи, которые являются источником расширения словарного состава языка за счет аффиксального словопроизводства, перспективно по многим соображениям. Распределение аффиксальных морфем по парадигмам с субстативным, адъективным и глагольным ядром позволяет установить структурно четкую схему всей словообразовательной системы языка, во многом напоминающую схему словоизменительных парадигм.

В образовании производных каждого ряда может участвовать различный набор аффиксов.

Следовательно, к исследуемой нами терминологии родства большинство терминов, которые являются производными, образованы аффиксальным способом, который имеет три вида: суффиксация, префиксация и префиксально - суффиксальный способ, например: *бачавара, бачадор, беньсъл, бийорзода, бийоршир, бародаршир, бийорък*.

Одним из наиболее продуктивных путей словообразования в современном таджикском и английском языках является аффиксация.

Очень часто слова образуются с помощью присоединения префиксов и суффиксов (вместе их называют аффиксами).

Самые продуктивные аффиксы в таджикском языке: суффиксы **-гӣ, -вара, -он, вор** ; префиксы **ҳам-**, в английском языке – **or, – ance, -ity, -ous** и др.

Словообразующие суффиксы в говорах составляют две основные группы: а) суффиксы общетаджикские, представляющие собой основную часть именных словообразующих суффиксов; б) суффиксы диалектного характера, по количеству значительно уступающие общетаджикским.

В словообразовании имен существительных самыми продуктивными являются суффиксальный и префиксальный способы. Но в терминах родства в таджикском языке префиксального способа образования слов не наблюдалось.

Теория словообразования таджикского и английского языков в языкознании находится в состоянии поступательного развития и совершенствования. Актуальными проблемами в настоящее время являются семантика и функция словообразовательных средств и роль словообразовательных структур (моделей) в языке и речи. Функционирование моделей и их заполнение происходит в соответствии с системными правилами и создает так называемое «давление системы», которое сказывается на дальнейшем развитии словарного состава. Однако в системе словообразования в ряде случаев появляются новые моменты, которые со временем могут перейти в норму. Иллюстрацией этого положения могут служить появляющиеся в языке «новые слова» - системные неологизмы, получающие более или менее широкое распространение, или возникновение системных окказионализмов и окказионализмов, образованных с нарушением тех или иных системных правил.

В английском языке модель сложного слова часто оказывается аналогом модели словосочетания: *Planted-father* - *отаи угай* – *отец прибеседный, отец посаженный, отец*; *Foster-mother* - *очашир/очаи ширхора* – *мать молочная – мамка, кормилица и т.д.*

Основа и слово в английском языке совпали, поэтому производящей может быть либо свободная основа, либо такая связанная основа, которая репрезентирована в языке словом, но в словообразовательном акте подверглась фонологическому или акцентологическому варьированию, усечению или наращению.

По этому типу образованы следующие слова в таджикском языке: *бачайи батуй; бачаи сарнъхсин; бачайи ака; бачайи додар; бачайи йана; бачайи моҳиндар; бачайи тага и т.д.*

Анализ материалов показал, что в образовании терминов родства юго-восточных говоров таджикского языка словосочетание считается продуктивным, например: *бачайи батуй, бачаи сарнъхсин, бачайи ака и т.д.*

Среди терминов родства преобладают словосочетания, из которых представляют собой простые субстантивные словосочетания в английском языке около 29%, в юго-восточных говорах таджикского языка - около 22%.

Исследование термина родства ведётся уровнем структуры и семантики. На данной базе можно обозначить глубинное и поверхностное единство избранной категории.

Термины родства составляют лексический фонд любого языка, они являются основным богатством языка, не заимствованы из других языков. Термины родства таджикского языка и их употребление имеют древнее происхождение.

Термины родства в юго-восточных говорах таджикского языка по признаку обозначения родственных связей подразделяются на две основные группы: термины кровного родства и термины свойства, или родства по браку.

Семантическая характеристика английского названия родства *«mother»* показывает, что тема кровного родства господствует тогда, когда *очаишир/очаиширхора–Foster-mother* - *мать молочная – мамка, кормилица, употребляется в значении «родная мать»*. В остальных его употреблениях сема «кровного родства» снимается, нейтрализуется, что характерно и для таджикского названия *Очаи угай/моиндар–Step-mother* - *мачеха – другая жена отца,*

неродная мать, со значением «мачеха», «жена старшего брата или дяди», «жена близких соседей».

Состав терминов родства в юго-восточных говорах имеет тенденцию к расширению за счет появления синонимичных рядов. Интерес представляют диалектные слова, которыми называют родственников и друзей.

В юго-восточные говоры вошли в качестве неотъемлемой части их лексики слова, связанные с поднятием политического, экономического и культурного уровня населения. Специфические отличия лексики юго-восточных говоров литературного языка проявляются в названиях родства, а также в нетерминологической лексике.

Лексические изоглоссы в пределах группы близких говоров, как правило, либо обрываются на определенной территории их бытования, либо выходят за ее пределы, вторгаясь в другую группу. В связи с этим четкое определение изоглоссы того или иного лексического диалектизма при нынешнем состоянии изученности вопроса представляется затруднительным.

Терминология родства и свойства в юго-восточных говорах таджикского языка по сравнению с терминами родства, принятыми в таджикском литературном языке, лексически характеризуется существенными отличиями. Семантически при определенном единстве содержания эта лексика также имеет некоторые особенности, связанные с пережитками родового строя таджиков.

ГЛАВА III. КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В ЮГО-ВОСТОЧНЫХ ГОВОРАХ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКОМ

Для употребления терминов родства во всех языках используются слова «близкий родственник» и «дальний родственник». Первый термин означает родство, а второй термин, наоборот, относится к дальнему родственнику, который связан разными нитями родства. Подобные термины используются во всех языках индоевропейской семьи, в которую входят юго-восточные диалекты таджикского языка. Это явление описано А.В. Десницкая в своей книге «Проблемы изучения индоевропейских языковых связей» [36,178], в которой специфические термины, относящиеся к понятиям отношения в этих языках, разделены на две большие группы:

1. Термины, обозначающие кровное родство.
2. Термины, обозначающие некровных родственников.

В данной диссертации термины родства юго-восточных говоров рассматриваются по следующей классификации:

1. Термины, обозначающие кровное родство: *ума/оча – mother - мать, боба ((ота) (отец), хоҳар (сестра), апа (старшая сестра), додар (младший брат), бви (биби, мома) (бабушка), навзод (первенец).*

Для родственников их дети - племянницы или племянники. В юго-восточных диалектах есть родственные термины, которые можно разделить на следующие группы:

1. Термины, связанные с родством матери: *янга - sister-in-law - золовка (сестра мужа или жены), тағой, - uncle - дядя (со стороны матери), тағойбача, - сын тётки, сын брата отца, двоюродный брат), хорзо, духтари тағой - daughter of aunt - дочь тети (first) cousin- двоюродная сестра, дочка брата отца;*

2. Термины, связанные с родством отца: *амма - aunt - тётка, по отцу, амак, ҳамак - uncle - дядя, по отцу, бачаи амма - двоюродный брат, духтари*

амак - дочка брата отца (*first*) *cousin*- двоюродный брат, сын брата отца, (*first*) *cousin*- двоюродная сестра, дочь сестры отца;

3. Термины, выражающие детей сестры и брата: *чиян* - племянник, племянница, племянник или племянница со стороны брата;

4. Термины, употребляемые для выражения названий внуков: *набера*, *набера*, *набера*, *абера*, *чабера*, *внук*, *правнук*, *правнучка*, *праправнук*, *праправнучка*; *grandson*, *great-grandson*, *great-granddaughter*, *great-great-grandson*, *great-great-granddaughter*.

2. Термины, относящиеся к некровному родству. Такие термины различаются по структуре и грамматической форме, в связи с чем мы разделили термины, относящиеся к некровным отношениям, на следующие группы:

1. Простые или однокоренные (однокорневые) термины: *brother-in-law*-свояк, *додарарус* (брат мужа или жены), (жёны многожёнца, по отношению друг другу) /*марозин* (обращение жён братьев к друг другу), (жених), (жена брата, дяди), (зять, муж сестры, тети), *шу* (муж), *зан* (супруга).

2. Сложные термины: (тесть, свёкор), (брат жениха, зятя), (сестра жены, мужа), (тёща, свекровь), (моиндар - мачеха).

3. Термины-словосочетания: (мачеха), *бачи хевар*, (сын или дочь брата мужа), (сын или дочка свояченицы).

Приведенные примеры позволяют сделать вывод, что большинство терминов родства имеют универсальный и общий характер и употребляются в других диалектах таджикского языка.

Например, *брат-бародар*, *младший брат-биёр*, *отец-боба*, *мать-оча*, *дядя-амак*, *дядя-тагой* (брат матери), *племянник или племянница-хоҳарзо* (со стороны сестры), *племянник или племянница-чиян* (со стороны брата) и т.д.

Следует отметить, что круг употребления части терминов родства юго-восточного говора намного шире. Например, диалектизмы *бода*, *ҳевар*, *хуштуман*, *са(р)лидав* более активны в южных говорах [124, 116, 779, 799, 612].

Как на английском языке, а в южных говорах таджикского языка к элементарному языку таджикского языка, которые не могут получить доступ к независимым словам. Есть такие термины в системе родства всех наций. Только относительно небольшая система родства включает только [40, 33].

В юго-восточных говорах таджикского языка, явные и описательные условия также привели к основным и описательным терминам таджикского языка.

К элементарным терминам в языке относятся: *отабова*, *бобика-лун//бовикалун*, *аҳлу авлод*, *авлодъ* – *primogenitor* - родоначальник, *падар*, *аво //во*, *ата*, *бово // бова*, *боба*, *буво // бѣбо // бѣво*, *-father* –отец, *ума/оча-mother-мать*, *хъсър-father-in-law-тесть*, *хъшдоман//хъштоман //хъшдуман //хъштуман -mother-in-law - тѣща*; *хъсър -father-in-law-свѣкор*; *хъшдуман -mother-in-law - свекровь*; *шӯ/шу-husband-* муж, *зан* – *wife* - жена, *пийяндар* – *stepfather-* отчим, *мойиндар* – *stepmother* - мачеха, *бобаи киёматӣ* – *godfather-* крѣстный, *очаи киёматӣ* - *godmother-* крѣстная [69, 43-49].

Следует отметить, что не все первоначальные условия свойств в настоящее время используются. Многие из них, даже если они не понятны, не достаточно употребительны. Более часты термины: *ҳевар*, *евар* – *husband's brother*, *brother-in-law* -брат жены, *келун//келън* -*daughter-in-law* - невестка и т.п. [69].

Есть компонентные термины, которые доступны для определения удаленных уровней степени родства. Они определяются с тех же основных терминов (оригинальных) лексического блока, которые обычно не входят в число родственников.

Как в английском, так и в юго-восточных говорах таджикского языка к числу составных терминов относятся как слова, так и словосочетания: *Бобаи ката* - *greatgrandfather-* прадед, *очаи ката* - *greatgrandmother* - прабабушка, *нъваса* - *greatgrandson-*правнук; *нъваса* - *greatgranddaughter-*правнучка, *тағоши калонӣ* - *greatuncle-*двоюродный дядя, *двоюродный брат*; *хоҳарзода /хуварзода* - *cousin* - двоюродная сестра; *хола*, *амма/ҳамма* - *aunt* - двоюродная

тётя, ҷиян - perhew - двоюродный племянник, ҷиян - piесе - двоюродная племянница и т.п. [69, 43-49].

Определения *двоюродный, троюродный (внучатный), четвероюродный* и т.д. дают также четкое представление о степенях родства в английском языке.

Описательные термины представляют собой комбинацию двух или более элементарных терминов родства, связанных атрибутивными отношениями: *ҳеварзан/зани ҳевар—Sister-in-law - сношенница – жена деверя, жены двух братьев по отношению друг к другу, невестки; қъда—Parent-in-law - сват, сватья – родители молодых, и их родственники по отношению друг к другу* и т.д.

Исследование показало, что определение в таких словосочетаниях всегда выражено именем существительным.

В то же время отмечаются явления большего использования терминов. Большая процентная ставка описательного использования предписанных терминов касается людей моложе 50 лет (особенно у женщин старшего возраста).

Таким образом, исследование показывает, что в речи молодежи существует процесс уменьшения общего начального фонда и их замена конкретными именами.

С точки зрения родственников группы термины родственников также разделены на три категории: индивидуальные, групповые и классификационные.

Индивидуальные термины включают слова, в которых каждый из них служит строго определенным целям. Последнее число ограничено во всех системах, в которых индивидуальные термины всегда ограничены. В английском языке их шесть – *father - отец, mother - мать, father-in-law - тесть, mother-in-law - тёща, husband - муж, wife - жена.*

В юго-восточных говорах таджикского языка к индивидуальным терминам относятся: *боба/во - father - отец, ума/оча - mother - мать; хъсър*

(*надарарӯс*) - *father-in-law*- *тесть*; *хъшдуман* (*модарарӯс*) - *mother-in-law* - *свекровь, тёща*; *хъсър* (*надаршӯӣ*) - *father-in-law*- *свёкор*; *пийяндар* - *stepfather*- *отчим*; *мойиндар* - *stepmother*-*мачеха*; *бобаи киёматӣ* - *godfather*- *крёстный*, *очаи киёматӣ* - *godmother*- *крёстная* [69].

Следует отметить, что отдельные термины обычно являются стандартными, но это все основные условия.

Как на английском, так и в юго-восточных говорах таджикского языка, отдельные термины строго определены.

Групповыми терминами в английском языке являются: *son* - *сын* - у говорящего может быть несколько сыновей, каждый из которых находится в тех же родственных отношениях к своему отцу, что и все его братья, *daughter* - *дочь*, *grandfather* - *дед*, *grandmother* - *бабушка*, *grandson* - *внук*, *granddaughter* - *внучка*, *brother* - *брат*, *sister* - *сестра*, *uncle* - *дядя*, *aunt* - *тётя*, *nephew* - *племянник*, *niесе* - *племянница* и многие другие.

Каждая группа концепций служит не только для назначения нескольким людям, но и на различных отношениях с другими родственниками.

Классификационные термины являются большинством основных терминов родства, в таджикском и английском языках. Классификационные термины могут применяться ко всем трем категориям, то есть они могут быть первичными, составными или описательными. Среди различных категорий этих двух аспектов условий родственников не совместимы. Имена отношений, разрешенных среди людей, выражены независимыми словами и фразами. Они занимают среднюю область между словом и термином в их научном понимании.

Таким образом, можно сделать вывод, что термины родства со своими конкретными качествами в некоторой степени отличаются от юго-восточных говоров таджикского языка. Эта разница в том, что в первую очередь, присутствует большое количество архаичных свойств, и ряд родственных терминов, связанных с относительной историей, имеют древнюю историю, и унаследован веками.

Классификацию лексического состава терминологии родства южных говоров таджикского языка в сопоставлении с английским языком можно осуществить следующим образом:

1. Термины родства;
2. Термины неродства;
3. Термины отношений.

Однако мы должны рассматривать терминологию родства юго-восточных говоров таджикского языка как объект лингвистического анализа, поэтому ее следует классифицировать в соответствии с теми задачами, которые будут исследованы в дальнейших работах.

В работе терминология родства юго-восточных говоров таджикского языка классифицируется с точки зрения структурного анализа состава слов.

Термины, относящиеся к родственным отношениям.

Выделяют три группы терминов:

- а) родство (кровные связи);
- б) имущественные (отношения, возникающие из брака);
- в) нет тесной духовной связи.

Рассмотрение терминологии родства показывает, что термин родства состоит из ключевых слов и определения степени родства как в терминологии родства юго-восточных говоров таджикского языка, так и в английском:

бъбӣ – grandmother - бабушка – мать отца или матери, жена деда;

бародар – brother - брат – каждый из сыновей одних родителей;

бъродар – cousin - двоюродный брат;

ҷиян I – niece – дочь брата или сестры, племянница по брату или сестры;

ҷиян II – niece - родственница вообще, двоюродная или дальняя;

ҷиян III – nephew – сын брата или сестры, племянник по брату или сестры;

нъваса I – grandson - внук – сын дочери, сына; а также сын племянника или племянницы;

нъваса II – granddaughter - внучка – дочь сына, дочери; а также дочь племянника или племянницы;

тағой–uncle - дядька, брат матери или отца;
 бобӣ–Grandfather - дед – отец матери или отца; ама/ҳама, хола–aunt – тетка
 – сестра матери или отца; ҳамак–uncle – прямой наследник по деду;
 дъхтар–daughter - дочь – лицо женского пола по отношению к своим
 родителям;
 ҳамак–uncle - дядя – брат отца или матери;
 ума (ача)–mother - мать – лицо женского пола по отношению к своим детям;
 боба–father - отец – лицо мужского пола по отношению к своим детям. бобаи
 ката–father - отценачалник – старший в поколении. (это может быть
 старший дядя - брат отца амак);
 очаи ката – mother – старшая мать – старшая в поколении из женщин (это
 может быть жена старшего дяди - брата отца);
 бача–son - сын, наследник. қиян–nephew - племянник – сын брата или сестры.
 қиян–niece - племянница – дочь брата или сестры. додар/хоҳар–cousin–
 двоюродный брат/сестра;
 бобӣё–grandparents - прародители – первая по родословной известная чета,
 от которой берёт начало род.
 бобикалон - greatgrandparent – родитель прапрадеда, прапрабабки. бобикалон–
 Greatgrandparent - родоначальник – первый известный представитель рода,
 от которого ведётся родословие. биёр–brother - родной брат.
 хувар - sister – сестра бьби – grandmother - бабушка – мать отца или матери,
 жена деда.

Существует несколько случаев с точки зрения таджикского родства, которая является концепцией "боба - отец", но они не являются близкими по значению и имеют разные методы.

Среди терминов, представляющих "боба-отец", есть индоевропейское слово *pater-*, которое возникает на многих языках. Термин не означает концепцию физического папы, у него есть социальное значение /глава семьи, *dominus, pater-* представитель старшего поколения" /ср. *Patīia potestas* "относящийся к предкам"/ *patex-* был классификационным термином, затем в

иранских языках, начиная с Авесты, значение слова *raiéu* - "кровный, родной отец".

Термины родства юго-восточного глобального языка и термины родства английского языка разделены на две группы: термины вертикальных родственников и горизонтальных родственников.

К терминам вертикальной линии родства относятся *оча/ума* "мать", *ота/боба* "отец", *дъхта/дъхтарак* "дочь, девочка", *бобо/бобӣ* "дед" по линии отца, "дед по линии матери", *бъбӣ/вӣ* "бабушка по линии отца" и "бабушка по линии матери". К терминам вертикальной линии родства в английском языке относятся: *mother* "мать", *father* "отец", *son* "сын", *daughter* "дочь", *girl* "девочка", *grandfather* "дед по линии отца", "дед по линии матери", *grandmother* "бабушка по линии отца", "бабушка по линии матери".

К терминам горизонтальной линии родства в терминологии родства юго-восточных говоров таджикского языка относятся:

бийёр - "брат", *бийёрак* - "младший брат";

ана - "старшая сестра", "младшая сестра";

амакӣ/ҳамак - "дядя по линии отца";

тазой - "дядя по линии матери";

амма/ҳамма - "тетя по линии отца";

хола - "тетя по линии матери";

ҷиян - "племянник//племянница" по линии отца, *ҷиян* - "племянник//племянница" по линии матери.

Система терминов родства горизонтальной линии в английском языке состоит из лексем:

elder brother - "старший брат";

little brother - "младший брат";

elder sister - "старшая сестра";

little sister - "младшая сестра";

uncle - "дядя по линии отца";

uncle - "дядя по линии матери";

aunt - "тетя по линии отца";

aunt // "тетя по линии матери";

niece/nephew "племянник//племянница" по линии отца;

niece/nephew "племянник//племянница по линии матери".

Таким образом, имена отношений, взятых между людьми, выражаются людьми независимыми словами и фразами. Они занимают среднюю область между словом и термином в их научном понимании. Термин понимания науки - это слово, что о профессиональных потребностях человечества есть научная концепция потребностей человечества.

В современном английском языке значение «младшая сестра» выражается посредством слова *an affectionate sister* (в ласкательной форме «сестричка»), *kid sister*, в разговорной речи используется выражение *my kid sister*-моя младшая сестра.

Употребление *an affectionate sister*, *my little sister*//*younger sister*, *my kid sister* носит стилистический характер. Использование *my affectionate sister*, *my kid sister* определяется отношением к старшим сестрам. *My little sister*/*younger sister* по отношению к старшим сестрам; старшие сестры своих младших сестер называют *my little sister* или *my younger sister*.

В юго-восточных говорах таджикского языка в значении "младшая сестра" употребляются слова *хуварак*, в некоторых его диалектах являясь многозначной лексемой, она обозначает родственные отношения между теми, у кого одни и те же предки; родственники по линии отца; родственники по линии матери; близкий родственник; дальний родственник; крещенный родственник"; дети одних и тех же родителей; братья-сестры по отношению друг к другу" [106, 14].

Как показывают наши наблюдения, термины родства со значением «младшая сестра» английского и юго-восточных говоров таджикского языка в функционально-семантическом отношении не совпадают друг с другом.

Для определения степеней родства как в терминологии родства юго-восточных говоров таджикского языка, так и в английском употребляются следующие термины:

бобаи ката – *Grandfather* -старший дядя – брат деда или бабушки;

очаи ката – *Grandmother* - старшая тётка – сестра деда или бабушки;

нъваса – *Granddaughter* - внучатный, внучатый – о родстве, происходящем из третьего колена или еще далее;

хоҳарзода/хуварзода – *Cousin* - двоюродный – о родстве, происходящем из второго колена;

хеи – *Cognation* - кровный – о родстве в пределах одной семьи;

тагой, ҳамак – *Uncle* - Малый дядя – брат отца или матери;

хола, амма/ҳамма – *Aunt* - сестра отца или матери;

фарзанди падарӣ – *Consanguine* - единокровный (единокровный) – о происхождении от одного отца;

фарзанди модарӣ – *One-uterine* - одноутробный (единоутробный) – о происхождении от одной матери;

ҳамхун – *Full-blooded* - полнокровный – о происхождении от одних родителей;

калон/калун – *Great* - Пра – приставка, означающая родство в дальнем восходящем или нисходящем порядке;

The Privileged - Привенчаный – о происхождении от одних родителей, но до брака рождённый, а затем признанный;

Ҳамхун-Natal - Родной – о происхождении от одних родителей;

Писархонд – *Step* - Сводный – о происхождении от разных родителей;

хуварзо/ховарзо – *Second cousin* - троюродный – см. внучатый.

В юго-восточных диалектах таджикского и английского языков некоторые слова употребляются в речи как относительный термин, являющийся корнем (буквально: «пол», «происхождение»), в английском (буквально: «пол», "происхождение"), корень. (дословно: "корень").

Эти лексемы применяются к людям, чье родство с говорящим находится в состоянии забвения.

В случае адресов, где в слово-адресной функции используются определенные относительные термины, наблюдается различие в специфических чертах юго-восточных диалектов таджикского и английского языков.

В юго-восточных диалектах таджикского языка *ака* ("старший брат"), *ана* ("старшая сестра"), *амма* ("тётя по линии отца"), *хола* ("тётя по линии матери"), *амакӣ* ("дядя по линии отца"), *тағой* ("дядя по линии матери"), в английском языке используются слова *Mr. Mrs. Miss, Madam* все обращаются к знакомым и незнакомым. Эти слова употребляются по отношению к взрослым из говорящего-обращения.

Использование других терминов родства, таких как *boba* — отец, отец, *mother/mind* — мать, мать, по-английски — *far, mother* и так далее одинаково в обоих языках.

Термины «двоюродный брат» и «двоюродная сестра» определяются как «тетя по материнской линии». В английском языке выражается лексемой *cousin*, в юго-восточных диалектах таджикского языка - *бачаи тағой, бачаи амакӣ*. Значение «двоюродный брат» - дядина дочь, дядин сын и в английском языке выражается лексемой *cousin (from mother's side)*, в юго-восточных диалектах таджикского языка лексемой *холабачча, амакбачча*.

Термин родство относится к близкому родству людей, независимо от их пола. Например, семантические отношения термина в юго-восточных диалектах таджикского языка "ҷиян"- "племянник", "племянница» и английского *niece, nephew*, в юго-восточных диалектах таджикского языка *амма - тетя по отцу", aunt, paternal aunt* среди людей разного возраста представляют собой кровных родственников.

Значение «тетя» как инвариантной семантической единицы состоит из «тети» и «тети по материнской линии». «тетя со стороны отца» в юго-восточных диалектах таджикского языка через лексему *амма*, в английском —

тетя, «тетя со стороны матери» в юго-восточных диалектах таджикского языка через лексему *хола*, в английском - *aunt, maternal aunt* по материнской линии.

В таджикском литературном языке термин *амак* используется для обозначения «дядя по отцовской линии». В диалектах это значение выражается лексемой *амак/амаки*.

В современном английском языке лексемы *uncle* (сводный брат), (сводный брат) и *uncle* (мать матери), (мать матери), которые также являются формой обращения к пожилым людям, означают *Mister*, в детской речи выражается словами *man u fellow*. Отсюда можно сделать вывод, что лексема *uncle* в английском языке означает: брат отца и матери; муж тети.

В юго-восточных диалектах таджикского языка среди лексических единиц, означающих «дядя по отцовской линии», лексема «дядя» является общеупотребительной и литературной формой.

В семантическом контексте термина «дядя» признаки «возраст», «старшинство» и «возраст» нейтрализуются. Значения «дядя больше отца» и «дядя меньше отца» выражаются описательно, т. е. в выражениях, в которых есть лексемы большой — большой, малый — маленький; старший дядя - (дядя) старше отца младший дядя - "(дядя) моложе отца (меня)".

Родство - это биологическая связь между гражданами, основанная на происхождении их один от другого или от общих предков. Различают следующие линии родства:

1) **прямая** (когда родственники произошли один от другого, например, мать и дочь) и **боковая** (происхождение от общих предков, например, дяди, тети и племянники и др.);

2) **восходящая** (отсчет ведется от потомков к предкам) и **нисходящая** (от предков к потомкам);

3) **полнородное и неполнородное**. **Полнородное** - единые отец и мать. **Неполнородное** в свою очередь подразделяется на: а) **единоутробное** - одна мать; б) **единокровное** - один отец.

Братья и сестры, не имеющие общих родителей, признаются сводными братьями и сестрами. В свою очередь братья и сестры, у которых один из родителей не общий, признаются неполнородными братьями и сестрами. Если у братьев или сестер общая мать, но разные отцы, то они называются единоутробными братьями и (или) сестрами. Если общий отец, но разные матери - то единокровные.

Не является родством отношение между одним из супругов и его родственников к родственникам другого супруга (тесть, теща, свекровь и т.д.). Такая связь лиц называется свойством.

Семейно-родовые отношения у таджиков изучались в основном применительно к концу XIX - началу XX столетия в свете борьбы новых, прогрессивных форм с «феодално-байскими пережитками», причем в качестве эталона принималась модель европейской городской семьи, в сопоставлении с которой, быть может не всегда осознанно, интерпретировался среднеазиатский материал.

У кочевых и полукочевых тюркоязычных народов род и семья являлись частью племенных и родоплеменных структур. У оседло-земледельческих тюркоязычных групп (в том числе и у тех, которые были известны под именем сартов) также еще силен груз родоплеменных отношений, и к тому же они, в силу естественных причин, испытывали более сильное влияние соседей - скотоводов.

Нижнюю ступеньку социальных структур у таджиков, как и у других народов занимала семья, которая является последней стадией большая патриархальная семья. Это означает, что несколько поколений (обычно три-четыре) родственников мужского пола живут со своими семьями в одном дворе, в одном общем доме или в нескольких соседних домах. Так что все зависит от семьи, которая сообща владела землей, рабочим скотом, орудиями труда, вела совместное хозяйство, совместно питалась. Такие семьи соответствовали восходящей ко времени разложения первобытнообщинного строя несколько поколений общих отцов, которые вместе живут в одном доме

со своими супругами, вместе работают, едят одну и ту же пищу и вместе имеют добавочный доход.

М.С.Андреев и А.А.Половцев сообщали в начале XX в., что в Шугнани, Горани, Ишкашине, Вахане и Зебаке члены одной семьи стараются жить вместе, не разделяясь. Часто встречаются семьи в 30 - 40 человек, например, в селении Вранг, которое ранее обследовалось А.А.Бобринским, отмечена семья некоего Мирабона, насчитывающая 116 человек. По свидетельству путешественника Вуда, в Вахане и Бадахшане нередко в одном доме проживают до шести семей. По материалам Л.Ф.Моногаровой, собранных ею в конце 1940-х годов, в Горно-Бадахшанской автономной области (в дальнейшем - ГБАО) большая патриархальная семья, частью в форме неразделенной семьи (Язгулем, Шугнан, Вахан), состояла из двух или более брачных пар, обычно в двух-трех поколениях. Исследуя большую патриархальную семью в Язгулеме, этот же автор пишет, что такая семья, называемая *куд* (дом), насчитывала до 50 членов. З.Юсуфбекова отмечала, что в Шугнани «большая семья обозначалась термином *буна*, позднее и сейчас обозначается аналогичным таджикским термином *хочаги* (хозяйство). В среднем семья насчитывала 30-40, а в отдельных случаях и до 60 человек, живущих в одном доме. Такой дом назывался *чид*. В состав семьи входили глава семьи и его жена, их потомки до трех и более поколений, нередко и другие родственники главы семьи по боковой линии - престарелые сестры, братья и племянники.

В Бухаре, в Оше, Коканде находятся выходцы из Шугнана и Вахана, принадлежащий к исмаилитскому разделу. Главу называют Ага-Ханом (Ого-хон в горной местности). Этот титул передается по наследству. Род Ага-Хан проводится от Али и Фатимы, через Шо Исмаила и сына его Мухаммеда. Ага-хан есть воплощение Али; в нем его душа. Ага-хан живет в Бомбее. Имя настоящего Ага-хана султан Мухаммед Шо (родился в Карачи, 2 ноября 1877 г., получил прекрасное вполне европейское образование); отца его - Али Шо, дед Шо Саид Хасан. Переселились они из Хоросана, из кишлака Махалота.

Роль пира или старцев в жизни сектантов велика. Базм — совершенный хозяин души и подчиненного ей тела; в своей духовной, семейной и гражданской жизни он является полновластным лидером секты. Все страны, где живут исмаилиты, поделены между определенным числом старейшин. Каждый последователь религии обязан подчиняться какой из них. Все праздники равны; каждый из которых имеет прямое отношение к Ага-хану. Через год-два он получает подарки, в основном деньги. Для этого снаряжается один из жителей, иногда один из помощников (калиф) пира. Место проведения праздника передается по наследству. Старик не обязательно наследует старшего сына, но самое ценное. Недостаточно быть наследником пира, требуется согласие последователей умершего и одобрение его правления Ага-ханом, чтобы занять его место. Когда у старика нет прямых наследников, жители имеют право выбрать одного из его родственников и испросить у Ага-хана его согласия. Ага-хан может утвердить неназванного старейшину, но уважаемого муллу, по желанию жителей или по своему усмотрению. Ага Хан имеет право уволить любого и в любое время. Ага Хан решает все вопросы отдельно. Во время своего путешествия к Ага-хану они обращаются не к нему лично, а к его штабу, и через них получают приказы от главы секты. Посетителям Ага Хана разрешается только выступать и поклоняться. Иногда, после сообщения о случае, Ага Хан выражает желание увидеть выступающих. При этом у гостя будет возможность лично пообщаться с главой секты.

Существуют помощники халифа. Они служат посредниками между халифом и его учениками. Их основная задача — собрать милостыню к праздникам, а также частично отпраздновать некоторые богослужения. Халифов назначает Старейшина, который предпочитает выбирать их из числа саидов. Калиф зависит только от праздника. Он не имеет права судить или делить по наследству, все зависит от праздничных обязательств.

Пирры имеют полную власть над своими предметами; судить по их закону. Сегодня люди по-прежнему ходят на вечеринки за всем: за советом, за признанием и осуждением. В Шугнани всегда был судья (судья); пойти к ним

ради, или же недовольные судом пира. Разбросанность подчиненных мюридов у одного и того же пира объясняется частными переселениями горцев. Причин, послуживших поводом к подобным передвижениям в горах, было немало: обиды и притеснения, которые горцы постоянно терпели от своих правителей, постоянные распри между соседними ханами, жестокие расправы с побежденным краем, недостаток земли, теснота в родном кишлаке и просто семейные обстоятельства.

Г.А.Арандаренко применительно к горным областям Таджикистана, Дарвазу и Каратегину, сообщал: «Величина семей колеблется в зависимости от бытовых порядков, раздробляющих домохозяйства выделами или же удерживающих семейный союз нескольких поколений». О Каратегине писал А.Е.Снесарев: «Хозяйств в 3-4 души там почти не имеется, а в то же время попадают семьи в 15-20 и даже более человек; таджики избегают деления семей, женатые сыновья остаются жить под кровлей отца, как во избежание дробления земель, так по принятым взглядам на семью».

Эту же структуру – большую патриархальную семью - наблюдал в Ягнобе А. Н. Кандауров, указавший на ее идентичность семьям других регионов Таджикистана.

Детально семейные отношения у таджиков исследовал Н. А. Кисляков, обобщив практически весь известный в тот период фактический материал. Подводя итог своим изысканиям, он писал: «Можно полагать, что большая патриархальная семья в торных районах Таджикистана во второй половине XIX и в начале XX в. являлась преобладающей формой семьи; эту же форму можно было встретить в эпоху, предшествовавшую русскому завоеванию Средней Азии, и в северных равнинных районах таджикской оседлости...»

«Характерным для больших патриархальных семей у горных таджиков являлось то обстоятельство, что они основывались на принципах взаимоотношений. Такие семьи обычно состояли из одного или нескольких пожилых людей — настоящих братьев или сестер — с их женами, сыновей, усыновленных другими дочерьми семьи, а также незамужних девушек,

которых в то время обычно выдавали замуж за другие семьи, детей. из этих сыновей, т. е. внуков старшего поколения - сыновей непрерывно, добрачных дочерей, - а также часть детей старшего поколения, т.е. внуки», в качестве примера приводится семья Мирзо Шарифа из кишлака Номиткон в Ягнобе, которая включала главу семьи, его жену, трех сыновей и двух дочерей; кроме того, в доме проживали двое агнатных двоюродных братьев и две агнатных двоюродных сестры хозяина. Основным и важнейшим исследователем считается тот факт, что «большие семьи у таджиков были связаны главным образом агнатным родством».

Такие семьи, как показали полевые исследования последних лет, широко представлены в Таджикистане и до сих пор составляют основу таджикского общества, вопреки распространенному мнению, что они почти полностью исчезли, а выжившие сохранились. Даже в Северном Таджикистане, одном из наиболее урбанизированных районов, где малые семьи давно вытеснены большими, широко распространены традиционные формы семьи. Такие семьи наблюдались даже в областном центре Худжанде. Например, семья Файзулло Махмудова в Худжанде до 1988 года состояла примерно из 20 человек: главы семьи, его жены и четырех сыновей и жены. Все жили во дворе, где у каждой небольшой семьи была отдельная комната в виде комнаты с кухонькой прихожей. В то же время один из сыновей вождя женился, переехал в дом жены в городе Кайраккумы, дочь главы семьи вышла замуж и уехала в дом мужа в этом же городе. В северном Таджикистане каноном называют большие патриархальные семьи, живущие в одном дворе. Например, пашско-таджикское село, не имевшее должного квартального деления, делилось на участки, населенные племенными группами: кал-туп и джалангир-туп. В селе Метк жили туп ваххабитов, туп хафизов, туп Муллонегмати, туп Ниязи и туп Муллотолиби (Нори), занимавшая некоторые местности.

Специалистам знаком такой институт таджикского общества, как *авлод*. Под *авлодом* (от арабского «сын») таджики понимают племя как совокупность родственников живого и уже умершего мужчины (и их жен), восходящих к

общему предку. Среди различных групп ираноязычного населения Таджикистана под другими названиями были известны и следующие подобные структуры: язгулемцы - каум, шугноны - гру, у вахонов - *тухм*, у матчинцев - айш, у других горных таджиков - каум/каун, тойфа и кында, среди таджикских степей - каум. Мы здесь будем использовать термин *авлод*, как например более распространенный.

Разными исследователями давались различные толкования этого феномена. Некоторые определяли его как род, другие - как семейно-родственную группу или патронимию, третьи - как патриархальные семейные общины. Такой разнобой в характеристиках происходил, видимо, еще и потому, что приходилось выискивать конкретный материал в прокрустово ложе некоторых принятых концепций.

Если 20 -30 лет назад господствовало мнение, что «местами среди таджиков сохранялись и следы когда-то господствовавших родовых отношений, то теперь признается, что «недостаточно указать на пережитки прошлого и традиций, ведь они не только сохраняются, но и возникают вновь.

Следует отметить, что мнение о разложении института *авлода* и существовании его в пережиточной форме связано с анализом сообщений средневековых источников или материалов археологических раскопок о существовании уже в раннем или в развитом средневековье малых семей. Однако это вовсе не является свидетельством замены больших патриархальных семей малыми. Все дело в том, что жизнь *авлода* со всеми подсистемами, как и жизнь любого социального организма, имеет не линейный, а циклический характер. Проходя через определенные циклы развития, *авлод* непрерывно воспроизводится, причем стремится воспроизвестись без изменения прежних структур и систем. Иное дело, что реально существует и другая линия развития - трансформационная, но она имеет исключительно адаптивный характер. Взаимодействие этих двух линий, их постоянное взаимовлияние и составляют сущность развития этих социальных структур.

Верхний предел жизненного цикла авлода был задан представлениями о его существовании в течение 7 поколений (иногда от 5 до 12), нижний определялся конкретной социально-экономической ситуацией. Это, конечно, не означало, что через семь поколений авлод автоматически разделится на ряд малых ячеек (*тун*), каждая из которых станет зародышем нового авлода. Дело обстоит значительно сложнее и связано, на наш взгляд, не только с численным ростом авлода, но и с изменением и ухудшением условий совместного хозяйствования (из-за тесноты, невозможности прирезки или освоения новых земель т.д.), а также с воздействием различных внешних факторов. Известно, что темпы прироста населения в средние века и вплоть до последней трети XIX в. были невелики - всего около 0,3% в год. Это позволяло поддерживать общую численность членов авлода, при благоприятных условиях, на приемлемом для нормального хозяйствования уровне. Однако крайне нестабильной была военно-политическая обстановка. И речь идет не только о таких крупнейших военно-политических событиях, как например, монгольское завоевание, в результате которого были истреблены многие сотни тысяч местных жителей, но и об обычных феодальных усобицах или способах мелкого государственного управления, зачастую не уступавших по своему негативному воздействию на население последствиями внешних нашествий. Сюда можно добавить периодические неурожай и падежи скота, болезни и эпидемии, и станет ясно, что целостность авлодов находилась под вопросом. Можно также напомнить о таком аспекте, как правило, которое не учитывается историками и этнографами. Это качество здоровья населения, вызванное хроническими недостатками в структуре здравоохранения. Между тем специалисты-медики отмечали, что подавляющее большинство горных таджиков жило в условиях тяжелой материальной нужды. В горных местностях, где ощущался крайний недостаток пахотной земли, дехкане наряду с обычными продуктами питания, пользовались различными суррогатами, наподобие плодов шелковицы и корней ферулы, характеризующимися низким содержанием азотистых веществ.

В результате скудного и однообразного, преимущественного углеводистого питания, население этих горных местностей отставало в физическом развитии, здесь наблюдалась высокая заболеваемость и смертность, особенно среди детей.

В возрастной структуре исключительно малый процент составляли жители старших возрастов. В 1917 г. доля лиц от 60 лет и старше была лишь 5% от общей численности населения. И лишь в последующие десятилетия она начала расти. В 1926г. доля лиц от 50 лет и старше равнялась всего 10%, в 1937 г. - 8,8. В 1952г. - 13,9%. В то же время такая структура, видимо, способствовала устойчивому и весьма высокому рейтингу пожилых лиц как носителей традиций и быта и косвенно служила стабилизирующим родовые отношения фактором.

Таким образом, авлод постоянно испытывал на себе прямо противоположные воздействия, что позволило ему за тысячелетия выработать гибкий и эффективный механизм адаптации.

3.1. Термины кровного родства

В английском языке есть термины родства (отношения) и свойства (брачные отношения). Для выражения родства по крови и браку используются такие термины, как *mother – mother-in-law, father – father-in-law, son – stepson* и т. д.

Линейность/коллатеральность (бифуркативность). Для английского языка характерна письменность (разница между прямыми и боковыми линиями отношений). Это означает, что в этих двух строках есть разные термины для определения родственников, а именно. бифуркация (дуализм) термина существует. Например, *daughter – granddaughter – great-granddaughter* и так далее. Однако мера богатства (разница в смене (семейной) по отцу и матери) была одним из исходных понятий родства и собственности, которое можно использовать на примере терминов родства для дяди и тети, и там. есть два разных термина для дядей и тетей, а дяди - это одни и те же термины для мужчин и женщин. Здесь в игру вступает бифуркация терминов родства.

В качестве имущественных терминов в относительных терминах юго-восточных диалектов таджикского языка, например, английского, используются следующие термины:

Янга – Sister-in-law – жена двоюродного брата ;

Янга – Sister-in-law – жена брата;

Widower - вдовец – мужчина, не вступивший в брак после смерти жены

хъсрбача–Brother-in-law - деверь – брат мужа;

зан–Wife - Жена – замужняя женщина по отношению к мужу;

қайсънғъл–Sister-in-law - золовица, золовка, золова – сестра мужа, иногда - жена брата, невестка;

домод/дъмод–Son-in-law - Зять – муж дочери, сестры, золовки;

шу–Husband - Муж – женатый мужчина по отношению к жене;

келин–Daughter-in-law, sister-in-law - невестка – женасына, женабрата;

қъда–*Parent-in-law* - сват, сватья – родители молодых и их родственники по отношению друг к другу;

хусур/хъсър–*Father-in-law* - свекор – отец мужа;

хушдоман/хъшдуман–свекровь – мать мужа;

хусурбача/хъсърбача–*Brother-in-law* - свойственник – лицо, состоящее в родственных отношениях по мужу, жене;

боца - *Brothers-in-law* - свояки – лица, женатые на двух сестрах;

боца - *Brothers-in-law* - свояки двоюродные – лица, женатые на двоюродных сестрах;

келин – *Daughter-in-law* - сноха, сыноха – жена сына;

ҳеварзан/ зани ҳевар–*Sister-in-law* - сношеница – жена деверя, жены двух братьев по отношению друг к другу, невестки;

шу/ шӯ – *Husband* - супруг – муж ;

зан – *Wife* - супруга – жена ;

хусур/хъсър – *Father-in-law* - тесть – отец жены;

хушдоман/хъшдуман – *Mother-in-law* - тёща – мать жены;

ҳевар – *Brother-in-law* - шуриин – родной брат жены.

В жизни людей настолько важны близкие отношения, что они находят свое отражение и в терминологии генеалогических поисков.

3.2. Термины неродственных отношений в таджикском и английском языках

В качестве терминов неродственных отношений в терминологии родства юго-восточных говоров таджикского языка, как и в английском языке, употребляются следующие термины:

акаи қиёматӣ – *Godbrother* - брат крёстный – сын крёстного отца;

акаи қиёматӣ – *Godbrother* - брат крестовый, брат по кресту, брат названный – лица, обменявшиеся нательными крестами;

бобии қиёматӣ – *Godgrandfather* - дед крёстный – отец крёстного отца;

духтари қиёматӣ – *Adoptee* - дочь названная – приемыш, воспитанница;

парастор – *Under-tutor* - дядька – приставленный для ухода и надзора за ребенком;

қиёматӣ – *Godparent* - кум, кума – см: отец крёстный, мать крёстная.

очаи қиёматӣ – *Godmother* - Мать крёстная, мать крестовая – восприемница при обряде крещения.

очаи қиёматӣ/очаи қиюматӣ – *Adoptedmother* - Мать названная – мать приемышу, воспитаннику;

Очашир/очаи ширхора – *Foster-mother* - Мать молочная – мамка, кормилица.

очашир – *Plantedmother* - Мать посаженная – женищина, заменяющая на свадьбе родную мать жениха;

Очаи угай/моиндар–*Step-mother* - Мачеха – другая жена отца, неродная мать;

Отаи угай – *Godfather* - Отец крестный – восприемник у купели;

Отаи угай – *Stepfather* - Отец названный – отец приемышу, воспитаннику;

Отаи угай – *Planted-father* - Отец прибеседный, отец посаженный, отец ряженный – лицо, выступающее вместо родного отца на свадьбе;

Отаи угай/надарандар – *Step-father* - Отчим – другой муж матери, неродной отец;

духтари угаї – Stepdaughter - Падчерица – дочь от другого брака по отношению к неродному родителю;

бачаи угаї – Stepson - Пасынок – сын, неродной одному из супругов;

акаи угаї, хоҳари угаї–Stepbrother and stepsister - Сводные братья и сестры – дети лиц, живущих в повторных браках от предшествовавших браков;

бачаи қиёматї – Godson - сын крёстный (крестник) – лицо мужского пола по отношению к приемнику;

бачаи қиёматї – Adoptedson - сын названный – приемши, воспитанник;

писархонд – Adoptee - усыновленный – мальчик по отношению к усыновителям;

духтархонд – Adoptee - удочерённая – девочка по отношению к усыновителям.

Некоторые термины и выражения, обозначающие родство, вошли в лексический состав, активно участвуя в создании новых слов, оборотов и выражений, и используют свой основной смысл для обозначения новых понятий.

3.3. Заимствованная (тюркская, арабская, персидская) лексика в терминологии родства

Как известно, словарный состав таджикского (персидского) языка является смешанным. В нем существуют и взаимодействуют в течение ряда эпох древнейшие слои лексики индоевропейского и иранского происхождения с заимствованной иноязычной лексикой. Изучению процессов заимствований таджикского (персидского) языка посвящены работы многих исследователей, в которых рассматриваются различные аспекты заимствований [101, 1].

История формирования и развития лексического состава каждого языка теснейшим образом связана с историей страны, с историческими судьбами народа - данного носителя языка, с достижениями его материальной и духовной культуры, с экономическими, социальными и политическими преобразованиями, имеющими место в данном ареале в тот или иной период его исторического развития.

В случае с многозначными словами следует отметить, что они обычно понимаются как обозначающие только что-то одно, а диапазон значений слова, как правило, сужается.

Следует отметить, что в терминологии родства юго-восточных говоров таджикского языка заимствовано большое количество слов из персидского языка. Например, с системой классификации для определения родственных отношений таким же образом, *"моя свекровь"* была одновременно *"коей тетей"* / *"сестрой моего отца"*, в юго-восточном говоре – *хола*.

В системе прямого происхождения одним из наиболее распространенных значений является «бобо», «бобо», происходящее из тюркских языков. Оно выражается через различные лексемы и их варианты.

Этимологически слова со значением «мать» означают, что индоевропейское слово «*матур*» (по сравнению с таджикским: мать) происходит от древнейшей формы нана «мать», производной от корня ма «кормить» [36, 99].

В иранском мире есть распространенные имена, происходящие от термина «мама», имеющего эмоциональный оттенок. В персидском языке есть производные от арабского термины, означающие «мать» и «отец»: *родитель, родитель, родитель*.

«Девушка» — индоевропейское слово. Значение слова «дети», «ребенок» (дитя), являющееся одним из наиболее широко употребляемых значений родства в языках мира, происходит из тюркских языков.

Наряду с исконно иранским термином в современном таджикском литературном языке и в его диалектах широко используется слово *-язна* [200, 7-8]. Термин имеет частичное классификационное значение и может относиться не только к мужу девушки, но и к мужу сестры. Это слово, хорошо известное во многих современных и древних тюркских языках, является узбекским заимствованием. В таджикских диалектах, по данным информантов, данное слово широко распространено, оно употребляется в кулябских, айнинских, вахшских, бухарских, рогских, зеравшанских, гармских, курган-тюбинских и других говорах. Для самаркандских говоров характерен композит *язнамулло*.

В английском языке в древнем термине в данном случае сохраняется древний индоевропейский термин *schnur*. В современном разговорном и литературном языке более употребителен термин *daughter-in-law*.

В таджикском языке широко используется термин «келин, янга», происходящий из тюркских языков. Обычно в этих словах присутствует элемент двусмысленности.

Во многих таджикских говорах: яванском, кулябском, дарвазском, ванчском, гиссарском, гармском, айнинском, вахшском засвидетельствован термин *янга* [200,34]. Термин *келин* засвидетельствован в очень многих таджикских говорах: курган-тюбинских, кулябских, в Ворухе и в Шахристане, в зеравшанских и припянджских говорах, в гиссарском, в гармском (*келин*).

Косвенным свидетельством ограниченности жизненного цикла конкретных авлодов и в то же время непрерывности их бытия как

общественного явления служит численность населения кишлаков среднеазиатских оазисов после присоединения края к России. В Северном Таджикистане (Ленинабадская область) еще в 1870 г. из 386 населенных пунктов 72 селения (15,2%) имели численность до 50 хозяйств, т. е. в них проживало всего 2-3 авлода. Через 60 лет, в 1932 г., в связи с ростом населения с 143,4 тыс. до 445,8 тыс. и увеличением числа поселений до 605, ситуация существенно изменилась. Селений численностью до 10 хозяйств стало 54 (8,9%), до 50 хозяйств - 224 (37,0%). Полевые материалы убедительно подтверждают, что новые селения первично заселялись отдельными, выделившимися из прежних авлодов небольшими семейно-родственными группами (тупами).

Второе недоразумение основано на игнорировании факта демографического прорыва рубежа XIX-XX вв. При ускорении естественного прироста населения Средней Азии после присоединения к России с 0,3 до 2,5% и выше, т.е. в 8 раз на протяжении 30-40 лет, произошло практически одновременное массовое «разбухание» всей совокупности авлодов, отсюда - невозможность жизнеобеспечения их семейно-родственных структур без их раздела, так как не только все наличные орошенные земли были давно поделены, но и отсутствовала возможность создания в кратчайшие сроки новых поливных земель. Результатом стало массовое разделение авлодов в конце первого десятилетия нынешнего века – событие поистине историческое.

Ситуация, которая стала предметом изучения и анализа для нескольких поколений этнографов, начиная с 1920-х годов, в сущности являлась аномальной. При средней продолжительности цикла жизнедеятельности авлода в 140-175 лет, в данном случае изучались структуры, которым было 15-20 лет, т.е. находившиеся в младенческом возрасте».

Рассмотрим отношения малая семья - большая патриархальная семья семейно-родственная группа (авлод) как единую социальную систему. Все исследователи единодушно соглашаются, что основные средства производства принадлежат не малой семье, а структурам более высокого

порядка. Это неразделенное хозяйство базировалось в первую очередь на нераздельном владении землей, являвшемся фундаментом такой семьи. На протяжении всего существования патриархальной семьи сохранялась земельная неделимость, не было семейного деления между малочисленными семьями. В общее пользование больших семей также входили домашние животные и основная утварь.

Во главе такой семьи стоял пожилой мужчина по имени калонтари хона (глава дома) или калони хона (большак), от него, как правило, наследовал старший сын, и лишь в особых случаях - каждый из другие братья по договоренности. Среди них наследник такого отца может назначить своего преемника. Старшего называли «муйсафед» *белой бородой* и представляли семью внешнему миру. Глава семьи являлся представителем семейной общины перед властями (сбор налогов и выполнение каких-либо обязанностей). В случае невыполнения обществом определенных обязанностей применялась высшая мера наказания, вплоть до телесных наказаний. В семейной общине он обладал полной безоговорочной властью, распоряжался финансами и имуществом, распределял все домашние дела между мужчинами семьи. В ходе такой работы вырабатывалась и строго соблюдалась специализация: один из братьев пахал, другой пас скот, третий торговал на рынке и т. д.

Этого порядка недостаточно для экономической и социальной самостоятельности малочисленных семей. Еще более полувека назад Н. А. Кисляков писал, что малая семья не является экономической организацией в роде, в патриархальной семье она становится экономической единицей.

Отметим, что вторая часть этого утверждения противоречит фактическому материалу самого исследователя, так как и в большой патриархальной семье малая семья самостоятельной экономической единицей не является. Более четко заявила об атом феномене Л. Ф. Моногарова: «Семья таджиков не автономна даже в повседневной жизни, она является ячейкой кровнородственного социального института - семейно-родственной группы

(патронимии: *авлода, кауфа*) Добавим, что самостоятельная функция малой семьи ограничивалась воспроизводством рода (не в этом ли сохраняющаяся до настоящего времени ориентация на многодетность, когда интересы рода подавляют интересы индивидуума и даже наносят ему физический и физиологический вред). Ее хозяйственные функции не имели обращенных на себя задач, а являлись частью общехозяйственных функций *авлода*. Этот важнейший вывод исследователей полностью сохраняет свое значение и в настоящее время.

Рассмотрим территориальные, пространственные условия существования несемейных общин. Выше уже упоминалось проживание в одном дворе, со всех сторон окруженном *дувалом*. Еще несколько десятилетий назад существовал такой тип жилища: большой дом массивной постройки, состоявший из одного строения с колоннами внутри. Все малые семьи размещались на возвышениях - вдоль стен, где за каждой из них было закреплено определенное место. В домах, построенных позднее, каждая семья имеет отдельную комнату. Однако в этом случае для трапезы собираются все вместе. При строительстве новых большие старые дома не разрушались, сохранившись кое-где и до наших дней. В качестве примера можно привести двор/хозяйство Бобо Бойматова (умершего в середине 1970-х годов) из селения Метк. Основой жилого комплекса этой семьи был старинный жилой дом, квадратный в плане, с двумя колоннами-*сутун* в центре, общей площадью около 40 кв. м, построенный во второй половине XVIII в. Большой двор/хозяйство со всеми жилыми и хозяйственными постройками, расположенными на одном земельном участке, обозначался термином *хавли* (участок).

Название *хавли* сохранялось за определенной территорией и при формальном выделении из *авлода* новых семейно-родственных групп (*тун*), так как последние по традиции всегда стремились поселиться по соседству со своими родственниками.

В этой связи можно отметить, что продолжающиеся до настоящего времени споры между этнографами о сущности таких понятий, как *авлод*, *кау́м*, *хавли*, *махалля/туп* и им подобные, в большинстве случаев бесперспективны, поскольку эти понятия не отграничиваются и не разделяются на содержательно-смысловые группы. Необходимо учитывать, что термины типа *туп*, *авлод каум* характеризуют сущность родственных структур, относящихся к управляюще-регулирующим системам, тогда как термины *хавли* и *махалля*, как и *кишлак*, имеют прежде всего территориальное содержание и относятся к организующим системам. Смысловое, содержательное совпадение этих аспектов в ряде случаев в едином понятии (например, *махалля*) не должно нас смущать, так как эти группы понятий соотносятся между собой, как форма и содержание.

В простейшем случае территория проживания одной семейно-родственной группы могла в административном плане соответствовать, как это было показано выше, понятию *кишлак* (*деха*, *дига*, *мен/майн*), т.е. отдельному селению. Если в селении проживало несколько семейно-родственных групп, то первоначально каждая из них занимала участок-*хавли*. По мере разрастания и разделения *авлода* эти участки образовывали кварталы - *махалля* или *гузары*.

Как отмечала Ф. Моногарова, «тип поселения, характерный для Язгулема, - это многоквартирный *кишлак*, *дига*», характеризующийся расселением родственными группами. План *кишлака* Андербаг отчетливо показывает деление его на ряд кварталов, каждый из которых, имеющих свое название, занят определенным *кау́мом*. Так, «Вобат» и «Кала» занимают члены *кау́ма* «Мирбони», квартал, Турат" населен членами *кау́ма*, Холумбеги", а, Ширингяб" занимают члены *кау́мов*, Турк", Шуляк"».

Любопытно, что параллельно с трансформацией понятий по линии *хавли* – *махалля* происходит и соответствующее изменение сущностных в отношении родственных групп понятий. Так, идентичные в целом понятия *авлод/кау́м* могли становиться и в иерархическую позицию, когда понятие *авлод*

продолжало относиться к одной семейно-родственной группе и в территориальном плане соответствовать *хавли*, а понятие *кау́м* - уже к группе родственников в прошлом авлодов и в территориальном плане соответствовать махалле. Такая ситуация достаточно широко зафиксирована в 1970-х годах в Северном Таджикистане. Например, если в селениях Кали Дуст и Новобод (Ганчинский район) в каждом гузаре проживали авлоды-кау́мы, то в селении Нижний Дальян того же района или в селении Палдорак (Верхний Зеравшан) в каждом территориальном образовании размещался кау́м, состоящий из нескольких авлодов. Любопытна и хронологическая трансформация этих структур. Если в 1970 г. в Матчи семейно-родственные группы обозначались термином *хейш*, а *авлод* понимался как равнозначный, но малоупотребительный термин, то в 1990 году, т.е. всего через 20 лет, массовым термином стал *авлод*, а *хейш* начал обозначать совокупность нескольких родственных авлодов.

В современной ситуации, при крайней тесноте в селениях, когда в большинстве кварталов проживают никогда не состоявшие в родстве семейно-родственные группы, понятие махалля уже часто не связывается с определенной системой родственных отношений и имеет чисто территориальный характер (соседская община).

Можно легко заметить определенную нечеткость в разграничении понятий «большая патриархальная семья», «семейно-родственная группа» и авлод. Если внимательно рассмотреть вопросы собственности этих структур, характер внутригрупповых правовых отношений и территориальной организации, эпонимический характер самоназваний, то окажется, что все семейно-родственные группы (за исключением вновь образованных) являются неотъемлемой частью авлода. Лишь внешне пахотная земля находилась во владении больших патриархальных семей, на самом же деле она была собственностью рода. Существовало специальное понятие для такой земли – мулки авлоди (мулки авлоди, земля), которая отличалась от родовой собственности (родовой собственности, земли) и тем более от патриархальной

собственности, додоги (отцовская собственность, земля). Если права последних двух групп земель осуществлялись на основе законов шариата, то права родовой собственности обычно регламентировались. Авлод-род также имел пастбища. Имелись кладбища (позже - кладбища), общественные здания (святыни, гостиницы) и культовые сооружения (мечети). Недавно Авлод тоже имел право на кровопролитную войну. Поколение носило имя своего предка. Большие патриархальные семьи (патриархальные семейные общины) отличались от авлодов только тем, что они представляли собой совокупность одновременно живущих кровных родственников. Таким образом, каждый авлод состоял как бы из двух частей: из живущих и из уже ушедших из жизни. Иногда пишут, что патриархальные семьи, или патриархальные домашние общины, образовались путем разделения единого агнатного рода на ряд кровнородственных общин. Подобные рассуждения предполагают наличие в прошлом такой ситуации, когда агнатный род одновременно мог существовать в полном составе (т.е. в составе семи и более поколений), что, естественно, было невозможно. Поэтому авлод – в определенном смысле идеальная, теоретическая конструкция.

Авлод всегда существовал в виде различных вариантов отдельных семейно-родственных групп или больших патриархальных семей (общин). Как целостный род структуры понимал еще в прошлом веке знаток жизни Бухары и Афганистана Дин-хан-и-Кушкеки, когда сообщал о таджиках Бадахшана, что они оживают и селятся целыми родами.

Нельзя обойти и такую важнейшую часть духовной сферы членов родовых групп, как вера в духов - арвохи боби. В литературе отмечалось, например, что во время праздников члены племенной группы собирались в доме престарелых, чтобы помолиться духам боби («духам предков»). Это глупое убеждение было очень конкретным. Духи были идентифицированы как совокупность предков определенного пола. Таджики верили, что духи их предков постоянно следили за жизнью потомков и вмешивались, когда это было необходимо. Такие идеи выражены в таких пословицах, как призраки

(призраки играют), которые примерно соответствуют фразе «духи предков наказывают грядущих». Таджики еще говорят: Плохо быть призраком и не быть одержимым призраками. Если Бог оставит тебя, то это ничто, а если оставит призраков, то жизнь его будет потеряна».) Таких примеров много.

Семейные кладбища обычно украшали главную могилу, где хоронили основателя рода. Полевые материалы показывают, что важную часть из нескольких сотен «священных» кладбищ Северного Таджикистана составляют могилы таких племенных вождей, которые имеют прямое отношение к культуре их предков. У таджиков также есть большой набор традиций и обычаев, связанных с этими святынями. Члены рода чувствовали постоянную связь и даже зависимость от своих предков. Все это способствует идейному объединению родственников, восприятию ими себя как общества, формирует духовную основу жизни, своеобразный мозг, смысл существования поколений, узаконивает родовые права живущих старцев.

Семейные кладбища обычно украшали главную могилу, где хоронили основателя рода. Полевые материалы показывают, что важную часть из нескольких сотен «священных» кладбищ Северного Таджикистана составляют могилы таких племенных вождей, которые имеют прямое отношение к культуре их предков. У таджиков также есть большой набор традиций и обычаев, связанных с этими святынями. Члены рода чувствовали постоянную связь и даже зависимость от своих предков. Все это способствует идейному объединению родственников, восприятию ими себя как общества, формирует духовную основу жизни, своеобразный мозг, смысл существования поколений, узаконивает родовые права живущих старцев.

Надо признать, что образ авлода существенно изменился за последние годы. Причина в том, что в отношениях собственности, которые вскоре после восстановления Советской власти, всего через 10-20 лет происходят те же поколенческие смены начала века, о которых говорилось выше. Отмена частных (а по сути родовых) земель в рамках коллективизации; качественные изменения в государственных структурах и, как следствие, отношениях между

обществом и государством; не только прямой запрет, но и борьба государства против старой исламской идеологии, которая была прежде всего представлена учеными исламских наук, большинство из которых были знатоками как мусульманского права, так и исламского обычая; тотальный контроль над личностью с принудительной регуляцией поведения - все это, конечно, оказывало сильное давление на низшие социальные структуры.

Авлод, даже под таким общим влиянием, показал очень высокую способность к адаптации. Поколение ответило на коллективизацию и присвоение земли и скота и создало колхозы, основанные на поколенческом принципе. Позднее отсутствие достаточного количества земли для полного самообеспечения вынудило общий фонд заработной платы стать основой генерации. В настоящее время это широко практикуется и в равнинной части Таджикистана, в том числе и в городе. Одним из путей адаптации авлода стало решение профессиональных судеб, входящих в авлод мужчин. Сейчас отцы часто решают судьбу сыновей следующим образом: первый сын идет в торговлю, второй - на предприятие пищевой промышленности, третий - на предприятие легкой промышленности, четвертый - в милицию, пятый получает высшее образование и становится преподавателем и т.д.

Авлод несколько сократил численность членов и разделил их на относительно небольшие дислокальные группы, либо в сельской местности - в разных частях города и в городе, - либо на приусадебном участке, и в нескольких городских квартирах, либо только в городские квартиры.

Значительно возросла роль традиционных обычаев и культурно-духовной сферы как средства компенсации экономических потерь. В последние годы многие молодые семьи в селе были искусственно отчуждены для получения дополнительной земли. Поскольку государство не оказывает поддержки многодетным семьям, сельское население переключилось на товарные культуры. Это, безусловно, обострило конфликт между интересами государства и центральноазиатского сообщества.

Таким образом, социальная структура таджикского общества сильно отличается от той европейской модели, которую в нем хотели видеть. Исходя из этого и первичного звена общества не стало. Племенное общество имеет целый комплекс систем жизнеобеспечения, внутренних экономических, правовых, территориальных, духовных, культурных и идеологических механизмов, которые делают его своеобразным «малым государством» и обеспечивают его компактность, относительную самостоятельность и адаптивность. Обычно имеет традиционный характер. Можно предположить, что основа - авлод, существующая много веков. Даже в последние десятилетия формирования индивидуального сознания не произошло. Сознание оставалось совершенно публичным, сдержанным. Интересы клана превалируют над интересами отдельного человека или небольшой семьи.

В этой ситуации в Таджикистане много реакций в общественных отношениях, особенно в отношении беззакония. Законы нашего государства носят в основном личный, индивидуальный характер и регулируют индивидуальное поведение, тогда как создание населения осталось преимущественно коллективистским, в том числе и в правовом плане (адат и, частично, шариат).

В настоящее время наблюдается двойственный процесс. В связи с новой земельной политикой и раздачей государственных земель в «личное» пользование происходит определенное укрепление авлодных структур. Но другие факторы (демографический супервзрыв, крайнее экологическое неблагополучие, острейший земельно-водный голод и.т.д) подводят к необходимости качественной трансформации социума.

3.4. Отражение терминов родства в творчестве таджикских классиков

Современный период развития таджикского языка и развитие терминов родства с приобретением ими разнообразных форм относится к 20-м годам двадцатого столетия. В этот период появились новые формы терминов родства, появились заимствования из других языков, особенно из тюркских – узбекского, киргизского, казахского, туркменского и др. языков.

Произведения основоположника современной таджикской литературы Садриддина Айни (1878-1954) являются кладезем терминов родства. Одно слово – «дохунда», употребленное им как название романа «Дохунда», относится к поставленной нами задаче – сравнению слов, обозначающих термины родства в диалектах с английским языком. Лексическая единица «дохунда» – *додархонда* – *названный брат* – *adopted brother* была широко употребительна среди рабочих-мигрантов из горных районов Таджикистана, прибывших на заработки в Бухару. Они в общении между собой употребляли это слово, а коренные жители Бухары, не вникнув в смысл этого слова, называли их «дохунда». Это слово имело различные значения в тогдашней Бухаре, которые раскрываются в произведении С. Айни. Но это относится к другим областям науки – литературоведению, истории, этнографии и т. д.

Итак, в данной работе экскурсно рассмотрено развитие терминов родства, хотя в единичных примерах, почти за сорок веков. Целью не был разбор терминов по всем параметрам – значение, частота употребления (статистика) и т. д. Как было сказано во вступлении, нам хотелось определить древность, время возникновения терминов родства в различные периоды развития таджикского (персидского) языка.

Сравнение этих слов с английским языком будет способствовать выявлению родственных отношений между двумя этими языками.

«Шахнаме» (первая редакция закончена в 994 году) Абулькасима Фирдоуси (934-1020) является величайшим историко-литературным сочинением в истории персидско-таджикской литературы, кладезем слов

различного значения, в том числе и слов, обозначающих родственные отношения. «Шахнаме» иногда сравнивают с безбрежным океаном, который таит в себе кораллы и жемчужины. Каждый ныряльщик в этом океане найдёт здесь для себя многое, что пожелает. Фирдоуси в «Шахнаме» опирается в основном на древние сказания и легенды; лексика подобрана в соответствии с ними. В «Шахнаме» наряду с обычными, обиходными терминами родства встречаются слова «пур» – *писар* – сын, «духт» – *духтар* – дочь, «мом» – *модар* – мать, «боб» – *падар* – папа, отец, «хол» – *хол* – дядя по матери, «ниё» – *ниёгон* – прадедушка, предки и другие слова, употребляемые в среднеперсидском (пехлеви) языке и в других среднеиранских языках – согдийском, хотано-сакском, парфянском. Слово «ниё» в «Шахнаме» употребляется в смысле «прадедушка», т.е. отец бабушки. В таджикском это слово встречается в форме «бобокалон», а в современном персидском Иране говорят «падарбузург». По «Шахнаме» Зодшам является «ниё» – прадедом Афрасиаба. В английском «ниё» – прадед обозначается словами «*great grandfather*», «*ancestor*», а в таджикских диалектах, в частности в юго-восточных говорах, данное слово имеет форму «отабово», «бобӣ//бовӣ».

Примеры употребления терминов родства в «Шахнаме»: [28,580].

Витязь – Гив о себе говорит:

*Манам нури Гударзи Кашводгон,
Сари саркашон – Геву озодагон.
Я сын Гударза из рода Кашвода,*

Глава предводителей – Гев из рода озодагон (свободолюбивых)

Предводитель всех витязей – свободный Гив (здесь и далее - наш дословный перевод строк из «Шахнаме» – М.Д.)

*Манижа манам духти Афросиёб,
Бараҳна надидатанам офтоб.
Я – Манижа, дочь Афрасиаба,
Обнаженной меня не видело даже солнце.*

Правитель Ирана Кейхосров говорит правителью Турана – Афрасиабу:

*Ту **боби** маро аз чӣ кардӣ табоҳ,
 Чунин рӯзи бадро накардӣ нигоҳ?
 Почему ты погубил моего **отца**,
 Не предвидел ты день возмездия?*

Слово **боб** здесь употреблено в значении «*падар*» – *отец*. Оно в данном случае созвучно со словом «*боба*» «*падар*» – *отец* в таджикских диалектах, например, в Ванче и Дарвазе:

Иранский витязь Тахор обращается к Фуруду – сыну Кейхосрава:

***Бародарнадар-т** аст бо фарру ком,
 Синаҳбад Фарибурзи Ковус ном.
Брат твоего отца Фарибурз (сын) Кавуса,
 Достигнув всего желаемого, живёт в блаженстве.*

Неожиданно употребление слова «*бародарнадар*» в значении дяди по отцу. Это слово очень мало употребляется в источниках.

В «Шахнаме» во многих случаях употребляется слово «*тухма*» – *род, племя*:

Фирдоуси приводит высказывание царя Гуштаспа:

*Ман аз тухмаи Эрачи покзод,
 Вай аз тухмаи Тури чодунажод.
 Чигуна бувад дар миён ошті,
 Валекин маро буд пиндоште.
 Я из рода Ираджа благородного.
 А его предки из племени Тура колдовского.
 Разве могла идти речь о мире между нами?
 Но я питал на этот счёт благие намерения.*

Вызывающими интерес, на наш взгляд, являются также термины, употребляемые в одном из известных, популярных прозаических памятников персидско-таджикской литературы XI века – «Кабуснаме».

Эта книга написана Амиром Унсурулмаоли Кайковусом ибн Искандаром ибн Кобусом ибн Вушмгиром ибн Зиёр мавло Амирулмуъминином в виде

наставления, назидания (отсюда и второе её название – «Насихатнаме» -- «Книга наставлений») для своего сына Гелоншаха, который после него должен был вступить на трон и взять бразды управления страной в свои руки. Унсурулмаоли Кайковус, обращаясь к сыну, говорит:

- Бидон, эй писар, ки ман пир шудаам ва заифиву бенерӯӣ ва бетӯшӣ бар ман чира шуд... [17,11].

Это обращение встречается на многих страницах данного произведения. Перевод этого предложения на русский язык: «Знай, **о сын**, что состарился я и старость, и немощь овладели мной» (16, 17-18).

Такое обращение встречается на многих страницах этой книги.

В книгах «Рад-ул-мухтар» и «Джамъ-ур-рамуз» имеются довольно подробные сведения о традициях и обычаях таджиков.

Грудное вскармливание признано всеми правящими семьями и его связь считается более тесной, чем связь крови. При рождении мальчика или девочки малыш отдается кормилице и остается с ней дома, чтобы отец часто не видел своих детей, пока им не исполнится шесть-семь лет; присутствуют все члены семьи кормилицы, питомец, судьба которого будет зависеть от него до конца жизни, каковы бы не были впоследствии несчастья и даже преступления его. Они за ним следуют в изгнание и, наоборот, если питомец достигнет впоследствии высокого положения, то приемный отец делается наиболее близким советником его, а его молочными братьями даются самые важные поручения.

Сейчас эта привычка несколько ослабла. Вообще женщины придают большое значение молоку. Грудное молоко является лучшим лекарством от бельма и других глазных болезней. Обращение к нему также устанавливает навсегда молочные узы.

В другом месте «Кабуснаме» мы видим сразу несколько терминов родства. Одним из них является «чадд», который наряду с «Кабуснаме» встречается в художественных и исторических произведениях персидско-таджикских авторов, сочинявших произведения на исторические темы. Это

слово имеет несколько значений: во-первых, оно означает «*падари падар*», «*бобо*» – «*отец отца*», «*дед*», «*дедушка*» (*grandfather*), а словосочетание «*чадди аъло*» уже означает более дальнего предка: «*бобокалон*», «*падари бобо*» (*great grandfather, forefather, ancestor*), «*падаркалон*», «*падарбузург*» - *grandfather, granddad (grandpa)*.

В словосочетании «*чадду обо*» – бобо ва падарон употребляется в значении «*деды и отцы*», а во множественном числе «*гузаштагон*» употребляется в значении «*предки*» (*ancestor, forefather*). Унсурулмаоли Кайковус, обращаясь к сыну, говорит: «*Ва насиби ман аз дунё ин сухан гуфтан омад ва гиromитар каси ман туй. Чун сози раҳил кардам, он чӣ худком набошиӣ ва аз ношоист парҳез кунӣ ва чунон зиндагонӣ кунӣ, ки сазовори тухмаи поки туст. Ва бидон, эй писар, ки туро асл шариф аст ва аз ҳар ду ҷониб каримуттарафайн ва пайвастаи мулуки ҷаҳонӣ. Ҷадди аълои ту Шамсулмаоли Қобус ибни Вушимгир набераи Арғаши Фарҳодон бувад ва дар рӯзгори Кайхусрав мулки Гелон дошт... Мулки Гелон ба ҷаддон туро з-ӯ ёдгор омад*» [17,11]. Перевод этих предложений на русский язык: «*Теперь удел мой от этого мира – эти речи, а дорожке всего для меня ты. Собрался я в отъезд и послал тебе то, что досталось мне в удел, дабы не был ты самовлюблённым, недостойных дел остерегался и так жил, как это подобает чистому роду твоему. И знай, о сын, что род и племя твоё – велики и славны, с обеих сторон ты благородного происхождения и сродни царям-миродержцам. Дед твой – Шамсулмаали Кабус ибн Вушимгир, внук Арғаша Фархадванда, а Арғаш сын Фархадванда был царём Гиляна... Царство Гилянское осталось дедам твоим на память о нем*» [18, 17-18].

В продолжении своего назидания Абулмаали Кайковус напоминает своему сыну о предках женского рода словом «*чадда*» (*джадда*; в английском *grandmother*): «*Ва ҷаддаи ту – модари ман духтари маликзода Марзбон ибни Рустам ибни Шарвин буд, ки мусаннифи китоби «Марзбоннома» аст. Ва сенздаҳум падараш Каюс ибни Қубод буд – бародари Нушервон – малики одил ва модари ту духтари малики гозӣ Маҳмуд ибни Носируддин буд*» [17,11].

Русский перевод: *«Бабка же твоя, мать моя, дочь Марзбан ибн Рустам ибн Шарвина, который был составителем «Марзбаннаме», а тринадцатый предок её – Кайс ибн Кубад, брат царя Нуширвана Справедливого, а мать твоя – дочь царя-воителя за веру, султана Махмуда, сына Насираддина»* [18,18].

На наш взгляд, данные термины родства – слова, обозначающие родственные отношения, являются фактом их существования в данный период развития персидско-таджикского языка. Некоторые из этих слов в современном таджикском языке на современном этапе не используются. Изучение и выявление подобных слов будет способствовать созданию полного списка подобных слов в таджикско-персидском языкознании с древнейших времён до настоящего времени.

Богатый и разнообразный материал содержится в памятниках новоперсидского языка, созданных в разные периоды развития литературы на таджикском языке - художественных, исторических, дидактических произведениях, в поэмах Низами Гянджеви, в «Бустане» и «Гулистане» Саади, в произведениях Абдуррахмана Джамии, в «Бадоеъ-ул-вакое» («Удивительные события») Зайниддина Махмуда Васифи. В последнем произведении наряду с терминами родства ежедневного обихода встречается слово «писархола» (этим словом Васифи называет сына своей тети Мухаммада Гиясуддина) [18,84-85]. В такой форме этот термин очень мало употребителен в рассмотренных нами источниках. Отголоски данной формы употребления мы видим в современных говорах жителей нынешнего района Хорасан (бывший Даханакиик) Хатлонской области Республики Таджикистан, где сына тети называют «бачихола», а также при обращении к незнакомому человеку они употребляют данный термин.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Происхождение термина родство связано с браком и созданием семьи. Семья, которая ведет к родственным связям, есть результат семейной жизни. Семейные связи родителей укрепляются за счет детей, рожденных в этом браке.

Термины родства юго-восточных диалектов отличаются от других диалектов таджикского языка своими особенностями. Это отличие заключается, прежде всего, в наличии большого количества архаичных черт в этом диалекте, так как ряд слов, связанных с родством, имеют древнюю историю, и унаследован веками.

В юго-восточных говорах таджикского языка, употребляются составные и описательные термины.

У кочевых и полукочевых тюркоязычных народов род и семья являлись частью племенных и родоплеменных структур. У оседло-земледельческих тюркоязычных групп (в том числе и у тех, которые были известны под именем сартов) также еще силен груз родоплеменных отношений, и к тому же они, в силу естественных причин, испытывали более сильное влияние соседей - скотоводов.

Нижнюю ступеньку социальных структур у таджиков, как и у других народов занимала семья.

Специалистам знаком такой институт таджикского общества, как *авлод*. Под *авлодом* (от арабского «сын») таджики понимают племя как совокупность родственников живого и уже умершего мужчины (и их жен), восходящих к общему предку. Среди различных групп ираноязычного населения Таджикистана под другими названиями были известны и следующие подобные структуры: язгулемцы - қаум, шугноны - гру, у вахонов - *тухм*, у матчинцев - айш, у других горных таджиков - қаум/қаун, тойфа и кында, среди таджикских степей - қаум.

Мы здесь будем использовать термин *авлод*, как например более распространенный.

Следует отметить, что мнение о разложении института *авлода* и существовании его в пережиточной форме связано с анализом сообщений средневековых источников или материалов археологических раскопок о существовании уже в раннем или в развитом средневековье малых семей. Однако это вовсе не является свидетельством замены больших патриархальных семей малыми. Все дело в том, что жизнь *авлода* со всеми подсистемами, как и жизнь любого социального организма, имеет не линейный, а циклический характер. Проходя через определенные циклы развития, *авлод* непрерывно воспроизводится, причем стремится воспроизвестись без изменения прежних структур и систем.

Некоторые термины и выражения, обозначающие родство, вошли в лексический состав, активно участвуя в создании новых слов, оборотов и выражений, и используют свой основной смысл для обозначения новых понятий.

В терминологии родства юго-восточных говоров таджикского языка заимствовано большое количество слов из персидского языка.

Во главе такой семьи стоял пожилой мужчина по имени *калонтари хона* (*глава дома*) или *калони хона* (*большак*), от него, как правило, наследовал старший сын, и лишь в особых случаях - каждый из другие братья по договоренности. Среди них наследник такого отца может назначить своего преемника. Старшего называли «муйсафед» *старик с белой бородой* и представляли семью внешнему миру. Глава семьи являлся представителем семейной общины перед властями (сбор налогов и выполнение каких-либо обязанностей). В случае невыполнения обществом определенных обязанностей применялась высшая мера наказания, вплоть до телесных наказаний. В семейной общине он обладал полной безоговорочной властью, распоряжался финансами и имуществом, распределял все домашние дела между мужчинами семьи. В ходе такой работы вырабатывалась и строго

соблюдалась специализация: один из братьев пахал, другой пас скот, третий торговал на рынке и т. д.

Богатый и разнообразный материал содержится в памятниках новоперсидского языка, созданных в разные периоды развития литературы на таджикском языке - художественных, исторических, дидактических произведениях, в поэмах Низами Гянджеви, в «Бустане» и «Гулистане» Саади, в произведениях Абдуррахмана Джамии, в «Бадоеъ-ул-вакое» («Удивительные события») Зайниддина Махмуда Васифи. В последнем произведении наряду с терминами родства ежедневного обихода встречается слово «писархола» (этим словом Васифи называет сына своей тети Мухаммада Гиясуддина) (19). В такой форме этот термин очень мало употребителен в рассмотренных нами источниках. Отголоски данной формы употребления мы видим в современных говорах жителей нынешнего района Хорасан (бывший Даханакиик) Хатлонской области Республики Таджикистан, где сына тети называют «бачихола», а также при обращении к незнакомому человеку они употребляют данный термин.

Следует отметить, что сопоставление терминов родства в английском языке и юго-восточных говорах таджикского языка позволило создать представление о специфике менталитета англичан и жителей регионов юго-востока Таджикистана.

Следует отметить, что в терминологии родства юго-восточных говоров таджикского языка заимствовано большое количество слов из персидского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Терминология родства - одна из важнейших групп в лексическом составе языка таджикского народа. В этой терминологии отображены существенные социально-исторические процессы жизни народа как носителя языка.

Термины родства являются наиболее древним пластом лексики языка. Они возникли в глубокой древности наряду с тем как человек заговорил, начал произносить некоторые слова при обращении к другому человеку – соплеменнику. Термины родства составляют лексический фонд любого языка, они являются основным богатством языка, не заимствованы из других языков. Термины родства таджикского языка и их употребление имеют древнее происхождение. Вначале термины родства встречаются в праязыке, т.е. в языке, существовавшем во времена арийской общности, когда племена, называющие себя ариями, жили - в XVIII - XV веках до н.э.

Слово *papa, отец* - в таджикском - *надар*; в праязыке - *petēr*; в санскрите - *pitār, pitr*; *мать, мама* - в таджикском - *модар*; в праязыке - *matter*; в санскрите - *mātar, māta*; Слово *tamma*, встречающееся в индоевропейском праязыке, обозначает *мать, маму* в русском языке, а в английском языке оно имеет форму *tamary, muther, mamalian, tamal*. Оно созвучно со словами *мома, ума* в таджикских говорах при обращении к матери. Это слово употребляется детьми при обращении к матери.

Таджикская терминология родства и свойства до сих пор не нашла отражения ни в специальных исследованиях, ни в этимологических словарях по индоевропейским языкам, хотя она достаточно широко представлена в работах по таджикской диалектологии, в таджикско-русских, русско-таджикских словарях и в этнографических исследованиях. Следует отметить, что терминология родства и свойства представляет особый интерес.

По происхождению терминологию родства и свойства в таджикском языке и его говорах можно разделить на три группы:

1. собственно, иранские термины, где различаются описательные и сложные термины;
2. тюркские;
3. арабские.

Существует два основных подхода к изучению терминов родства – этнографический и лингвистический.

Таким образом, объектом изучения этнографов является план содержания система родства, а лингвистов – план выражения (терминов родства).

Особый интерес представляет изучение группы юго-восточных говоров таджикского языка, поскольку они распространены на территории древних таджикоязычных земель, население которых в первой половине VII в. пользовалось таджикским (фарси) языком. Ряд архаических черт грамматического строя южных говоров, восходящих к раннему периоду становления таджикского языка, а также явления субстрата - следы древних восточноиранских языков свидетельствовали о своеобразии путей развития и формирования этих говоров. Все эти обстоятельства и выдвинули как первоочередную задачу сравнительно-обобщающее изучение юго-восточной группы говоров таджикского языка в Средней Азии.

В таджикском языке понятие грамматического рода, связанное с делением слов на классы со специальными морфологическими показателями, вообще отсутствует. Некоторое соответствие можно обнаружить лишь на семантическом признаке выделения рода - пола для существительных одушевленных. В таджикском языке существительные, обозначающие живые существа, чисто лексически делятся на имена, обозначающие лиц женского и мужского пола:

мард — *мужчина*

зан — *женщина*

падар — *отец*

модар — *мать*

Родственные слова являются семантической группировкой полнозначных лексических единиц. Классификация лексем проводится по двум основным признакам: 1) категориально-семантической и соответственной парадигматической оформленности в системе языка, 2) по функциональной значимости в речи. Этот двойственный принцип классификации нашел свое отражение в признании частей речи лексико-грамматическими разрядами слов. Эти смешанные по характеру своей семантики языковые категории составляют зачастую то специфичное, что отличает один язык от другого.

На основе общих моделей смысловых отношений и осуществляются парадигматические противопоставления слов на уровне частей речи.

Основное образование слова представляет собой слово, которое образовано в соответствии с определенной моделью, которые являются элементами основы и аффиксов. В специальных работах по словообразованию, а также в учебных пособиях модели и аффиксы описаны достаточно полно. В специальных работах по словообразованию, а также в учебных пособиях модели и аффиксы описаны достаточно полно. Что же касается основ, то им, как правило, отводится второстепенное место, что оставляет в тени важный участок действия словообразовательной системы в целом. Если принять за основу исходную единицу, то сама система может быть представлена в виде парадигм объектов, построенных на основе слов разных речевых слов.

Описание словообразовательной системы в виде деривационных парадигм, формируемых основами тех частей речи, которые являются источником расширения словарного состава языка за счет аффиксального словопроизводства, перспективно по многим соображениям. Распределение аффиксальных морфем по парадигмам с субстативным, адъективным и глагольным ядром позволяет установить структурно четкую схему всей словообразовательной системы языка, во многом напоминающую схему словоизменительных парадигм.

В образовании производных каждого ряда может участвовать различный набор аффиксов.

Одним из наиболее продуктивных путей словообразования в современном таджикском и английском языках является аффиксация.

Очень часто слова образуются с помощью присоединения префиксов и суффиксов (вместе их называют аффиксами).

Следовательно, к исследуемой нами терминологии родства большинство терминов, которые являются производными, образованы аффиксальным способом, который имеет три вида: суффиксация, префиксация и префиксально - суффиксальный способ, например: *бачавара, бачадор, бенъсъл, бийорзода, бийоршир, бародаршир, бийорък*.

Словообразующие суффиксы в говорах составляют две основные группы: а) суффиксы общетаджикские, представляющие собой основную часть именных словообразующих суффиксов; б) суффиксы диалектного характера, по количеству значительно уступающие общетаджикским.

В словообразовании имен существительных самыми продуктивными являются суффиксальный и префиксальный способы. Но в терминах родства в таджикском языке префиксального способа образования слов не наблюдалось.

В словоизменительной парадигме варьирование основ носит очень ограниченный характер и не выходит за пределы тех изменений, которые как реликтовые унаследованы от предшествующих этапов развития морфологического строя английского языка.

Лингвисты определяют, что словосложение является чистым сложением основ: *амакдъхтар, амабача, тагойибача//тъгойивача, тагойизода//тъгойизода, холабача//холавача холадъхтар, холазо, холькбача, холькдъхтар, хусурбача, хунавода, бобикалун//бовикалун*.

В английском языке: *sister-in-law, mother-in law, daughter-in-law, half-sister* – *единокровная или единоутробная сестра по одному из родителей* –

hedge-marriage – тайный брак, *helpmate* – товарищ, подруга; муж, супруг; жена, супруга.

Для английского словопроизводства, сложившегося в основных чертах к ранненовоанглийскому периоду, были характерны: а) относительно небольшое количество аффиксов, особенно в отглагольном словопроизводстве, б) четкость словообразовательных связей со свойственной исконно английским производным словам членимостью на основу и аффикс и совпадением основы со словом, в) отсутствие звуковых чередований корневого гласного как в словообразовании, так и словоизменении, г) отсутствие варьирования словообразовательных аффиксов.

Анализ материалов показал, что в образовании терминов родства юго-восточных говоров таджикского языка словосочетание считается продуктивным.

Следует отметить, что родственные имена делятся на две части: а) имена, обозначающие кровное родство; б) имена, обозначающие некровное родство.

Термины родства в юго-восточных говорах таджикского языка по признаку обозначения родственных связей подразделяются на две основные группы: термины кровного родства и термины свойства, или родства по браку: янга–*Sister-in-law* – жена брата и др.

Термины родства по браку, отличаясь от терминов кровного родства, все же составляют с последними единую систему, обозначая членов семей, которые в дальнейшем, как правило, путем браков по прямой линии фактически становятся кровными родственниками.

Термины, обозначающие неродных членов семей, в юго-восточных говорах, в отличие от северных и литературного языка, представлены исконно иранскими словами.

С точки зрения территориального распространения термины родства юго-восточных говоров подразделяются на три группы: повсеместно распространенные; термины, известные в одном или нескольких

определенных южных диалектах; термины, известные в одном или нескольких определенных южных диалектах; термины узколокального характера, отмеченные лишь в некоторых селениях.

Терминами, распространенными в южных говорах повсеместно, могут быть как общетаджикские слова, так и диалектные, свойственные всем южным говорам: *зан-жена*, *хевар-деверь*, *хъсьр-тесть*; *свекор*; *хышдоман-свекровь*; *теща*, *моиндар/моиндар-мачеха*, *амак-дядя (брат отца)*, *таго-дядя (брат матери)* и др. Состав терминов родства в юго-восточных говорах имеет тенденцию к расширению за счет появления синонимичных рядов.

Для употребления терминов родства во всех языках используются слова «близкий родственник» и «дальний родственник». Первый термин означает родство, а второй термин, наоборот, относится к дальнему родственнику, который связан разными нитями родства. Подобные термины используются во всех языках индоевропейской семьи, в которую входят юго-восточные диалекты таджикского языка.

Исследование показало, что определение в таких словосочетаниях всегда выражено именем существительным.

В то же время отмечаются явления большего использования терминов.

С точки зрения термины родственников также разделены на три категории: индивидуальные, групповые и классификационные.

Индивидуальные термины включают слова, в которых каждый из них служит строго определенным целям. Последнее число ограничено во всех системах, в которых индивидуальные термины всегда ограничены. Как на английском, так и в юго-восточных говорах таджикского языка, отдельные термины строго определены.

Каждая группа концепций служит не только для назначения нескольким людям, но и на различных отношениях с другими родственниками.

Классификационные термины являются большинством основных терминов родства, в таджикском и английском языках. Классификационные термины могут применяться ко всем трем категориям, то есть они могут быть

первичными, составными или описательными. Среди различных категорий этих двух аспектов условий родственников не совместимы. Имена отношений, разрешенных среди людей, выражены независимыми словами и фразами. Они занимают среднюю область между словом и термином в их научном понимании.

Таким образом, можно сделать вывод, что термины родства со своими конкретными качествами в некоторой степени отличаются от юго-восточных говоров таджикского языка. Эта разница в том, что в первую очередь, присутствует большое количество архаичных свойств, и ряд родственных терминов, связанных с относительной историей, имеют древнюю историю, которая унаследована веками.

Большая семья таджиков обозначалась термином *буна*, позднее и сейчас обозначается аналогичным таджикским термином *хочаги* (хозяйство). В среднем семья насчитывала 30-40, а в отдельных случаях и до 60 человек, живущих в одном доме. Такой дом назывался *чид*. В состав семьи входили глава семьи и его жена, их потомки до трех и более поколений, нередко и другие родственники главы семьи по боковой линии - престарелые сестры, братья и племянники.

Специалистам достаточно известен такой институт таджикского общества, как *авлод*. Под *авлодом* (от арабского «сын») таджики понимают племя как совокупность родственников живого и уже умершего мужчины (и их жен), восходящих к общему предку. Среди различных групп ираноязычного населения Таджикистана под другими названиями были известны и следующие подобные структуры: язгулемцы - каум, шугноны - гру, у вахонов - *тухм*, у матчинцев - айш, у других горных таджиков - . каум/кауун, тойфа и кында, среди таджикских степей - каум.

Во главе такой семьи стоял пожилой мужчина по имени калонтари хона (глава дома) или калони хона (большак), от него, как правило, наследовал старший сын, и лишь в особых случаях - каждый из другие братья по договоренности. Среди них наследник такого отца может назначить своего

преемника. Старшего называли «муйсафед» *белой бородой* и представляли семью внешнему миру. Глава семьи являлся представителем семейной общины перед властями (сбор налогов и выполнение каких-либо обязанностей). В случае невыполнения обществом определенных обязанностей применялась высшая мера наказания, вплоть до телесных наказаний. В семейной общине он обладал полной безоговорочной властью, распоряжался финансами и имуществом, распределял все домашние дела между мужчинами семьи.

В терминологии родства юго-восточных говоров таджикского языка заимствовано большое количество слов из персидского языка.

Некоторые термины и выражения, обозначающие родство, вошли в лексический состав, активно участвуя в создании новых слов, оборотов и выражений, и используют свой основной смысл для обозначения новых понятий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абаев, В.И. О родовых отношениях и терминах родства у осетин [Текст] / В.И. Абаев // Энгельс и языкознание. - М.: Наука, 1971. - С. 239-242.
2. Абрамзон, С.М. О некоторых терминах родства в тюркских языках [Текст] / С.М. Абрамзон // Тюркология. К 70-летию академика А.Н. Кононова. - Л.: Наука, 1976. - С. 204-207.
3. Авесто [Текст]. – Душанбе: Нашриёти «Қонуният», 2001. - 792 с.
4. Айдаров, Т. Влияние таджикского языка на казахский говор окрестностей Ташкента (на материале лексики) [Текст] / Т. Айдаров // Тюркское языкознание: материалы III Всесоюзной конференции. – Ташкент: Фан, 1985. - С. 124-126.
5. Андреев, С. «Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров». Ташкент, 1931. Описание говора Вахио-Боло [Текст] / С. Андреев // Труды Таджикистанской Базы АН СССР, т. 3. – Ленинград - Сталинабад, 1936. - С. 30-31.
6. Апресян, Ю.Д. О понятиях и методах структурной лексикологии (на материале русского глагола) [Текст] / Ю.Д. Апресян // Проблемы структурной лингвистики. - М., 1962. – С.
7. Аракин, В.Д. Тюркские лексические элементы в русских повестях и сказаниях XIII-XV вв. [Текст] / В.Д. Аракин // СТ. - 1973. - № 3. - С. 28-37.
8. Асланов, Г.Н. Тюркская лексика, связанная с наименованием лиц в говорах русских поселенцев в Азербайджане [Текст] / Г.Н. Асланов // Тюркизмы в восточнославянских языках. - М.: Наука, 1974. – С.
9. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст] / Ш. Балли. - М., 1955. - 416 с.
10. Баскаков, Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение [Текст] / Н.А. Баскаков. - М.: Наука, 1987. - 136 с.
11. Баскаков, Н.А. Введение в изучение тюркских языков [Текст] / Н.А. Баскаков. - М.: Высшая школа, 1968. – 354 с.

12. Баскаков, Н.А. О тюркских заимствованиях в русском языке [Текст] / Н.А. Баскаков // СТ. – 1984. - № 1. - С. 10-16.
13. Баскаков, Н.А., Гаджиева, Н.З., Кузнецов, П.И., Соколов, С.А. Теоретические проблемы и вопросы по тюркскому языкознанию, рекомендуемые для докторских и кандидатских диссертаций [Текст] / Н.А. Баскаков, Н.З. Гаджиева, П.И. Кузнецов, С.А. Соколов // СТ. - 1981. - № 2. - С. 32-37.
14. Бекбулатов, Н.В. Башкирская система родства [Текст] / Н.В. Бекбулатов. – М., 1981. - с.
15. Белкина, В.М. Арабская лексикология [Текст] / В.М. Белкина. - М.: МГУ, 1975. - С.118-200.
16. Белый, В.В. Структурная и семантическая характеристика терминов в современном русском языке [Текст] / В.В. Белый // АКД. – М., 1982. - С. 7.
17. Березин, Ф.М., Головин, В.Н. Общее языкознание [Текст] / Ф.М. Березин, В.Н. Головин. - М.: Высш. школа, 1979. - С. 265-266.
18. Бобо-Назар Гафор. Шоири Хуросон [Матн] / Бобо-Назар Гафор. – Душанбе: Ирфон, 2010. – 112 с. – С. 84-85.
19. Брагина, А.А. Нейтрализация на лексическом уровне [Текст] / А.А. Брагина // ВЯ. - 1977. - № 4. - С. 61-71.
20. Будагов, Р.А. История слов в истории общества [Текст] / Р.А. Будагов. - М.: Просвещение, 1971. - С. 4.
21. Бузургзода, М., Чалилов, Р. Инъикоси шуриши Восеъ дар фольклор [Матн] / М. Бузургзода, Р. Чалилов. – Сталинобод – Ленинград, 1941. - с.
22. Бурдин, С.М. О терминологической лексике [Текст] / С.М. Бурдин // Филологические науки. – 1958. - № 4. - С. 57-64.
23. Виноградов, В.В. Избранные труды, Лексикология и лексикография [Текст] / В.В. Виноградов. - М.: Наука, 1947.
24. Виноградов, В.А. Методы типологии [Текст] / В.А. Виноградов // Общее языкознание. - М.: Наука, 1973. - С. 224-256.

25. Гаффоров, Р. Вазъи кунунии истилоҳоти забоншиносии тоҷик ва лузуми тақмили он [Матн] / Р. Гаффоров // Ахбороти АФ РСС Тоҷикистон, 1991. - № 4. - С. 16-21.
26. Гаджиева, Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков [Текст] / Н.З. Гаджиева. - М.: Наука, 1973. - 408 с.
27. Гак, В.Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова [Текст] / В.Г. Гак // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: тезисы докладов. - М., 1971. – С. 74-82
28. Гамкрелидзе, Т.В., Иванов, Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы [Текст] / Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. - Тбилиси: Тбил. ГУ - Т.П., 1984. - 762 с.
29. Гафаров Р. Синтаксис таджикских говоров в сравнительном освещении. [Текст] / Р. Гафаров. // Автореф. дис...доктора филологич. наук. Душанбе, 1980. -42 с.
30. Гольдин, В.Е. Речь и этикет [Текст] / В.Е. Гольдин. - М.: Просвещение, 1983. - 150 с.
31. Горшкова, Т.М. Опыт статистического изучения функционирования терминов в философских текстах [Текст] / Т.М. Горшкова // Лексика, терминология, стили: межвузовский сборник. – Горький, 1975. – Вып. 4. - С. 57-69.
32. Григорян, А.Г. Некоторые проблемы системного и исторического изучения лексики и семантики [Текст] / А.Г. Григорян // ВЯ. - 1983. - № 4. - С. 57-63.
33. Гулыга, Е.В., Шендельс, Е.И. О компонентном анализе значимых единиц языка [Текст] / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс // Принципы и методы семантических исследований. - М.: Наука, 1976 - С. 291-314.
34. Гухман, М.М. Доиндоевропейские термины родства в германских языках [Текст] / М.М. Гухман // Памяти академика И.Я. Марра. - М. - Л., 1978. - С. 93-115.

35. Даниленко, В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания [Текст] / В.П. Даниленко. - М.: Наука, 1977. – 289 с.
36. Десницкая, А. В. Вопросы изучения родства индоевропейских языков [Текст] / А.В. Десницкая, // - М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. - С. 332.
37. Джафаров, Г.Г. Термины родства в семантической системе и грамматической структуре языка [Текст] Г.Г. Джафаров // СТ. - 1974. - № 3. - С. 22-32.
38. Джураев, Г. Лексика [Матн] / Г. Джураев // Шеваи чанубии забони тоҷикӣ [Южные говоры таджикского языка] (1979, 1980, 1982, 1984). Т. 1. - Душанбе, 1980. - С. 87-32.
39. Джураев, Г. Система диалектной лексики таджикского языка (на материале южных говоров) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Джураев Г. - Душанбе, 1992. – 30 с.
40. Диловаров, М. Авесто [Матн] / М. Диловаров // Энциклопедияи Миллии Тоҷик. Ҷилди 1 / Муассисаи давлатии Сарредаксияи илмӣи Энциклопедияи Миллии Тоҷик. - Душанбе, 2011. - 605 с. (Имеется обширная библиография).
41. Дмитриева, Л.В. Некоторые итоги изучения названий растений в тюркских языках сопоставительно с другими языками алтайской семьи [Текст] / Л.В. Дмитриева // СТ. - 1975. - № 2. - С. 13-24.
42. Добронравин Н. А. Диалекты хауса и новая классификация памятников письменности хауса (аджами)//Африка: общества, культуры, языки (проблемы теории и методологии). М.: Ин-т Африки РАН, 1996. С. 197-199.
43. Дзибель Г. В. Феномен родства [Текст] / Г.В. Дзибель // Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера). - Москва, 2001. – 472с.
44. Жукова, Л.В. Типологический анализ терминов кровного родства в английском и шорском языках [Текст] / Л.В.Жукова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 4. – С. 101-105.

45. Ефимов, А.И. История русского литературного языка [Текст] / А.И. Ефимов. – М., 1971. - 217 с.
46. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 1 [Матн]. – Душанбе: УДТ, 1981. - С. 70.
47. Задыхина, К.Л. Таджики дельты Амударьи [Текст] / К.Л. Задыхина // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. - М., 1952. - С. 397-408. Приложение: Термины родства и свойства (по отцу и по матери) - С. 415-426.
48. Золотарёв, А.М. Родовой строй и первобытная мифология [Текст] / А.М. Золотарёв. - М.: Наука, 1964. – 328 с.
49. Исмаилов, Ф. Обстоятельство и его виды в современном таджикском литературном языке [Текст] / Ф. Исмаилов // АДД. - Душанбе, 1971. - С. 47-48.
50. Историческое развитие лексики тюркских языков [Текст]. - М.: АН СССР, 1961. - С. 11-81.
51. Калинин, А.В. Лексика русского языка [Текст] / А.В. Калинин. – М., 1971. - С. 141.
52. Канделаки, Т.Л. Семантика и мотивированность терминов [Текст] / Т.Л. Канделаки. - М.: Наука, 1977 - С. 167.
53. Кантино, Ж.П. Сигнификативные оппозиции [Текст] / Ж.П. Кантино // Принципы типологического анализа языков различного строя. - М.: Наука, 1972. - С. 61-94.
54. Касимова, М.Н. История таджикского литературного языка (IX - X вв.) Часть 1. / М.Н. Касимова [Таърихи забони адабии тоҷик (асрҳои IX-X). Қисми 1]. - Душанбе, 2003. - 490с.
55. Кацнельсон, С.Д. О грамматической категории [Текст] / С.Д. Кацнельсон // Вестник ЛГУ. – 1948. - № 6. - С. 132.
56. Кисляков, Н.А. Семья и брак у таджиков [Текст] / Н.А. Кисляков // ТИЭ. - Сталинабад, 1959. - Т. 44.

57. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику [Текст] / Дж. Лайонз. - М.: Прогресс, 1977 – 544 с.
58. Кисляков, Н.А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло [Текст] / Н.А. Кисляков. - М.-Л., 1936. – 425 с.
59. Кисляков, А.Н. Описание говора таджиков Вахио-Боло [Текст] / А.Н. Кисляков // Труды Таджикистанской базы АН СССР, т. 3. – С.
60. Конецкая, В.П. Супплетивизм в германских языках [Текст] / В.П. Конецкая. - М.: Наука, 1973. - с.
61. Кононов, А.Н. К этимологии слова огул «сын» [Текст] / А.Н. Кононов // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Владимирцова Б.Я. - М., 1958.
62. Косвен, М.О. Семейная община и патронимия [Текст] / М.О. Косвен. – М., 1963. - с.
63. Крёбер А. Классификация систем родства [Текст] / А. Крёбер // Antropological Inst. – 1909. - Vol. 32. - P. 77-34.
64. Крюков, М.В. Система родства китайцев (эволюция и закономерности) [Текст] / М.В. Крюков. - М., 1973. - с.
65. Крюков, М.В. Система родства китайцев [Текст] / М.В. Крюков. - М.: Наука, 1972. - 327 с.
66. Крюков, М.В. Личное имя и термины родства [Текст] / М.В. Крюков // Ономастика Востока. - М.: Наука, 1980. - С. 165-169.
67. Кузнецов, А.М. О применении метода компонентного анализа в лексике [Текст] / А.М. Кузнецов // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. - М.: Наука, 1971-С. 257-269.
68. Кузнецов А.М. Сопоставительно-типологический анализ терминов кровного родства в английском, датском, французском и испанском языках: Автореф. [Текст] / А.М. Кузнецов // канд. филол. наук. -М.: АН СССР ИЯ, 1971. 20 с.
69. Левин, Ю.И. Об описании системы терминов родства [Текст] / Ю.И. Левин // Советская этнография. - М.: Наука, 1970. - № 4. - С. 43-49.

70. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст]. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 233-685.
71. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / под ред. В.Н. Ярцевой. - 2-е изд. - М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. - 707 с.
72. Ломтев, Т.П. Общее и русское языкознание [Текст] / Т.П. Ломтев. - М.: Наука, 1976. - С. 261-262.
73. Магруфов, З.М. Толковый словарь таджикского языка [Текст]: в 2-х томах / З.М. Магруфов. - М.: Русский язык, 1981. - с.
74. Маниязова, Р.А. Семантические соотношения наименований родства, должностей и качества при таджикско-русских языковых контактах [Текст]: автореф. дис. канд. филол. наук: / Маниязова Р.А. – Душанбе, 2000. - С. 7-8. - с.
75. Марр, Н.Я. Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении [Текст] / Н.Я. Марр // Краеведение. - М., 1927. - Т. IV, вып. I. - С. 8-169.
76. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание [Текст] / Ю.С. Маслов. - М.: Высшая школа, 1987. - 272 с.
77. Масуми, Н. Мировоззрение и мастерство [Текст] / Н. Масуми. – Душанбе: Ирфон, 1966. – 131 с. - (На тадж. яз.).
78. Масуми, Н. О некоторых изменениях в лексическом составе таджикского литературного языка [Текст] / Н. Масуми // Шарки сурх. – 1951. - № 6. – 47 с. - (На тадж. яз.).
79. Масуми, Н. Очерки о развитии таджикского литературного языка [Текст] / Н. Масуми. - Сталинабад, 1952. – 193 с. - (На тадж. яз.).
80. Махадов, М. Припаянджские говоры таджиков Дарваза [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: / Махадов М. – Душанбе, 1972. – 459 с.
81. Машрабов, А. Гетеронимические отношения терминов родства и образование парных слов в тюркских языках (на материале кыргызского и таджикского языков) [Текст] / А. Машрабов // Научные труды Ошского Гос. ун-та. Общественные и гуманитарные науки. Вып. 2. - Ош, 1999. - С. 47-50.

82. Маъсумӣ, Н.А. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик [Матн] / Н.А. Маъсумӣ. – Сталинобод, 1959. – 293 с.
83. Мельников, Г.П. Семантика и проблемы языкознания [Текст] / Г.П. Мельников // СТ. - 1971. - № 6. - С. 3-16.
84. Миржанова, С.Ф. Термины родства в диалектах башкирского языка [Текст] / С.Ф. Миржанова // СТ. - 1973. - № 4. - С. 99-109.
85. Моисеев, А.И. Термины родства в современном русском языке [Текст] / А.И. Моисеев // Ж-л НДВШ. Филологические науки. - 1963. - № 3. – С.
86. Моисеев, А.И. Типы толкования терминов родства в словарях современного русского языка [Текст] / А.И. Моисеев // Лексикографический сборник. Вып. V. - М., 1962. – С.
87. Морган, Л.Г. Системы родства и свойства человеческой семьи [Текст] / Л.Г. Морган. – СПб., 1871. - с.
88. Морган, Л.Г. Древнее общество [Текст] / Л.Г. Морган. - Л., 1934. – С. 76.
89. Мусаев, К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении [Текст] / К.М. Мусаев. - М., 1975. - с.
90. Мусаев, К.М. Основные проблемы изучения лексики языков [Текст] / К.М. Мусаев // СТ. - 1978. - № 3. - С. 33-41.
91. Мухамадиева, З.М. Сопоставительный анализ терминов брачного родства в таджикском и английском языках [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: / Мухамадиева З.М. - Душанбе, 2002. – 107 с.
92. Мухаммадиев, М., Талбакова, Х., Нурмухаммедов, Ю. Лексикаи забони адабии тоҷик [Матн] / М. Мухаммадиев, Х. Талбакова, Ю. Нурмухаммедов. - Душанбе: ДДМТ, 1997. - С. 124-131.
93. Немировский, М.Я. Способы обозначения пола в языках мира [Текст] / М.Я. Немировский // Памяти академика Н.Я. Марра. - М. - Д., 1938. – С.
94. Ниёзмұхаммадов, Б., Маъсумӣ, Н., Гаффаров, Р. Терминҳо бояд дуруст бошанд [Матн] / Б. Ниёзмұхаммадов, Н. Маъсумӣ, Р. Гаффаров. - Душанбе, 1978. - с.

95. Никитин М.В. Лексическое значение слова [Текст] / М.В. Никитин. - М.: Высш. школа, 1983. - 128 с.
96. Новиков, Л.А. Семантика русского языка [Текст]: учеб. пособие / Л.А. Новиков. - М.: Высш. школа, 1982. – 272 с.
97. Ольдерогге, Д.А. Малайская система родства [Текст] / Д.А. Ольдерогге // Труды ин-та этнографии АН СССР. - М., 1951. - Т. 14. – С.
98. Ольдерогге, Д.А. Некоторые вопросы изучения систем родства [Текст] / Д.А. Ольдерогге // СЭ. – 1958. - № 1. – С.
99. Ольдерогге, Д.А. Основные черты развития систем родства [Текст] / Д.А. Ольдерогге // СЭ. – 1960. - № 6. – С.
100. Пейсиков, Л.С. Очерки по словообразованию персидского языка [Текст] / Л.С. Пейсиков. - М.: Изд-во Либроком, УРСС, 2010. – 200 с. (С. 79).
101. Писарчик, А.К. О некоторых терминах родства таджиков [Текст] / А.К. Писарчик // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. - Сталинабад, 1953. - Т. 17. - С. 1.
102. Писарчик, А.К. О некоторых терминах родства таджиков [Текст] / А.К. Писарчик // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. – Сталинабад, 1959. - Т. 17. - С. 177-185.
103. Писарчик, Кармышева. Таджики Каратегина и Дарваза. 1966, 66-69; 1952, 73-97.
104. Покровская, А.А. Термины родства в тюркских языках [Текст] / А.А. Покровская // Историческое развитие лексики тюркских языков. - М.: Изд-во АН СССР, 1961. - С. 11-81.
105. Попов, В.А. Экологическое время и циклические структуры возрастных и родственных систем [Текст] / В.А. Попов // Пространство и время в архаических культурах. - М., 1992. – С.
106. Попов, В.А. Экологическое время и циклические структуры возрастных и родственных систем [Текст] / В.А. Попов // Пространство и время в архаических культурах. - М., 1992. - С. 30.

107. Попов, Р.Н. Методы исследования фразеологического состава языка : учебное пособие для студентов факультетов русского языка и литературы [Текст] / Р.Н. Попов. – Курск: Курск. гос. пед. ин-т, 1976. – 83 с.
108. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике [Текст]. Т. IV / А.А. Потебня. - М. - Л., 1941. - С. 36.
109. Прохорова, В.Н. О словах с противоположными значениями в русских говорах [Текст] / В.Н. Прохорова // Филологические науки. – 1961. - № 1. - С. 35, 44.
110. Расторгуева, В.С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров [Текст] / В.С. Расторгуева. - М., 1964. - 188 с. – (С. 14).
111. Рахматуллозода, С. Словообразования имён существительных в южных и юго-восточных говорах таджикского языка [Текст] / С. Рахматуллозода. – Душанбе, 2016. - 233 с.
112. Реформатский, А.А. Введение в языкознание [Текст] / А.А. Реформатский. - М.: Просвещение, 1967. – 220 с. (С. 22).
113. Реформатский, А.А. Что такое термин и терминология [Текст] / А.А. Реформатский // Вопросы терминологии (Материалы Всесоюзного терминологического совещания). - М.: Изд. АН СССР, 1951. -С. 47.
114. Розенфельд, А.З. Ванчские говоры таджикского языка [Текст] / А.З. Розенфельд. - Душанбе, 1964. – 149 с.
115. Розенфельд А.З. Говоры Каратегина [Текст] / А.З. Розенфельд // Иранские языки, т. II. - Сталинабад, 1960. - С. 140.
116. Розенфельд, А.З. Дарвазские говоры таджикского языка [Текст] / А.З. Розенфельд // Тр. АН СССР. - 1956. - Т. 6. - С. 196-272.
117. Розенфельд, А.З. Материалы по языку и этнографии припамирских таджиков [Текст] / А.З. Розенфельд // Страны и народы Востока. - М., 1975. - Вып. XVI. - С. 210-222.
118. Розенфельд, А.З. Ванчские говоры таджикского языка [Текст] / А.З. Розенфельд // Труды Ин-та языкознания АН СССР. – 1956. - Т. 5. - стр. 215. – С.

119. Розенфельд, А.З. Бадахшанские говоры таджикского языка [Текст] / А.З. Розенфельд. – Л., 1971. - С. 22.
120. Рустамов, Ш. Калимасозии исм дар забони адабии хозираи тоҷик [Матн] / Ш. Рустамов. – Душанбе: Дониш, 1972. - 78
121. Саймиддинов, Д. Адабиёти паълавӣ [Матн] / пажӯҳиш, тарҷума ва ташреҳ Д. Саймиддинов. – Душанбе, 2003. – 238 с.
122. Саймиддинов, Д. Вожашиносии забони форси миёна [Матн] / Д. Саймиддинов. – Душанбе, 2001. – 308 с.
123. Саймиддинов, Д. Форсии бостон [Матн] / Д. Саймиддинов. – Душанбе, 2007. – 214 с.
124. Семенов, Л.А. Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии, часть I (Грамматический очерк и памятники народного творчества) [Текст] / Л.А. Семенов. - М., 1900. - с.
125. Семенов, Ю.И. Происхождение брака и семьи [Текст] / Ю.И. Семенов. - М., 1974.
126. Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем [Текст]. - М.: Наука, 1971. - С. 269-277.
127. Соколова, В.С. Итоги Первой диалектологической экспедиции [Текст] / В.С. Соколова // Труды ТФАН СССР, т. XXIX. - Сталинабад, 1951. - стр. 122. – С.
128. Соселия, Э.Г. Анализ систем терминов родства (по материалам картвельских 444 языков) [Текст] / Э.Г. Соселия. - Тбилиси, 1979. - 819 с.
129. Соселия, Э.Г. Некоторые обобщения, касающиеся семантической стороны терминов родства [Текст] / Э.Г. Соселия // Типология как раздел языкознания. - М., 1976. – 817 с.
130. Соселия, Э.Г. Общие вопросы анализа систем терминов родства [Текст] / Э.Г. Соселия // Изв. АН Груз. ССР. Сер.: Язык и литература. – 1977. - № 1. – С. 818. – С.
131. Соселия, Э.Г. Анализ систем терминов родства [Текст] / Э.Г. Соселия. - Тбилиси: Мецниереба, 1979. – 109 с.

132. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию [Текст] / Ф. де Соссюр. - М., 1977. - с. 121.
133. Степанов, Ю.С. Основы общего языкознания [Текст] / Ю.С. Степанов. - М.: Просвещение, 1975. – 272 с. - С. 22.
134. Толикина, Е.Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина [Текст] / Е.Н. Толикина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. - М., 1970. - С. 53-67.
135. Трубочёв, О.И. Этимология и текст [Текст] / О.И. Трубочёв // Современные проблемы литературоведения и языкознания. - М.: Наука, 1974. - С. 448-455.
136. Трубецкой, Н.С. Избранные труды по филологии [Текст] / Н.С. Трубецкой. - М., 1987. - с.
137. Уфимцева, А.А. Лексикология [Текст] / А.А. Уфимцева // Теоретические проблемы советского языкознания. - М.: Наука, 1968. - С. 232-257.
138. Хасанов, Б. Обращение как объект изучения социолингвистики / Б. Хасанов [Текст] // Тюркское языкознание. – Ташкент: Фан, 1985. - С. 213-214.
139. Хоркашев, С.Р. Место суффикса -акй в юго-восточных говорах таджикского языка [Текст] / С.Р. Хоркашев // Исследование и приобретение: науч. сб. - Душанбе, 2007. – С. 14-19. - (На тадж. яз).
140. Хоркашев, С.Р. Суффиксальное словообразование существительных в юго-восточных говорах таджикского языка [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.08 / Хоркашев С.Р. - Душанбе, 1993. - 200 с.
141. Хоркашев, С.Р. Суффиксальное словообразование существительных в юго-восточных говорах таджикского языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.08 / Хоркашев С.Р. - Душанбе, 1996. - 20 с.
142. Хоркашев, С. Р. Отвлечённые существительные с суффиксом -й(-гй) в юго-восточных говорах таджикского языка / Хоркашев С.Р. // Научно-методический сборник. - Душанбе, 2009. - С. 3.
143. Хоркашев, С. Р. Словообразовательные функции суффиксальной морфемы – чй? в южных и юго-восточных говорах таджикского языка» /

- Хоркашев С.Р. // К 100-летию юбилею В. С. Расторгуевой. Иранский сборник. -М., Языки народов Мира, 2016. -136с. – С.125-131
144. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык. Лексика [Текст] / Д.Н. Шмелев. - М., 1977. – 335 с.
145. Шерцль, В. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии) [Текст] / В. Шерцль // Филологические записки. – 1883. - № 5-6. - С. 54-55.
146. Щербак, А.М. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-манчжурских языков [Текст] / А.М. Щербак // ВЯ. - 1961. - № 3. – С.
147. Эгамназаров, Х.Х. «Термины родства и их функционально-семантические микросистемы в узбекском и английском языках[Текст]: автореф. дис. канд. д-ра филол. наук: 20.02.20 - Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Эгамназаров Х.Х. – Душанбе, 2010. - с. 157
148. Языки народов СССР [Текст]. Т. 2: Тюркские языки. - М., 1966. - с.
149. Якобсон, Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание [Текст] / Р. Якобсон // НЛ. – 1963. - Вып. 3. – С.

Словари

150. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. - М., 1966. – 608 с.
151. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов [Текст] / Э. Бенвенист. - М.: Прогресс - Универс, 1995. – 456 с.
152. Будагов, Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий с включением употребительных слов арабских и кыргызских с переводом на русский язык [Текст] / Л.З. Будагов. - М., 1960. - Т. 1-2.
153. Древнетюркский словарь [Текст]. - Л.: Наука, 1969. - С. 67-298.
154. Махмудов, М. Словарь южных говоров таджикского языка [Текст] [Текст] / М. Махмудов, Г. Джураев. - Душанбе, 1997. – 288 с.

155. Махмудов, М. Фарҳанги гуйишҳои ҷанубии забони тоҷикӣ [Матн]. (Словарь южных говоров таджикского языка) / Махмудов М., Чураев Г., Бердиев Б. - Душанбе, 2012. – 946 с. (С. 249, 634).
156. Махмудов, М. Словарь диалектов таджикского языка. (Южные диалекты) [Текст] / М. Махмудов, Г. Джураев. - Душанбе, 1997. - 288 с. - (На тадж. яз.).
157. Махмудов, М. Словарь южных говоров таджикского языка [Текст] / М. Махмудов, Г. Джураев. - Душанбе, 1997. – 288 с. – (На тадж. яз.).
158. Махмудов, М. Словарь диалектов таджикского языка. (Южные диалекты) [Текст] / М. Махмудов, Г. Джураев. - Душанбе, 1997. - 288 с. – (На тадж. яз.).
159. Мюллер, В.К. Англо-русский словарь [Текст] / В.К. Мюллер. - М.: Академический проект; Русский язык, 1997. - 912 с.
160. Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» [Текст] / Э.В. Севортян. - М., 1978. - С. 12-48. - с.
161. Фарҳанги забони тоҷикӣ [Матн]: в 2 -х т. – Т. 1. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 951 с. (С. 206).
162. Фарҳанги забони тоҷикӣ [Матн]: в 2 -х т. – Т. 2. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 949 с.
163. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ [Матн]: иборат аз 2 ҷилд. Ҷ. 1 / зери таҳрири Сайфиддин Назарзода. – Душанбе, 2008. – 950 с.
164. Фарҳанги гуйишҳои ҷанубии забони тоҷикӣ [Матн]. - М.: /Большая советская энциклопедия, в 30 тт., 3-е изд., М., Советская энциклопедия, 1973, т.13, стлб. 5. - 634 с.

Литература на иностранных языках

165. 2. ۱۳۷۴. منوچهر آریان پور کاشانی. فرهنگ ریشه های هندواروپایی زبان فارسی. اصفهان، (ش. ۵۴۵ صفحه)
166. 4. 1938. یسنا (جلد اول). جزوی از نامه مینوی اوستا. تفسیر و تألیف پوردادود. بمبئی 1938. 257 стр.

167. یسنا. پخش دۆم. گزارش پور داو د. به کوشش بهرام فروشی. از انتشارات انجمن ایرانشناسی. 1337 شمسی. 201 стр. فروردین ماه 1337 شمسی.
168. یشتها. جلد 1. گزارش پور داود. تهران، 1347 خورشیدی، 5.
169. یشتها جلد 2. 696 стр. на персидском, 55 стр. предисловия на английском. 1347 خورشیدی (545 стр.).
170. Aberle, D.F. A scale of alternate generation terminology [Text] / D.F. Aberle // SWJA. - 1967. - Vol. 23. - № 3. - P. 263.
171. Avesta. Die heiligen Bücher der Parsen [Text] / Hrsg. von K.F. Geldner. - Stuttgart, 1886 – 1895, t. 1. Yasna. 1886; t. 2. Visperad und Khorde Avesta. 1889; t. 3. Vendidad und Prolegomena. 1895 (критический текст Авесты).
172. Barnes, R.H. Introduction [Text] / R.H. Barnes // Kohler J. On the Prehistory of Marriage: Totemism, Group Marriage, Mother Right. - Chicago, 1975. – P.
173. Berthe, L. Parente, pouvoir et mode de reproduction: Elements pour typologie des societes agricoles de l'Indonesie [Text] / L. Berthe // Studies in General Anthropology. Echangeset Communications. - Vol. 2. - The Hague - Paris, 1970. - P. 728.
174. Fortes, M. Social Anthropology at Cambridge since 1900 [Text] / M. Fortes. - Cambridge, 1953. - P. 13. (P. 110).
175. Gifford, E.W. Tubatulabal and Kawaiisu kinship terms [Text] / E.W. Gifford // UCFAAE. - 1917. - Vol. 12. - № 6. - P. 240-241.
176. Hockett, C.F. Problems of morphemic analysis [Text] / C.F. Hockett // Language. - 1947. - Vol. 23. - P. 66-68.
177. Kroeber, A.L. Classificatory systems of relationship [Text] / A.L. Kroeber // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain. - London: Routledge and Kegan Paul, 1909 - Vol. 39. - № 1. - P. 131-142.
178. Kroeber, A.L. Classificatory systems of relationship [Text] / A.L. Kroeber // Social Structure / A.L. Kroeber; ed. by Nelson Graburn. - New York: Harper & Row, 1971. - P. 61–62.
179. Levi-Strauss, C. Review: Scheffler H.W. Australian kin classification [Text] / C. Levi-Strauss // L'Homme. - Vol. 20. - № 1. - P. 166.

180. Lowie, R.H. A note on Kiowa kinship usages [Text] / R.H. Lowie // AA. - 1923. - Vol. 25. - № 2. - P. 1666.
181. Lowie, R.H. Culture and Ethnology [Text] / R.H. Lowie. - N.Y., 1917. – P. 1662.
182. Lowie, R.H. Family and sib [Text] / R.H. Lowie // AA. - 1919. - Vol. 21. - № 1. – P. 1663.
183. Lowie, R.H. Historical and sociological interpretations of kinship terminologies[Text] / R.H. Lowie // HAV. – P. 1661;
184. Lowie R.H. The Northern Shoshone / R.H. Lowie // APAMNH. - 1908. - Vol. 2. – P. 1660.
185. Lowie, R.H. Note on relationship terminologies [Text] / R.H. Lowie // AA. - 1928. - Vol. 30. - № 2. – P. 1670.
186. Lowie, R.H. Primitive Society [Text] / R.H. Lowie. - L., 1920. – P. 1664.
187. Lowie, R.H. Relationship terms [Text] / R.H. Lowie // Encyclopedia Britannica. - 12th ed. – London, 1922. – P. 1665.
188. Lowie, R.H. Notes on Shoshonean ethnography [Text] / R.H. Lowie // APAMNH. - 1924. - Vol. 20, pt. 3. – P. 1667.
189. Lowie, R.H. Shoshonean tales [Text] / R.H. Lowie // JAFL. – 1924. - Vol. 37. –№ 143-144. – P. 1668.
190. Lowie, R.H. The Crow Indians [Text] / R.H. Lowie. - N.Y., 1925. – P. 1669.
191. Kroeber, A.L. Classificatory systems of relationship [Text] / A.L. Kroeber // JRAI. - 1909. - Vol. 39. - P. 64, 79.
192. Morgan, L.H. Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family[Text] / L.H. Morgan. - Washington, 1871.
193. Morgan, L.H. The Systems of Relationship of the Red Race [Text] / L.H. Morgan. - Rochester, 1859. - P. 1.
194. Murdock, G.P. The Witoto kinship system [Text] / G.P. Murdock // AA. - 1936. - Vol. 38. - № 3, pt. 1. - P. 101.
195. Romanoff, S.A. Matses Adaptations in the Peruvian Amazon [Text] / PDD / S.A. Romanoff. - Columbia University, N.Y., 1984. – 300 p.

196. Tax, S. The social organization of the Fox Indians [Text] / S. Tax // SANAT.
197. Webster, Merriam. The Merriam-Webster New Book of Word Histories [Text] / MerriamWebster. - N.Y., 1991. - P. 122.